Щебальский П.

Н.А. Милютин и рефор
мы в Царстве Польском

Т 23/318

Г 23
315.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

МИЛЮТИНЪ

И

РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

П. К. Щебальскаго.

МОСКВА.

1883

У 23/318

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

и

РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

П. К. Щебальскаго.

М.П.М.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882

Дозволено цензурой. Москва, 28 октября 1882 года.

2007056022

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

И

РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Ратча: *Свѣд. о польск. мятежѣ 1863 года* и пр., Вильна, 1867—68, 2 т.
Lisicki: *Le marquis Wielepolski, sa vie et son temps*, Вѣна, 1880, 2 т.
Н. Берга: *Записки о польскихъ мятежахъ и возстаніяхъ*, Москва, 1873.
Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія и пр., Берлинъ, 1860—62, 3 т.
A. Moller: *Situation de la Pologne au 1 janv. 1865*, Paris, 1865.
Князь В. А. Черкасскій, Москва, 1879.
Leroy-Beaulieu: *Un homme d'état russe contemporain d'après sa correspondence inédite* (*Revue des deux Mondes* 1880—81).
Дневникъ Законовъ.

Совершившіяся на нашихъ глазахъ событія начинаютъ мало-по-малу отдаляться отъ насъ и забываться. Забываются и люди принимавшіе видное участіе въ этихъ событіяхъ. Вотъ и минувшее царствованіе начинаетъ тускнѣть въ туманѣ отдаленія, а тѣ имена которыхъ еще такъ недавно повторяла стоустая молва сошли со сцены и либо спятъ непробуднымъ сномъ, либо усталые ожидаютъ когда и для нихъ настанетъ минута успокоенія...

Между событіями минувшаго царствованія одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ послѣдній польскій мятежъ и послѣдовавшія за нимъ реформы, а между сотрудниками Александра II—Николай Алексѣевичъ Милютинъ. О польскихъ дѣлахъ 1860—65 года обнародованы кое-какіе матеріалы, а въ послѣднее время издано спеціальное изслѣдованіе о

маркизѣ Велёпольскомъ и напечатана въ *Revue des deux Mondes* біографія Милютина, какъ государственнаго дѣятеля, основанная на частной его перепискѣ и составленная Анатолемъ Леруа-Больё (Leroy-Beaulieu). Она бросаетъ много свѣта и на ходъ самыхъ событій участникомъ коихъ былъ покойный Милютинъ. Конечно, всѣ эти матеріалы не даютъ еще возможности написать *исторію* помянутаго историческаго момента, но простая сводка разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ данныхъ, — разумѣется съ нѣкоторою критическою оцѣнкой этихъ данныхъ,—будетъ, кажется, трудомъ не безполезнымъ. Приступимъ же къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ объясненій.

—

Г. Леруа-Больё приписываетъ Н. А. Милютину главную роль въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Но если и допустить что онъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны Государя и нашелъ нѣсколькихъ чрезвычайно даровитыхъ сотрудниковъ, то какъ объяснить что этотъ необыкновенно щекотливый вопросъ былъ развязанъ и вошелъ въ жизнь съ такимъ успѣхомъ? Вѣдь онъ затрогивалъ матеріальное благосостояніе всего дворянскаго сословія и даже политическое его значеніе. Государь желалъ этого, скажутъ. Безъ сомнѣнія. Государь могъ принять мнѣніе меньшинства Государственнаго Совѣта и на этомъ основаніи издать указъ,—не даромъ же онъ сказалъ: „Самодержавіе установило крѣпостное право, самодержавіе должно оное и прекратить“ *; но почему же какъ при составленіи, такъ и при разсмотрѣніи Положенія стояли за освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ дворяне-помѣщики, какъ напримѣръ князь Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и многіе другіе? Почему другіе дворяне-помѣщики взяли въ свои руки Положеніе 19 февраля и честно, даже съ увлеченіемъ, привели его въ исполненіе, что̀ по крайней мѣрѣ столько же важно какъ и составленіе самого Положенія? Почему день объявленія Царскаго манифеста былъ для многихъ душевладѣльцевъ днемъ пламенныхъ ликованій, повторявшихся и нѣсколько лѣтъ сряду? Почему иные родители водили въ этотъ день своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ церковь, а другіе заставляли ихъ пить шампанское „за Царя и за освобожденіе мужиковъ“? Почему изъ сердца

---

* *Матеріалы* и пр., III, 160.

одного титулованнаго литератора (князя В. Ѳ. Одоевскаго) вылилось слѣдующее задушевное четверостишіе:

Тобой свершилося желанное вѣками!
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда! *

Указъ могъ быть написанъ по волѣ, даже по единоличной волѣ Государя; такіе указы не рѣдкость. Но не рѣдкость что указы остаются мертвою буквой. Таковъ указъ Петра I о майоратахъ, таковы распоряженія Екатерины II имѣвшія цѣлію сближеніе съ Россіей Прибалтійскихъ провинцій, указы Александра I и Николая о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязательныхъ крестьянахъ. Почему эти и многіе другіе указы остались мертвою буквой? Вслѣдствіе строптивости, упорства, духа оппозиціи, свойственныхъ Русскому народу, какъ говорили не рѣдко иностранцы писавшіе о Россіи? Нѣтъ, разница здѣсь та что для указа 19 февраля 1861 года почва была подготовлена, тогда какъ она вовсе не была подготовлена для названныхъ указовъ Петра, Александра и Николая, а распоряженія Екатерины были прямо антипатичны... только не „строптивому Русскому народу“.

Да, почва для освобожденія крѣпостныхъ и для разрѣшенія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи ихъ была въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ значительно подготовлена. Чѣмъ? Отчасти, думаемъ, предшествующими мѣрами правительства и ходомъ идей, отразившихся и въ русской литературѣ особенно съ половины сороковыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ изображенныхъ тогдашними писателями типовъ были идеализованы, другіе выставляемы подъ освѣщеніемъ легкаго юмора, но юмора добродушнаго и сочувственнаго, и цѣлыя поколѣнія возрастали и воспитывались въ духѣ сочувствія къ бѣдности и беззащитности, въ духѣ готовности пособить бѣдному и защитить обездоленнаго. Подобныя же понятія внушали своимъ дѣтямъ и иные родители усвоившіе себѣ гуманныя воззрѣнія Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, воззрѣнія дѣйствовавшія тѣмъ сильнѣе что они легко прививались къ понятіямъ христіанскимъ, еще крѣпкимъ лѣтъ 50—60 тому назадъ.

---

* *Русскій Архивъ*, 1871, XI.

Таковы именно были повидимому родители Милютина. Г. Леруа разказываетъ что однажды во время масляницы Николай Алексѣевичъ, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношей, отправился на танцовальное утро въ Дворянское Собраніе, веселился тамъ до 6 часовъ вечера, потомъ обѣдалъ гдѣ-то; послѣ обѣда опять устроились танцы, потомъ подали ужинъ, такъ что юноша возвратился домой въ 3 или 4 часа ночи, совершенно довольный и счастливый. На слѣдующее утро, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блаженныхъ воспоминаній, онъ принялся передавать ихъ своимъ родителямъ. Но они прервали его вопросомъ: а что же сдѣлалъ ты съ кучеромъ?—„Только тогда, разказывалъ Н. А. по словамъ своего біографа незадолго до своей смерти,—только тогда я почувствовалъ всю мою жестокость относительно этого бѣднаго человѣка, котораго я продержалъ на морозѣ пятнадцать часовъ. Съ тѣхъ поръ, заключилъ обезсиленный тяжкимъ недугомъ государственный человѣкъ,—въ головѣ моей постоянно толпились мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ людей“... Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Такимъ образомъ, то путемъ впечатлѣній почерпаемыхъ изъ литературы, то путемъ практическихъ уроковъ самой жизни воспитывались цѣлыя поколѣнія. По словамъ одного изъ друзей князя В. А. Черкаскаго, „съ самой университетской скамьи всѣ его помыслы, всѣ усилія были устремлены къ одной цѣли—къ освобожденію крестьянъ“. И то же, безо всякаго сомнѣнія, можно сказать о весьма многихъ не только крупныхъ дѣятеляхъ знаменитой реформы, но и о тѣхъ „людяхъ сороковыхъ годовъ“ имена которыхъ остались совершенно неизвѣстными. Повторяю, къ началу царствованія Александра II почва для предстоящей реформы была уже въ значительной степени подготовлена, по крайней мѣрѣ въ сферѣ сознанія, въ сферѣ мнѣнія. Вотъ почему, когда правительство поставило крестьянскій вопросъ на практическую почву, нашлись и сановники горячо принявшіеся за него, какъ Ланской, Ростовцевъ; нашлись и спеціалисты знакомые со всѣми подробностями дѣла, ибо на разсмотрѣніе Главнаго Комитета поступило болѣе сотни проектовъ переустройства крестьянскаго быта *; нашлись серіозные публицисты разъяснявшіе читающей массѣ этотъ крайне сложный

---

* *Матеріалы* и пр. I, 265.

и щекотливый вопросъ, нашлись, наконецъ, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, а еще ранѣе въ лицѣ предводителей дворянства, органы для проведенія въ жизнь новоизданнаго Положенія... Крестьянскій вопросъ вызрѣвалъ медленно, въ продолженіе четверти столѣтія, если принять за начало тридцатые годы; въ сознаніи же русскаго общества онъ началъ пускать корни еще несравненно ранѣе, а именно во времена Екатерины Великой, со времени извѣстнаго предложенія ея Вольно-Экономическому Обществу и *Наказа*. Среди образованнѣйшихъ людей двадцатыхъ годовъ уже возникало сознаніе,—но еще очень смутное, въ видѣ зародыша,—о правѣ каждаго человѣка располагать собой, и только 30—35 лѣтъ спустя этотъ зародышъ вызрѣлъ и неясныя стремленія могли воплотиться въ конкретную форму законодательнаго акта... Не худо бы держать это въ памяти. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ сравнительной неуспѣшности другихъ реформъ послѣдняго царствованія, напримѣръ земской и судебной, было то что онѣ не успѣли вызрѣть въ общественномъ сознаніи и явились отчасти скороспѣлками, отчасти коліями съ чужихъ образцовъ. И новый судъ и земство дѣйствуютъ уже около двадцати лѣтъ, а какъ различны еще у насъ и теперь воззрѣнія на компетенцію мировыхъ и общихъ судовъ, на обязанности слѣдователей, на порядокъ преданія суду, на порядокъ назначенія присяжныхъ засѣдателей, на права защиты, на права и обязанности земства, на составъ гласныхъ, и такъ далѣе!

—

Г. Леруа Больё долго, прилежно и—мы отъ души расположены допустить это—добросовѣстно занимался изученіемъ Россіи; но можетъ-быть потому именно что онъ сильно вчитался въ современную нашу публицистику и внимательно прислушивался къ толкамъ о настоящемъ положеніи нашего отечества, въ его статьяхъ о Россіи вообще и о Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ въ частности встрѣчаются такія выраженія и связываются съ ними такія понятія которыхъ значеніе или совершенно вывѣтрилось отъ частаго употребленія, или же извратилось отъ употребленія въ неправильномъ, ненадлежащемъ и самопроизвольномъ смыслѣ. Таковы, между прочимъ, очень любимыя французскимъ авторомъ слова: „tchinovnik, tchinovnisme и bureaucratie“. Мы желали

бы знать, чѣмъ отличается русскій чиновникъ и русская канцелярія отъ французскаго bureau и французскаго employé? Съ послѣднимъ мы не знакомы лично, но мы встрѣчаемъ типъ employé во французскихъ романахъ со временъ еще покойнаго Бальзака и находимъ оба эти спесимена очень сходными. Да иначе кажется и быть не можетъ. Сходныя причины производятъ и явленія сходныя. Веденіе регистратуры, составленіе извлеченій и записокъ по мало интереснымъ дѣламъ, докладовъ по установленной формѣ и т. п. не способны, конечно, развить въ человѣкѣ блестящихъ качествъ ума и воображенія, энергіи и инціативы. Но то же самое и вездѣ гдѣ существуетъ письменное производство, а оно существуетъ вездѣ, во всѣхъ государствахъ, ибо безъ письменныхъ сношеній, безъ журналовъ, протоколовъ, приходо-расходныхъ и иныхъ книгъ немыслимо управленіе государствомъ; да безъ нѣкотораго лисьмоводства немыслимо управленіе и заводомъ, фермой, мелочною лавочкой. Можетъ-быть у насъ письмоводство приняло нѣсколько бо́льшіе размѣры чѣмъ въ другихъ странахъ, можетъ-быть оно болѣе страдаетъ медленностью, но такъ ли это дѣйствительно—сказать съ увѣренностью нельзя до тѣхъ поръ пока этотъ вопросъ не подвергся спеціальному изученію, причемъ однако пришлось бы принять во вниманіе несравненно бо́льшія у насъ чѣмъ въ другихъ странахъ разстоянія и несравненно меньшее относительно пространства Россіи, протяженіе желѣзныхъ дорогъ. Во всякомъ случаѣ французскій авторъ, придавая словамъ tchinovnik, tchinovnisme и bureaucrate пренебрежительный характеръ и называя самъ, отъ своего имени, Милютина бюрократомъ, * очевидно повторяетъ столь знакомый намъ мотивъ господствующаго у насъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣнія; а какова иногда основательность этого мнѣнія, о томъ даетъ уразумѣть одно уже то что Николая Алексѣевича, по словамъ г. Леруа-Больё, считали „чистѣйшимъ представителемъ чиновничества“.

Н. А. Милютинъ и чиновничество въ смыслѣ обыкновенно этому слову придаваемомъ, то-есть въ смыслѣ бездарнаго и лѣниваго канцелярскаго люда, забитаго, запуганнаго, высох-

---

* „Pour un bureaucrate dont l'existence s'était écoulée dans les chancelleries pétersbourgeoises“, говоритъ французскій авторъ о Милютинѣ (*Revue des deux Mondes*, 1880, 851).

шаго надъ переписываньемъ бумагъ,—это сопоставленіе ужь черезчуръ смѣшно! А между тѣмъ Милютинъ не единственный „чиновникъ“ чуждый печати чиновничества изъ числа тѣхъ имена коихъ приводятся г. Леруа-Больё. Когда ему было только 22 года, первый его начальникъ графъ А. Г. Строгановъ, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, говоритъ г. Леруа-Больё, обратилъ вниманіе на составленную имъ записку объ оказавшемся во многихъ мѣстахъ голодѣ, * пожелалъ лично познакомиться съ ея авторомъ и, чтобъ окончательно убѣдиться въ его способностяхъ, поручилъ ему тутъ же, не выходя изъ министерскаго кабинета, составить записку (un travail) по поводу первыхъ предположеній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи... Надо согласиться что и молодой двадцатидвухлѣтній чиновникъ, которому задаютъ такія работы, не похожъ на Акакіевъ Акакіевичей, на Дѣвушкиныхъ, вообще на чиновника въ пренебрежительномъ значеніи этого слова, да и министръ вступающій въ личныя сношенія съ мелкимъ подчиненнымъ ему чиновникомъ и лично испытывающій его способности не похожъ на тѣхъ самодовольныхъ пошляковъ какихъ въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ намъ рисуютъ во главѣ „чиновничества“. Подобно Строганову и его преемники Перовскій и Ланской не смѣшивали молодаго Милютина съ канцелярскою толпой: при первомъ изъ этихъ министровъ ему было поручено составленіе проекта преобразованія Петербургской думы—работы законодательнаго характера, а при Ланскомъ, имѣя не болѣе 35 лѣтъ, онъ былъ сдѣланъ ближайшимъ сотрудникомъ, товарищемъ министра... Что, спрашивается, во всемъ сейчасъ разказанномъ можетъ подать поводъ къ толкамъ о „чиновничествѣ“, „чиновникахъ“ и „бюрократіи“? Бибиковъ, предмѣстникъ Ланскаго, не особенно благоволилъ къ Милютину, но ужь конечно не въ „чиновничествѣ“ и „бюрократіи“ можно обвинить даровитаго, энергическаго, исполненнаго личной инціативы Д. Г. Бибикова!

Разумѣется, совершая эту быструю карьеру, Милютинъ ступалъ не по однимъ только розамъ. У насъ, какъ и вездѣ впрочемъ, быстрое возвышеніе вызываетъ отчасти зависть, а отчасти и усиленную требовательность, которую нельзя назвать несправедливою: кому много дается, отъ того много

---

* Это было вѣроятно въ 1839 году.

и требуется. Иные считали Милютина счастливчикомъ, выскочкой и искали въ будуарныхъ тайнахъ объясненія его быстрому возвышенію; другіе считали его выскочкой опаснымъ. И точно, его воззрѣнія на существующій порядокъ, которыхъ онъ не скрывалъ, напротивъ, охотно провозглашалъ, желая имъ торжества, слишкомъ расходились съ духомъ господствовавшей правительственной системы. Человѣкомъ опаснымъ былъ онъ представленъ и покойному Государю. Но онъ имѣлъ сильную поддержку въ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, въ кружкѣ молодыхъ сановниковъ пробивавшихся уже на первыя ступени іерархической лѣстницы, и болѣе всего въ лицѣ своего непосредственнаго начальника Ланскаго. Ланской ручался предъ Государемъ за Милютина „какъ за самого себя“ и, какъ уже сказано, Милютинъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Это назначеніе послѣдовало въ началѣ 1859 года, во время самаго разгара приготовительныхъ работъ по крестьянскому вопросу. Но есть основанія полагать что еще гораздо ранѣе отъ него лично исходила инціатива многихъ мѣръ принятыхъ при разрѣшеніи этого вопроса. Изъ письма Милютина къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ отъ 19 октября 1856 года, приводимаго г. Леруа-Больё, видно что въ его головѣ тогда уже слагалась мысль о губернскихъ комитетахъ. Тотъ же писатель разказываетъ что въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, Ю. Ѳ. Самаринъ пожелалъ познакомиться съ Милютинымъ и что при этомъ „установлены были главныя черты освобожденія крестьянъ“. Наконецъ, по словамъ г. Леруа-Больё, многіе члены редакціонныхъ коммиссій были приглашены по его указанію; что касается участія Милютина, уже какъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, то оно было первенствующимъ, преобладающимъ. Это достаточно извѣстно. Такое преобладаніе его было разумѣется естественнымъ результатомъ его выдающихся способностей и близкаго знакомства съ вопросомъ интересовавшимъ его, какъ мы знаемъ, почти съ дѣтства. И Милютинъ хорошо сознавалъ свою силу; но онъ зналъ что одинъ въ полѣ не воинъ и потому-то, какъ человѣкъ практическій, онъ заблаговременно сталъ высматривать людей болѣе или менѣе сходно съ нимъ смотрѣвшихъ на дѣло, сблизился съ ними и ввелъ ихъ въ редакціонныя коммиссіи. Между этими людьми достаточно на-

звать Ю. Ѳ. Самарина и князя Черкасскаго, его будущихъ сотрудниковъ въ переустройствѣ Царства Польскаго. Съ ихъ-то поддержкой и опираясь на нихъ, Милютинъ успѣлъ выработать проектъ Положенія 19 февраля почти въ томъ видѣ какъ оно обнародовано; ни въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ предсѣдалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ серіозныхъ измѣненій въ этомъ проектѣ не было сдѣлано; да Государь объявилъ что онъ и не допуститъ ихъ. „Вы можете, сказалъ онъ членамъ Совѣта, кое-что измѣнить, но главныя основанія должны оставаться неприкосновенными“. *

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ обнародованія Положенія, престарѣлый министръ Внутреннихъ Дѣлъ удалился на покой. Быть товарищемъ, въ сущности *помощникомъ* другаго министра, Милютинъ вѣроятно не захотѣлъ бы, а сдѣлаться министромъ самому не было надежды; это не входило въ виды Государя, и вотъ какъ объясняетъ это г. Леруа-Больё: „Среди двора, вообще непріязненнаго Милютину, Государю приходилось слышать что дворянство погибнетъ окончательно если такому человѣку будетъ ввѣрено приведеніе въ исполненіе аграрнаго закона установленнаго Положеніемъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь Милютина изображали систематическимъ противникомъ помѣщиковъ, человѣкомъ желающимъ разорить ихъ въ пользу крестьянъ. Государь, полагавшій свое честолюбіе въ доставленіи благосостоянія *всѣмъ* и справедливо желавшій не налагать слишкомъ тяжелыхъ жертвъ на свое вѣрное дворянство, не могъ не обратить вниманія на подобныя жалобы. Онъ не сдавался пока находилъ присутствіе товарища Ланскаго необходимымъ для приведенія дѣла къ концу“.... но, докончимъ мы мысль г. Леруа-Больё, великое дѣло было окончено въ законодательномъ порядкѣ, и опасеніямъ „вѣрнаго дворянства“ можно было дать удовлетвореніе. Въ письмѣ къ князю Черкаскому Милютинъ писалъ что ни онъ, ни Ланской не просили объ увольненіи и что его „выпроводили“. Онъ былъ однако сдѣланъ сенаторомъ, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, а нѣсколько дней спустя онъ извѣщалъ Самарина что Государь, прощаясь съ нимъ, обласкалъ его, благодарилъ и нѣсколько разъ обнялъ. Какъ бы то ни было, Милютинъ считалъ себя оскорбленнымъ и уѣхалъ за границу, а его біографъ,

---

* *Матеріалы*, III. 160.

забывая выше приведенное свое объясненіе удаленія Милютина, говоритъ о явной къ нему и другимъ главнымъ дѣятелямъ крестьянской реформы немилости (disgrace).* Впрочемъ, не одни чисто субъективныя соображенія тревожили и раздражали Николая Алексѣевича; онъ тревожился и, надѣемся, болѣе чѣмъ за себя лично, за судьбу самой реформы. Въ письмахъ къ Черкаскому и Самарину онъ говоритъ объ интригахъ придворныхъ и министерскихъ канцелярій, о начинающейся реакціи, лишу которымъ подаютъ де крестьянскіе безпорядки въ Рязанской и Пензенской губерніяхъ. Къ назначенію П. А. Валуева преемникомъ Ланскаго онъ относился не безъ недовѣрія: „Новый министръ, говоритъ Николай Алексѣевичъ, началъ тихо и уклончиво. Программу свою онъ излагаетъ такъ: строгое и буквальное приведеніе въ дѣйствіе Положенія, но въ духѣ примирительномъ. Не знаю, искренекъ ли онъ, но таково искренное желаніе Государя... Гуманныя свойства Государя предохранятъ его отъ реакціи“... Въ концѣ концовъ кажется что Милютинъ удалился въ менѣе пессимистическомъ настроеніи и съ большею бодростью духа чѣмъ можно бы заключить по нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ его словъ. Въ письмѣ къ какому-то „неизвѣстному“ онъ говоритъ: „Я уношу съ собою старую мою увѣренность въ живучесть дѣла освобожденія... Новый порядокъ сельскаго устройства утвердится, я въ томъ убѣжденъ, при помощи честныхъ и правдивыхъ лю-

---

* Не лишнимъ будетъ припомнить здѣсь слѣдующій, надѣлавшій въ свое время много шума и упоманаемый г. Леруа-Больё случай. По окончаніи всѣхъ работъ по составленію Положенія 19 февраля, преемникъ графа Ростовцева, графъ Панинъ, пожелалъ представить къ почетнымъ наградамъ наиболѣе потрудившихся. Милютинъ, узнавъ объ этомъ, представилъ Ланскому докладную записку (которая потомъ была сообщена графу Панину) въ которой свидѣтельствовалъ объ отвращеніи (répugnance) его сотрудниковъ къ подобнымъ отличіямъ. „Участіе въ совершеніи столь важнаго дѣла есть уже само по себѣ такая честь которой достаточно на всю жизнь“, такъ разсуждалъ Милютинъ объ этомъ въ одномъ частномъ письмѣ, а Самаринъ далъ этому разсужденію фактическое подтвержденіе, возвративъ графу Панину препровожденный ему орденъ. Вотъ нѣчто иллюстрирующее ту disgrace Милютина и его друзей, о коей говоритъ г. Леруа-Больё. Естественно что Государь могъ имѣть противъ нихъ нѣкоторое предубѣжденіе. Не слѣдуетъ служить изъ-за наградъ и выпрашивать ихъ, но не позволительно и презирать ихъ.

дей, которые должны словомъ и дѣломъ уяснять сознаніе и возвышать общественную нравственность. По глубокому моему убѣжденію, печать могла бы теперь содѣйствовать этому болѣе чѣмъ когда-нибудь. Она одна въ состояніи разсѣять вѣковыя предубѣжденія, выяснить новый законъ и постоянно указывать возвышенную цѣль которая такъ легко теряется изъ виду посреди мелочей вседневной жизни"... Главное же дѣло, писалъ Милютинъ своимъ друзьямъ-сотрудникамъ, князю Черкаскому и Самарину, теперь заключается въ работѣ на мѣстѣ, въ провинціи.

Эти друзья и перенесли свою дѣятельность въ провинцію, принявъ на себя обязанность мировыхъ посредниковъ. Письма ихъ къ Николаю Алексѣевичу вообще были успокоительны: великое дѣло утверждалось и пускало корни. Внѣ сферы собственно крестьянскаго вопроса приходили къ нему изъ Россіи тревожныя вѣсти. Начиналась смута, та смута, которая продолжалась 20 лѣтъ, разразилась страшною катастрофой 1 марта минувшаго года и не улеглась еще до нынѣ. Мы не будемъ касаться этой смуты, такъ какъ Н. А. Милютинъ не былъ призванъ бороться съ нею, но позволимъ себѣ привести слѣдующую характеристику тогдашняго положенія дѣлъ, которую находимъ въ письмѣ Самарина къ Николаю Алексѣевичу отъ іюля 1862 года. „Прежняя самонадѣянность, которая замѣняла энергію, исчезла безвозвратно. Старые правительственные пріемы отброшены, а жизнь ничего не создала на ихъ мѣсто. Въ верхнихъ сферахъ—зудъ законодательства и неслыханный недостатокъ дарованій; со стороны общества вялость, хроническая лѣнь, полное отсутствіе инициативы и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживающееся пополэновеніе безнаказанно задирать власть (taquiner impunément le pouvoir). Теперь, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, на всей землѣ Русской существуютъ только двѣ живыя силы—личная власть на верху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того чтобъ быть въ связи между собою, напротивъ того разъединены промежуточными наслоеніями, и эта-то нелѣпая (inepte) среда, не имѣющая никакихъ корней въ народѣ и однако въ теченіе вѣковъ цѣпляющаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подниматься на дыбы (se cabrer) подъ рукой собственною своею, единственною поддержкой (примѣръ тому дворянскія собранія, университеты, печать и пр.). Ея волли безполезно смущаютъ правительство

и раздражаютъ массы *. Правительство отступаетъ, дѣлаетъ уступки за уступками которыя не приносятъ никакой пользы обществу, а оно его продолжаетъ задирать изъ удовольствія задирать. Но это не можетъ продолжаться, ибо иначе не избѣжать сближенія между собою сѣвшихъ оконечностей, Верховной Власти и простонародья,—сближенія при которомъ все находящееся посреди было бы сплюснуто и раздавлено (aplati et broyé); а все находящееся посреди—это вся грамотная Россія, вся наша интеллигенція... Прибавьте къ этому польскую пропаганду, которая проникла всюду и которая въ послѣднія пять лѣтъ сдѣлала громадные успѣхи, особенно въ Подоліи"...

Дѣйствительно, польскія дѣла принимали весьма тревожный оборотъ. Замѣтивъ что съ началомъ новаго царствованія „повѣяло новымъ духомъ", крупные помѣщики Царства Польскаго, не нарушая легальности и установленныхъ порядковъ, обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ амнистіи польскимъ эмигрантамъ, о возвращеніи на родину сосланныхъ въ разное время, о допущеніи дворянства участвовать въ мѣстномъ управленіи и судѣ и объ открытіи польскаго университета. Значительная часть этихъ ходатайствъ была уважена, и Государь, посѣтившій Варшаву въ 1856 году, вынесъ оттуда повидимому хорошее впечатлѣніе. Довѣряя польскому дворянству, въ слѣдующемъ году правительство разрѣшило открытіе Земледѣльческаго Общества. Этому Обществу, въ которое записались едва ли не всѣ крупные землевладѣльцы Царства, было дозволено касаться исключительно вопросовъ хозяйственныхъ, земледѣльческихъ, и оно сна-

---

* „Въ Москвѣ, писалъ Николаю Алексѣевичу одинъ изъ его корреспондентовъ отъ 2 октября 1861 года, сборище студентовъ было разсѣяно народомъ, причемъ одинъ студентъ былъ такъ избитъ что вскорѣ умеръ (?)... Не могу ручаться за вѣрность этого факта, но если онъ справедливъ, то есть о чемъ подумать." Съ другой стороны профессоръ К. писалъ отъ 25 іюля 1862 года по поводу студентскихъ демонстрацій въ Петербургѣ: „Ненависть народа къ студентамъ усиливается со дня на день. Общество Вспомоществованія Литераторамъ принуждено было заказать 200 паръ партикулярныхъ платьевъ для неимущихъ студентовъ (имъ была тогда присвоена мундирная одежда) чтобъ они не были узнаваемы на улицѣ и не подвергались побоямъ".

чала держалось въ этихъ границахъ, чѣмъ конечно и усилило довѣріе къ себѣ правительства. Вслѣдствіе такого довѣрія, но и по странному недомыслію, этому совершенно частному и чрезвычайно многочисленному обществу были въ послѣдствіи предоставлены права и обязанности губернскихъ комитетовъ, подготовлявшихъ въ Имперіи разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ Земледѣльческому Обществу были дарованы весьма серіозныя правительственныя функціи, а между тѣмъ оно превратилось въ орудіе противуправительственное и сдѣлалось центромъ „бѣлой партіи“; члены этого Общества приняли участіе въ первой же крупной уличной манифестаціи въ февралѣ 1861 года; предсѣдатель же Общества, графъ А. Замойскій, на вопросъ растерявшагося намѣстника князя Горчакова—что ему дѣлать, осмѣлился отвѣтить: „оставить Царство Польское“. *

Еще ранѣе и рѣзче обнаружила себя „красная партія“. Она произвела первую публичную демонстрацію еще лѣтомъ 1860 года, а слѣдующею осенью манифестація, и притомъ самаго гнуснаго, самаго пасквильнаго характера повторилась въ присутствіи и по поводу съѣзда въ Варшаву государей Русскаго, Австрійскаго и Прусскаго. Въ особомъ объявленіи распространенномъ въ Варшавѣ предъ пріѣздомъ этихъ монарховъ они были названы „воронами, растерзавшими Польшу“, почему де Варшава должна была на время ихъ пребыванія обратиться въ „гробъ обитый чернымъ сукномъ“.

При этомъ на сцену выступили уличные мальчишки, обыкновенно вылускаемые тайными руководителями въ качествѣ застрѣльщиковъ революціонной рати. А такъ какъ обѣ эти манифестаціи остались безнаказанными, то уличные безпорядки сдѣлались въ Варшавѣ почти обычными явленіями. Предъ церквами и предъ каменными Мадоннами на площадяхъ начали собираться толпы народа, которыя распѣвали революціонные, перемѣшанные съ церковными гимны. Какія-то тайныя власти заставляли Варшавянъ носить трауръ. Кѣмъ-то невидимымъ, но чрезвычайно, надо думать, авторитетнымъ, запрещено было посѣщать спектакли и велѣно воздерживаться вообще ото всякихъ увеселеній. ** Мѣстныя

---

* Бергъ.

** Въ домъ одного польскаго семейства, въ которомъ начали было танцовать по случаю какого-то семейнаго праздника, два замаскированные человѣка принесли гробъ и оставили въ передней, а сами скрылись.

власти смотрѣли на все это сквозь пальцы, охваченныя распространившеюся незадолго предъ тѣмъ теоріей что всякія репрессивныя мѣры только плодятъ недовольство, раздражаютъ и должны, слѣдовательно, быть замѣнены уступками. А движеніе этимъ пользовалось, росло и крѣпчало. Въ январѣ 1861 года открылись „вальныя“ засѣданія Земледѣльческаго Общества или общія собранія, весьма напоминавшія старинные сеймы: Съѣхавшимся въ числѣ 1.500 человѣкъ со всѣхъ концовъ Царства „сеймующимъ чинамъ“ предложены были на обсужденіе проекты крестьянской реформы... Но въ это время было уже не до академическихъ преній.

13 февраля (1861) организована была на одной изъ варшавскихъ площадей манифестація, причемъ впервые появился *польскій орелъ*. Манифестація была разогнана жандармами по распоряженію оберъ-полицеймейстера Трепова, но дѣло не обошлось безъ пролитія крови. Затѣмъ два дня спустя, 15 февраля, собравшаяся предъ окнами намѣстника толпа бросала въ наши войска грязью и камнями. Камни летѣли и съ улицы, изъ толпы, и сверху, изъ оконъ; нѣсколько нижнихъ чиновъ и командовавшій ими генералъ Заболоцкій были контужены. Заболоцкій объявилъ мятежникамъ что велитъ стрѣлять...

— Не смѣешь, отвѣчали нѣсколько голосовъ: — Наполеонъ запретилъ.

Раздалась команда *пли* (пали)! и пять человѣкъ заплатили жизнью за бравады своихъ земляковъ... Улица и площадь въ мигъ очистились. Намѣстникъ князь Горчаковъ, узнавъ о случившемся, сказалъ: parfaitement fait.

Но въ тотъ же самый день трупы убитыхъ были перевезены въ лучшую гостиницу Варшавы, гдѣ для этого очищена была большая концертная зала, и массы народа ловалили туда чтобы видѣть лавшихъ *героевъ*—санъ въ который они были немедленно возведены,—и поклониться имъ. „Какъ случилось что тѣла убитыхъ въ свалкѣ народа съ войсками оставлены въ распоряженіи толпы? Чего мы испугались?“ восклицаетъ съ недоумѣніемъ историкъ описываемыхъ событій. * Дѣло въ томъ что вслѣдъ за сумятицей, предъ королевскимъ замкомъ, къ намѣстнику кинулись представите-

* Бергъ. Вся фактическая сторона тогдашнихъ варшавскихъ событій основана на *Запискахъ* г. Берга, пользовавшагося офиціальными данными, а потому мы будемъ лишь изрѣдка указывать на этотъ источникъ.

ли варшавскаго духовенства и знати, давніе и постоянные негласные совѣтники князя Горчакова, кинулись делутаціи отъ городскаго общества, банкиры, купцы, фотографы, врачи, раввины, цѣховые головы и пр., и всѣ единогласно говорили, кричали, свидѣтельствовали что войско не защищалось, а совершало убійства надъ безоружными людьми, что міръ ужаснется отъ образа дѣйствій Русскаго правительства и что общественному мнѣнію надо дать удовлетвореніе по крайней мѣрѣ строгимъ наказаніемъ генерала Заболоцкаго. Такъ выражались самые умѣренные; предводитель *цеха мясниковъ*, разказываетъ г. Бергъ, осмѣлился сказать намѣстнику: „la corporation des bouchers est prête à marcher contre vos canons, et demain, si les corps des saintes victimes ne sont pas rendues à la ville pour être ensévelies solennellement, vous marcherez dans notre sang jusqu'aux genoux"! Совершенно растерявшійся Горчаковъ оправдывался, ссылался на неправильно понятыя приказанія его, выдавалъ головой Заболоцкаго, и довелъ себя до того что представитель *цеха сапожниковъ* грубо (но увы, справедливо) замѣтилъ ему что все-таки онъ, намѣстникъ, виноватъ, что онъ отвѣтчикъ, какъ общій начальникъ всѣхъ непосредственно виноватыхъ.... Какіе-то другіе представители чего-то и какія-то делутаціи отъ чего-то потребовали освобожденія всѣхъ арестованныхъ 15 февраля, торжественныхъ похоронъ „пяти жертвъ" съ устраненіемъ на это время полиціи и войскъ и предоставленія власти городской делегаціи; потребовали, наконецъ, смѣщенія оберъ-полицеймейстера Трепова. Этотъ ультиматумъ былъ принятъ цѣликомъ. Князь Горчаковъ принялъ независимо того адресъ на Высочайшее имя для представленія въ Петербургъ, а въ этомъ адресѣ говорилось о „страданіяхъ, болѣе полустолѣтія претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ"; о послѣднихъ же манифестаціяхъ сказано было что онѣ „составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ" всѣхъ классовъ *...

---

* Г. Бергъ говоритъ что этотъ адресъ, подписанный 15 (27) же февраля 180ю лицами, былъ разсылаемъ затѣмъ для прочтенія и подписи по всему городу, между прочимъ по кандитерскимъ. Такимъ образомъ набралось 18.000 подписей... Онъ же говоритъ что генералъ Паулуччи, назначенный на мѣсто г. Трепова, явился въ залу той гостиницы гдѣ находились трупы „пяти жертвъ" и спросилъ у присутствующихъ, желаютъ ли они имѣть его начальникомъ варшавской полиціи...

Понятно какъ все это раздражало Русскихъ и особенно военныхъ въ Варшавѣ: „Горчаковъ сдалъ Варшаву Полякамъ“, говорили они между собою.

Тяжело, стыдно, да и безполезно, въ виду нашей спеціальной задачи, воспроизводить всѣ черты той лаики которая овладѣла въ это время несомнѣнно почтеннымъ, но совершенно обезумѣвшимъ старикомъ-намѣстникомъ. Вообразивъ что при похоронахъ „пяти жертвъ“ неминуемо произойдетъ рѣзня и что Русскіе будутъ выгнаны изъ Варшавы, князь Горчаковъ отправилъ въ цитадель двѣ шкатулки, вѣроятно съ секретнѣйшею своею перепиской, и примѣру его послѣдовали многіе высшіе сановники; только они озабочивались сохраненіемъ не бумагъ государственной важности, а частнаго своего имущества. Никакой рѣзни однако не было на пресловутыхъ похоронахъ, но они были похоронами и фактической власти русскаго намѣстника. Порядокъ былъ сохраненъ, но благодаря не полиціи, а городской делегаціи, и притомъ если не считать нарушеніемъ порядка торжественно несомыхъ въ процессіи терновыхъ вѣнковъ, произнесенія задорныхъ рѣчей и раздачи присутствовавшимъ фотографій „пяти жертвъ“ * и смоченныхъ ихъ кровью обрывковъ платковъ. За сохраненіе этого „порядка“ обывателямъ Варшавы выражено было удовольствіе не представителемъ верховной власти, а тою же делегаціей, почему-то продолжавшею существовать и послѣ похоронъ, и Земледѣльческимъ Обществомъ. Со своей стороны представители еврейскаго общества въ Варшавѣ обнародовали воззваніе къ своимъ единовѣрцамъ съ приглашеніемъ оказывать всевозможное содѣйствіе своимъ согражданамъ, христіанамъ-католикамъ... Руководители, властные люди начали возникать вездѣ и отовсюду по мѣрѣ того какъ они перестали показываться въ замкѣ; какъ природа, по замѣчанію древнихъ, не терпитъ пустоты, такъ и человѣческое общество не терпитъ безвластія. „Клубъ (купеческій), говоритъ одинъ изъ современныхъ *польскихъ* дѣятелей, представлялъ въ то время пристанище и центръ агитаціи, мастерскую будущихъ манифестацій и заговоровъ“. По словамъ другаго и несравненно болѣе крупнаго дѣятеля—Поляка, именно Маркиза Велёпольскаго, въ этомъ клубѣ во всеуслышаніе говорили и даже во все горло

* По словамъ г. Берга, эти карточки продавались учащимся со значительною уступкой.

кричали „долой Муханова“... * Что жь? Удалось прогнать Трелова,—естественно было теперь приняться за Муханова! И это удалось какъ нельзя лучше. Вслѣдствіе телеграммы намѣстника министръ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ былъ уволенъ телеграммой полученною два часа спустя, и въ тотъ же вечеръ онъ долженъ былъ отправиться за границу. Въ видѣ насмѣшки или сочувствія, это трудно рѣшить, князь Горчаковъ прислалъ свою карету чтобъ отвезти его на станцію желѣзной дороги, на которой, равно какъ и на многихъ другихъ, Поляки провожали Муханова „кошачьею музыкой“.

Г. Бергъ разказываетъ что одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, пораженный зрѣлищемъ которое представляла въ это время Варшава, сказалъ своимъ тамошнимъ знакомымъ: „у васъ, господа, революція, а вы не видите“!.. Видѣть революцію всѣ видѣли, но мѣръ противъ нея не принимали. Намѣстникъ былъ какъ бы оглушенъ тѣмъ что творилось вокругъ него. Его не могло бы кажется болѣе озадачить появленіе въ одно прекрасное утро предъ окнами замка Карлатскихъ горъ вмѣсто Вислы. Между тѣмъ все совершавшееся было вовсе не мгновеннымъ и неожиданнымъ взрывомъ народныхъ страстей, но результатомъ силъ работавшихъ въ краѣ издавна, а въ теченіе послѣдняго года открыто, у всѣхъ на глазахъ и систематически. Неужели князь Горчаковъ, имѣя можетъ-быть до сотни „состоявшихъ при немъ“ и вообще не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, неужели имѣя при себѣ особую дипломатическую канцелярію и располагая огромными экстраординарными суммами, неужели, говоримъ, онъ не зналъ день за днемъ всего того что говорилось и дѣлалось въ отель-Ламберѣ — этомъ дворцѣ „короля Адама“ (Чарторыйскаго), и въ главномъ штабѣ „диктатора“ Мѣрославскаго? Неужели ему не докладывали о содержаніи заграничныхъ польскихъ газетъ и политическихъ брошюръ? Неужели онъ не зналъ, бѣдный старикъ, что эти газеты и брошюры имѣютъ совершенно свободное обращеніе въ его намѣстничествѣ, что въ немъ давно ужь шныряютъ агенты „диктатора“ и что дворянство Царства руководствуется указаніями изъ отель-Ламбера?.. А М. Н. Муравьевъ, далеко не располагавшій средствами варшавскаго намѣстника, зналъ не только все что дѣлается и даже замышляется

---

* Lisicki.

во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, но и то что̀ дѣлается въ Царствѣ Польскомъ; мало того, онъ зналъ что̀ дѣлается въ Пруссіи, Парижѣ и Лондонѣ по части приготовленій къ польскому мятежу. Онъ зналъ что вскорѣ послѣ обнародованія Высочайшихъ рескриптовъ 1857 года происходили тайные съѣзды ломѣщиковъ сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго, что въ 1859 одинъ извѣстный въ Царствѣ агитаторъ изъ *красныхъ* входилъ въ сношенія со своими единомышленниками въ Пруссіи въ виду уже замышлявшагося повстанья, что нѣкто Гутри, довѣренное лицо князя Чарторыйскаго, ѣздилъ въ Лондонъ чтобы заручиться содѣйствіемъ Герцена... * Муравьевъ по прибытіи въ Вильну не потяготился ознакомиться съ польскою и анти-польскою политическою нѣмецкою литературой и съ содержаніемъ слѣдственныхъ дѣлъ производившихся въ Пруссіи по поводу разновременныхъ вспышекъ полонизма. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по тѣмъ матеріаламъ которые были отданы въ распоряженіе состоявшаго при Муравьевѣ генерала Ратча, автора не литературно написаннаго, но очень интереснаго сочиненія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. За то, говоритъ г. Ратчъ, распоряженія Муравьева не только прекращали безпорядки, но нерѣдко предупреждали ихъ, потому что генералъ указывалъ иногда, гдѣ именно, когда и кѣмъ будетъ собрана банда, куда направится и что̀ имѣетъ въ виду...

Да, какъ справедливо замѣтилъ тотъ пріѣзжій изъ Петербурга, въ Варшавѣ уже была революція. Она начинала захватывать такіе слои польскаго общества, которые еще недавно ей не сочувствовали и даже считались ея противниками. Многіе члены Земледѣльческаго Общества, какъ уже сказано, вмѣшались въ ряды буянившей 13 февраля толпы, а при погребеніи „пяти жертвъ“ шелъ за гробами и самъ предсѣдатель Общества графъ А. Замойскій. Едва ли не

---

* Ратчъ, т. I, *Введеніе* 84, 92, т. II, 666 и мн. др. Первый томъ сочиненія г. Ратча начинается слѣдующими словами: *„При чтеніи М. Н. Муравьеву собираемыхъ свѣдѣній* о мятежѣ 1863 онъ выразилъ мысль что при данныхъ уже имѣющихся и вновь поступающихъ отъ подсудимыхъ должно обратиться къ предшествующему времени и слѣдить за нитями пока онѣ будутъ тянуться... Чѣмъ за большее число лѣтъ соберутся свѣдѣнія о польской крамолѣ, тѣмъ болѣе она выяснится для блага русскаго дѣла.“

одинъ изо всѣхъ Поляковъ сумѣлъ устоять противъ теченія и не увлечься „побѣдой“ надъ правительствомъ, побѣдой пожалуй дѣйствительною, но, какъ показали послѣдствія, минутною и принесшею Полякамъ много разочарованій. Это былъ маркизъ Велёпольскій. Намѣстникъ сблизился съ нимъ и мгновенно подчинился вліянію этого сильнаго ума и самостоятельнаго характера. Велёпольскій настоятельно совѣтовалъ князю Горчакову прежде всего подавить уличную анархію и освободить Варшаву отъ господства толпы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склонялъ князя произвести нѣкоторыя реформы, подробные проекты коихъ у него были издавна готовы. Сильно рекомендованный намѣстникомъ, маркизъ отправился въ Петербургъ, гдѣ уже рѣшено было произвести рядъ серіозныхъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ мартѣ Государь возвѣстилъ о нихъ, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, въ письмѣ къ намѣстнику, а вскорѣ вѣстникомъ ихъ пріѣхалъ и Велёпольскій въ званіи преемника Муханова. Письмо Государя было прочтено княземъ Горчаковымъ нѣсколькимъ вліятельнымъ въ Варшавѣ лицамъ и кажется произвело благопріятное впечатлѣніе. Варшава однако не была освобождена отъ господства толпы. Красные поспѣшили устроить рядъ демонстрацій чтобъ изгладить это впечатлѣніе. Въ концѣ марта, при восторженныхъ крикахъ толпы, на одномъ общественномъ зданіи завѣшенъ былъ чернымъ крепомъ государственный гербъ и воздвигнутъ польскій одноглавый орелъ. Къ толпѣ выѣхалъ варшавскій генералъ-губернаторъ Панютинъ и „какъ другъ“ просилъ ее разойтись. Она разошлась, но въ тотъ же день собралась на площади, подъ окнами замка. Къ ней вышелъ самъ намѣстникъ и приглашалъ разойтись; но господинъ-толпа былъ менѣе благодушно расположенъ теперь, и князю Горчакову пришлось самому повернуть вспять, а толпа провожала его насмѣшками: „стулай, старикъ, домой: холодно, насморкъ получишь...“ Разсерженный намѣстникъ обнародовалъ воспрещеніе всякихъ сборищъ на улицѣ, съ предупрежденіемъ что противъ ослушниковъ, послѣ трехкратнаго приглашенія разойтись, будетъ употреблена вооруженная сила. Но точно въ насмѣшку надъ этимъ распоряженіемъ, на другой же день, 28 марта, повалили толпы по направленію къ замку по улицамъ выходящимъ на замковую площадь. Выведены были на площадь войска, сдѣланы съ барабаннымъ боемъ трехкратныя приглашенія,—толпа отвѣчала

на это смѣхомъ; сдѣланы были военныя демонстраціи, не обнажая однако оружія,—толпа начала сдвигать баррикаду изъ общественныхъ экипажей. Кавалерія обнажила сабли—въ нее полетѣли камни. Тогда сдѣлано было нѣсколько залповъ изъ ружей... Толпа разбѣжалась, но на мостовой осталось значительное число труповъ. *

Страхъ нагнанный на Варшавянъ этими залпами и бивуаки войскъ на всѣхъ городскихъ площадяхъ водворили спокойствіе. Затѣмъ начали появляться и законодательныя реформы. Городская делегація и Земледѣльческое Общество были закрыты; Евреямъ были предоставлены общія гражданскія права; крестьяне были освобождены, но начиная съ 1 октября, отъ барщины, и притомъ съ увеличеніемъ оброковъ. Впрочемъ правительственный авторитетъ былъ потрясенъ и это начало обнаруживаться въ провинціи, куда не достигли звуки выстрѣловъ 28 марта. Во многихъ городахъ образовались делегаціи подобныя Варшавской и толпа пріучалась къ демонстраціямъ. Страшная деморализація начинала проникать во всѣ сословія. По словамъ біографа маркиза Велёпольскаго, Плоцкій бискупъ циркулярно предписывалъ приходскимъ священникамъ внушать крестьянамъ чтобъ они ожидали облегченій не отъ „короля“, а отъ ломѣщиковъ своихъ. Что же касается чиновниковъ посланныхъ изъ Варшавы для выясненія крестьянамъ новаго указа, то, по словамъ г. Берга, черпавшаго данныя изъ официальныхъ источниковъ, они „вели себя такъ какъ будто были посланы не правительствомъ, а заговорщиками.“ Они „вооружали его (народъ) противъ насъ, толкуя что все кончится успленнымъ чиншемъ (оброкомъ), а свободы не будетъ никакой...“

Среди этого разлива неурядицы, въ самый разгаръ всеобщей разнузданности умеръ (29 мая) бѣдный князь Горчаковъ, вѣроятно горько сожалѣя что не палъ подъ развалинами Севастополя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ оставлялъ своимъ преемникамъ въ Варшавѣ страшно тяжелое бремя. Своею нерѣшительностью, своею неспособностью внушить довѣріе какой бы то ни было партіи, какой бы то ни было группѣ

---

* Г. Бергъ относитъ это событіе къ 8 апрѣля, не оговаривая что это по новому стилю. Вообще онъ не дѣлаетъ различія между старымъ и новымъ стилемъ, что было бы нужно исправить при новомъ изданіи.

интересовъ онъ лишилъ правительство всякаго значенія, всякаго авторитета Мы только что видѣли какъ ему служили чиновники и въ какія отношенія становилось къ нему духовенство. Высшее дворянство, на преданность котораго постоянно разчитывалъ покойный намѣстникъ, давно отвернулось отъ него и старалось само какъ-нибудь устроиться съ красными; графъ А. Замойскій отказался разсмотрѣть присланный ему проектъ устройства государственнаго совѣта въ Царствѣ Польскомъ и возвратилъ его при сухомъ и холодномъ письмѣ, дававшемъ понять что глава бѣлой партіи не желаетъ болѣе имѣть какихъ бы то ни было сношеній съ правительствомъ *. Полиція давнымъ давно ускользнула изъ рукъ правительства; въ арміи господствовало неудовольствіе, раздраженіе и, что̀ еще несравненно хуже, въ нее начинала проникать деморализація: въ нѣкоторыхъ частяхъ офицеры громко говорили на темы *Колокола* и иностранной враждебной намъ печати.

Таково было положеніе дѣлъ когда пріѣхалъ въ Варшаву преемникъ князя Горчакова военный министръ Сухозанетъ. Онъ началъ съ того что приказалъ убрать войска съ варшавскихъ площадей... Странное дѣло! какіе-нибудь два мѣсяца съ половиной тому назадъ въ письмѣ къ князю Горчакову Государь выражался очень энергично по поводу уличныхъ безпорядковъ. Онъ писалъ: „Ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требованія которыя захотѣли бы на нихъ опереться сами себя тѣмъ самымъ подкопали бы, уничтожили бы всякую довѣренность и встрѣтили бы съ моей стороны суровый отпоръ...“ Какъ же объяснить что и князь Горчаковъ такъ очевидно „потакалъ безпорядкамъ“, да и генералъ Сухозанетъ не собирался повидимому дать имъ „суровый отпоръ“?..

Въ это время умерли за границей, одинъ вслѣдъ за другимъ, извѣстный историкъ и крупный дѣятель въ революціи 1830 Лелевель и „король“ Адамъ Чарторыйскій. Цѣлая серія панихидъ тенденціознаго характера была устроена по этому поводу; ихъ совершали оборванные варшавскіе Евреи не имѣвшіе понятія ни о Лелевелѣ, ни о Чарторыйскомъ; ихъ совершали артели рабочихъ, причемъ въ пламенныхъ рѣчахъ были

---

* Lisicki.

напомнаемы публикѣ великія заслуги предъ отечествомъ „славныхъ покойниковъ“, и публика проливала горькія слезы. Кто-нибудь изъ коноводовъ затягивалъ одинъ изъ всѣмъ извѣстныхъ революціонныхъ гимновъ, и толпа выходила изъ костела или синагоги нафанатизованная. На одной изъ такихъ панихидъ затянулъ Boże coś Polskę самъ архіепископъ Фіалковскій, до того время державшійся довольно скромно. По поводу сочувственнаго Полякамъ заявленія сдѣланнаго въ англійскомъ парламентѣ, англійскому консулу въ Варшавѣ поднесенъ былъ благодарственный адресъ.... Чуть не ежедневно стали вылетать изъ таинственныхъ типографій разныя воззванія революціоннаго характера и наконецъ начала выходить революціонная газета. И все это происходило вполнѣ безнаказанно. Потому изготовленіе уличныхъ безпорядковъ сдѣлалось профессіей, какъ извозъ, какъ устройство свадебныхъ и похоронныхъ процессій; по нѣкоторымъ статьямъ установилась даже такса: по словамъ г. Берга, *кошачій концертъ* съ выбитіемъ стеколъ стоилъ 15 р., а безъ выбитія—10 р. Дерзость коноводовъ толпы дошла наконецъ до крайней степени: въ день рожденія императрицы, когда въ каѳедральномъ соборѣ по окончаніи богослуженія органъ заигралъ *Боже царя храни*, кучка уличныхъ воротилъ, тотчасъ же поддержанная толпой, заревѣла *Boże coś Polskę*.

И никакихъ общихъ мѣръ не принималось. Производились конечно аресты, но безъ толку. Полиція, состоявшая сплошь изъ Поляковъ, хватала наиболѣе шумѣвшихъ на улицѣ буяновъ, но это были или „лобусы“ (уличные мальчишки) или рабочіе, привлеченные обѣщаніемъ платы и возбужденные виномъ, а руководители оставались неприкосновенными.

Очевидно, время было благопріятное, и Поляки были бы очень глупы еслибы не воспользовались имъ. Они устроили двѣ поистинѣ грандіозныя манифестаціи, двѣ манифестаціи monstre: одну близъ Ковна въ память соединенія Литвы (съ Русью) съ Польшей (1386), а другую—на Западномъ Бугѣ въ память Люблинской уніи (1413), завершившей соединеніе Польши, Литвы и Руси. Разумѣется, для организаціи этихъ демонстрацій десятки, сотни тысячъ воззваній печатались и разсылались не только во всѣ концы Царства Польскаго, но и въ сѣверо-и юго-западныя губерніи; разъѣзжали

устроители, организаторы, устроивались мѣстные комитеты— все это съ полнѣйшею невозбранностью. А предполагаемыя манифестаціи по своему замыслу широко раздвигали сферу подготовляемой революціи: эти манифестаціи должны были „доказать Европѣ“ что не одна *Конгресовка*, но и всѣ части бывшей Рѣчи Посполитой солидарны въ своей ненависти противъ правительства, что *польскій бѣлый орелъ* и *литовскій всадникъ* одушевлены одинаковыми чувствами. Предполагаемое торжество, сказано въ одномъ изъ воззваній, „должно обнимать собою все пространство стародавней Польши“, а въ другомъ воззваніи были исчислены всѣ *воеводства*, земли и княжества обязанныя выслать депутаціи; между прочимъ онѣ должны были прибыть „изъ Поморскаго, Прусскаго и Познанскаго воеводствъ, изъ Галиціи, Волыніи и Русскаго воеводства, изъ княжествъ Смоленскаго, Новгородскаго (Сѣверскаго?), Полоцкаго, Витебскаго, Мстиславскаго, Минскаго и Курляндскаго“.

И обѣ эти манифестаціи—monstre состоялись, — одна на Нѣманѣ, 31 іюля, а другая на Бугѣ, 29 сентября. Программа послѣдней должна была, правда, нѣсколько измѣниться: присутствіе войскъ помѣшало соединиться процессіи слѣдовавшей изъ Волынской губерніи съ тою которая слѣдовала изъ Люблинской. Но и на Бугѣ какъ и на Нѣманѣ составлены и подписаны были „делегатами земель и повѣтовъ Польши въ томъ ея составѣ какой она имѣла до раздѣленія“ протоколы въ томъ что „унія“ (соединеніе, связь) этихъ частей прежней Польши возобновляется нынѣ съ цѣлію „освобожденія отчизны и пріобрѣтенія для нея полной независимости“. Протоколъ 29 сентября заключался словами: „Права наши поручаемъ совѣсти народовъ и благоусмотрѣнію конституціонныхъ правительствъ“.*

---

* Такъ значилось въ протоколѣ процессіи шедшей со стороны Царства Польскаго. Въ томъ который былъ составленъ и подписанъ въ Устилугѣ, Волынской губерніи, находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Протестуемъ противъ насилія и утѣсненія нашихъ правъ, противъ жестокихъ мѣръ правительства“.... Актъ сей, сказано въ концѣ, составленъ „въ краѣ управляемомъ деспотически“... Край управляется деспотически, а противуправительственныя манифестаціи совершаются невозбранно! Права Поляковъ утѣсняются, а они организуютъ и провозглашаютъ польскую революцію на Русской землѣ, среди кореннаго русскаго населенія! Правительство

Послѣдняя, надбужная манифестація произведена была уже при намѣстникѣ графѣ Ламберѣ. Онъ пріѣхалъ 23 августа и привезъ съ собою портфели наполненные указами о преобразованіяхъ. Полный вѣры въ то что стóитъ только привести ихъ поскорѣе въ исполненіе дабы успокоить взволнованный край, онъ тотчасъ же вошелъ въ сношеніе съ вліятельными въ Варшавѣ лицами, разчитывая на ихъ содѣйствіе касательно проведенія въ жизнь новыхъ установъ. Пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ новый генералъ-губернаторъ Варшавы, генералъ Герштенцвейгъ, совѣтовалъ ему предварительно всего прочаго освободить Варшаву отъ толпы, разрушить всемогущество уличныхъ вожаковъ и дать умамъ отрезвиться. То же совѣтовалъ ему, какъ прежде князю Горчакову, Велёпольскій. Но намѣстникъ оставался вѣренъ своей мысли что клокочущая рѣка вышедшая изъ береговъ мгновенно успокоится волшебною силой указовъ. Въ этомъ упованіи поддерживали его приближенные имъ представители варшавской интеллигенціи. По крайней мѣрѣ они ручались что выборы въ городскіе и уѣздные совѣты, учрежденіемъ коихъ предполагалось открыть эру законодательныхъ преобразованій, пройдутъ спокойно и въ порядкѣ и что выборные люди, принявъ правительственную миссію, честно исполнятъ свой долгъ. Дѣйствительно, выборы совершились безъ серіозныхъ нарушеній порядка, какъ ни старались анархисты его нарушить. Затѣмъ открытъ былъ въ Варшавѣ государственный совѣтъ. Намѣстникъ былъ очень доволенъ. Лица къ которымъ онъ обратился въ Варшавѣ дали ему очевидно хорошій совѣтъ... Въ добрый часъ. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться ни въ патріотизмѣ, ни въ честныхъ намѣреніяхъ этихъ лицъ. Но въ патріотизмѣ какомъ: польскомъ или русскомъ? въ честныхъ намѣреніяхъ относительно Польши или относительно Россіи? Вотъ въ чемъ вопросъ, потому что польская и русская точка зрѣнія не всегда и не во всемъ могутъ быть тождественны. Благодаря только что названнымъ, а отчасти еще при Горчаковѣ принятымъ мѣрамъ мѣстная администрація отдана была въ руки Поляковъ. Если и допустить что всѣ эти Поляки стали

жестоко, а надъ нимъ публично издѣваются, его публично мистифируютъ въ присутствіи его агентовъ, которые смотрятъ разиня ротъ на всѣ эти плутовскія продѣлки!... См. о всемъ этомъ *Записки* Н. В. Берга.

бы честно, какъ и надѣялся намѣстникъ, исполнять принятыя на себя обязанности, то все-таки съ какой точки зрѣнія это было бы „честно"? Вотъ эти-то капитальные вопросы, повидимому, не были уяснены ни въ правительственныхъ сферахъ Варшавы, ни даже въ Петербургѣ.

Система уступокъ продолжала приносить свои плоды. Городскіе и уѣздные совѣты оказались органами бѣлой партіи, но не правительства. Маркизъ Велёпольскій былъ не доволенъ этими совѣтами, но недоволенъ съ точки зрѣнія автономной правительственной польской власти и добивался права образовать „министерство", то-есть сосредоточить въ своихъ рукахъ административную власть *.

Еще болѣе недовольна была красная партія—анархисты, устроители уличныхъ движеній. Они съ тревогой замѣтили пониженіе общественнаго пульса въ Варшавѣ и послѣшили возвысить общественную темлературу до степени кипѣнія крови. „Хлынулъ цѣлый потокъ" манифестацій всякаго рода, окончившійся въ провинціи надбужною процессіей, а въ Варшавѣ похоронною процессіей умершаго въ то время архіепископа Фіалковскаго. Обѣ эти демонстраціи происходили въ одинъ и тотъ же день. Въ варшавской процессіи явились польскіе и литовскіе гербы, ленты національныхъ цвѣтовъ, польская и литовская короны (поддѣльныя, разумѣется), терновые вѣнцы и т. п. Толпа была громадная, увеличенная нѣсколькими сотнями крестьянъ, нарочно привезенныхъ изъ сосѣднихъ деревень... Агитаторы достигли своей цѣли: атмосфера насквозь пропиталась электричествомъ. Одна молодая женщина Полька, но обращающаяся въ русскомъ обществѣ, разказывала пишущему эти строки что она, въ то время еще ребенокъ, случайно попала со своею нянькой къ прибытію на одинъ изъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ поѣзда съ крестьянами. „Когда я услышала, говорила она, крики которыми толпа привѣтствовала крестьянъ (по праздничному, и даже театрально одѣтыхъ), когда посыпались цвѣты къ ихъ ногамъ, когда начали бросать имъ деньги, браслеты, цѣпочки —мною овладѣло какое-то опьяненіе, и я начала кричать не знаю что, и я стала шарить въ карманахъ и, не найдя денегъ, сорвала съ шеи наперсный крестъ и со слезами отдала какому-то крестьянину"... Такова неотразимая сила искусно подготовленныхъ всенародныхъ спектаклей!...

---

* Lisicki.

Намѣстникъ понялъ наконецъ это глядя на похоронную процессію Фіалковскаго изъ оконъ за́мка. Онъ рѣшился объявить Царство на военномъ положеніи. Запрещались всякія сборища, денежные сборы, революціонные гимны и воззванія; частнымъ начальникамъ предоставлено принимать нужныя полицейскія и административныя мѣры для обезпеченія общественнаго порядка, запирать лавки, кофейни, пивныя, воспрещать сборища даже въ частныхъ домахъ, производить у подозрительныхъ людей домашніе обыски и подвергать этихъ людей аресту, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгать къ оружію. Въ Варшавѣ на этомъ основаніи были немедленно закрыты всѣ пивныя и шинки, а также публичные сады. Извощиковъ обязали немедленно останавливаться по требованію чиновъ полиціи. Воспрещено было сходиться на улицѣ болѣе какъ тремъ человѣкамъ. Городскія площади и нѣкоторые другіе пункты были заняты войсками. Мѣры были энергичны. Но варшавская толпа успѣла привыкнуть къ сходкамъ и всякаго рода процессіямъ въ продолженіе слишкомъ года; по причинѣ естественнаго въ такія эпохи ослабленія ремесленныхъ и другихъ производствъ, часть рабочаго люда существовала только благодаря платѣ за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ: такимъ людямъ новое распоряженіе было крайне не по сердцу. Угрюмая толпа наполнила на другой же день (3 окт.) нѣкоторые костелы. Въ нее вмѣшались уличные заправилы и въ трехъ костелахъ заревѣли привычные гимны. Согласно предварительно сдѣланному распоряженію, войска окружили эти костелы съ тѣмъ чтобъ арестовать пѣвцовъ когда они будутъ выходить. Но прошелъ часъ, другой, третій, наступилъ вечеръ, а они не выходили. Оказалось что изъ одной церкви всѣ бывшіе въ ней вышли тайнымъ подземнымъ ходомъ... Между тѣмъ до за́мка стали доходить слухи что гдѣ-то собираются огромныя массы народа съ тѣмъ чтобъ освободить интернированныхъ въ церквахъ: что во главѣ этихъ массъ предполагаетъ двинуться духовенство in corpore со крестами и другими священными предметами. Намѣстникъ счелъ приличнымъ въ предупрежденіе вооруженнаго столкновенія съ такимъ врагомъ ввести войско въ остальные два костела и тамъ арестовать присутствующихъ. Въ одномъ изъ этихъ костеловъ при арестованіи войскъ присутствовалъ генералъ Герштенцвейгъ. Всего отправлено было изъ костеловъ въ цитадель отъ 2хъ до 3хъ тысячъ человѣкъ.

Дозволивъ въ виду можетъ-быть мнимой опасности произвести аресты внутри храмовъ, графъ Ламберъ встрѣтился съ дѣйствительно серіознымъ столкновеніемъ. Администраторъ Варшавской епархіи Бялобржескій на слѣдующее же утро (4 октября) сдѣлалъ распоряженіе немедленно запечатать помянутые два костела, какъ „осквернённые“, а въ прочихъ прекратить богослуженіе впредь до новаго распоряженія „изъ опасенія поруганія“. А по городу все утро, говоритъ г. Бергъ, бродили толпы народа съ угрожающими криками. Никогда еще, по словамъ очевидцевъ, не было минуты столь тревожной. Намѣстникъ рѣшился на уступки; съ его разрѣшенія девять десятыхъ изъ числа арестованныхъ въ костелахъ были освобождены немедленно. Но цѣль не была этимъ достигнута. Съ одной стороны, эта уступка, это свидѣтельство неувѣренности въ себѣ высшей въ краѣ власти до такой степени возмутила Герштенцвейга, давно уже недовольнаго графомъ Ламберомъ, что онъ застрѣлился: доказательство страшно-нервнаго состоянія высшаго правительственнаго персонала. Съ другой стороны, уступка намѣстника не вызвала ни тѣни уступки со стороны духовенства. Публичное богослуженіе въ Варшавѣ повсемѣстно прекратилось...

Больной, со страшно раздраженными нервами, съ горькимъ сознаніемъ своей несостоятельности, молодой, блестящій, честолюбивый, избалованный фортуной графъ Ламберъ уѣхалъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого за границу и никогда уже не возвращался въ Россію, а 24 октября въ Варшаву пріѣхалъ въ званіи намѣстника пожилой, но еще бодрый генералъ Лидерсъ, извѣстный своими боевыми заслугами въ Венгріи и на Кавказѣ. Онъ началъ круто. Благодаря только что сдѣланному улучшенію въ личномъ составѣ и организаціи полиціи произведено было нѣсколько основательныхъ арестовъ, разомъ вырвавшихъ изъ среды красныхъ нѣсколько видныхъ дѣятелей, а администраторъ Бялобржескій, отвѣтившій рѣзкимъ отказомъ на приглашеніе Лидерса открыть костелы, былъ арестованъ и по суду заключенъ въ Бобруйскую крѣпость. На мѣсто варшавскаго архіепископа назначенъ Фелинскій, бывшій студентъ Московскаго университета и профессоръ Петербургской католической духовной академіи. Въ Петербургѣ знали его съ хорошей стороны и возлагали на него большія надежды. При томъ же его рекомендовалъ

Велёпольскій, находившійся въ это время въ Петербургѣ и пользовавшійся тамъ большимъ значеніемъ, не взирая на нелады его съ Сухозанетомъ и графомъ Ламберомъ.

Но революціонное дѣло успѣло пустить глубокіе корни; ихъ уже нельзя было вырвать нѣсколькими хотя бы весьма удачными арестами въ Варшавѣ. Необходимо было совокупное, дружное дѣйствіе власти какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ сѣверо-и юго-западныхъ губерніяхъ, а до этого было еще не такъ-то близко. Къ концу 1861 года образовалась такъ-называемая „организація“ или революціонное управленіе, съ центромъ въ Варшавѣ и съ развѣтвленіями по всему пространству бывшей Рѣчи Посполитой. Это была „бѣлая организація“. Ея „дирекція“ начертала программу, начинающуюся слѣдующими характеристическими словами, сильно напоминающими надѣлавшій въ свое время много шума *Польскій Катехизисъ*. Программа постановляла правиломъ „принимать со смиреніемъ всякія правительственныя реформы, показывая видъ что ими совершенно довольны. Равно принимать всѣ навязываемыя правительствомъ должности по новымъ учрежденіямъ. Стараться только всѣми способами, какіе будутъ сподручны и доступны, чтобы всѣ высшія мѣста въ Царствѣ Польскомъ были заняты Поляками и чтобы рекруты изъ мѣстныхъ жителей оставались въ краѣ“... Со своей стороны и красные составили свою программу; ею предписывалось: „всякую связь съ правительствомъ разорвать. Думать только о возстаніи и идти къ нему возможно скорыми шагами... *Въ средствахъ* къ достиженію цѣлей *не быть слишкомъ разборчивыми. Прибѣгать* въ крайнихъ случаяхъ *не только къ обману, но и къ террору*“. Обѣ программы провозглашали возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года, а красная программа кромѣ того требовала освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землей. *

Эти программы сдѣлались къ несчастью извѣстны правительству безъ сомнѣнія гораздо позже чѣмъ онѣ написаны и несравненно позднѣе чѣмъ оно приступило къ реформамъ. Но за то какъ ясно становится намъ теперь что оно

---

* Обѣ эти программы, а также изложеніе событій за время намѣстничества генерала Лидерса находятся въ *Запискахъ* Н. В. Берга, въ VIIIй главѣ, которая почему-то не вошла въ отдѣльное изданіе *Записокъ*, но напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 года.

шествовало среди непроглядnаго тумана, съ завязанными глазами, къ собственной гибели!... Были ли солидарны Поляки съ этими программами? Кромѣ крестьянъ и ничтожнаго числа отдѣльныхъ личностей, конечно, съ тою или другою изъ нихъ тогдашнее поколѣніе Поляковъ было солидарно. И имъ-то правительство предоставляло самоуправленіе, изъ нихъ призывало выборныхъ чтобъ орудовать краемъ, изъ нихъ назначало губернаторовъ и министровъ, ими наполнены были канцеляріи и правленія, а до преобразованія при графѣ Ламберѣ, ими была наполнена и полиція, въ нихъ заискивали намѣстники!...

Новый архіепископъ, прибытіе котораго въ Варшаву ожидалось во всѣхъ лагеряхъ съ тревогой и упованіями, былъ прежде всего искренній католикъ. Онъ считалъ себя обазаннымъ, по своему званію и сану, охранять достоинство религіи и обрядовъ, но желалъ чтобы политическія страсти не вторгались въ область религіи и чтобъ обряды церковные не служили прикрытіемъ революціонному движенію. Эту мысль онъ выразилъ довольно ясно при представленіи ему варшавскаго духовенства, и еще яснѣе въ словѣ сказанномъ при открытіи костеловъ, изъ коихъ одинъ, каѳедральный, онъ открылъ лично 1 февраля 1862 года. Онъ говорилъ обращаясь къ молящимся: „Еслибы какая-либо власть запрещала вамъ молиться, я сказалъ бы вамъ: не слушайтесь этой власти, ибо обязанности ваши къ Богу выше чѣмъ обязанности къ сильнымъ міра“... Но „между молитвами вашими вкрались гимны не освященные костеломъ“; отъ нихъ надо отказаться, что̀ однако „не значитъ отказаться отъ молитвы за отчизну“... Притомъ „я прибылъ къ вамъ вѣстникомъ доброй надежды что Монархъ имѣетъ непремѣнное желаніе удовлетворить нуждамъ нашего края; онъ завѣрилъ меня своимъ словомъ что и не думаетъ лишать насъ ни народности, ни религіи нашей;“ но онъ желаетъ „чтобы край успокоился и (чтобъ народъ пересталъ пѣть гимны“... „Поэтому прошу и заклинаю васъ именемъ Бога и отчизны, перестаньте пѣть эти гимны“...

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе слова новаго архіепископа. Но какъ повѣрить что эти гимны не освящены костеломъ, когда въ продолженіе полутора года они распѣвались въ костелахъ, когда ихъ запѣвали сами ксендзы и даже покойный архипастырь! Какъ повѣрить слову Монарха, когда одинъ изъ

епископовъ * торжественно возвѣстилъ что правительству не слѣдуетъ вѣрить!.. Слово Фелинскаго было выслушано вообще холодно, а когда въ заключеніе онъ пригласилъ тѣхъ кто воспринялъ сердцемъ сказанное имъ стать на колѣни чтобы получить его благословеніе,—лишь „весьма немногіе, говоритъ г. Бергъ, преклонили колѣна, иные же кучками стали выходить". Битва, рѣшительная битва была проиграна, и вслѣдъ затѣмъ, по случаю открытія другихъ храмовъ, при личномъ посѣщеніи этихъ храмовъ и богоугодныхъ заведеній, изъ анонимныхъ писемъ, изъ подпольныхъ листовъ и изъ заграничныхъ польскихъ газетъ, Фелинскій убѣдился что онъ „не архіепископъ, не пастырь своей паствы, что между имъ и паствой цѣлая пропасть"... И пастырь побрелъ вслѣдъ за своею паствой, вмѣсто того чтобы направлять ее. Снова загремѣли въ костелахъ революціонные гимны невозбранно. Притомъ Лидерсъ получилъ изъ Петербурга приглашеніе дѣйствовать по возможности мягкими мѣрами. Тамъ, въ Петербургѣ, начинала брать рѣшительный верхъ система уступокъ и милостей которыми надѣялись побѣдить упорство Поляковъ. Подъ вліяніемъ современныхъ вѣяній, а также маркиза Велёпольскаго, звѣзда котораго поднималась все выше и выше надъ петербургскимъ горизонтомъ тамъ начинали серіозно усваивать систему полной автономіи Царства Польскаго, ** съ величавымъ представителемъ въ лицѣ особы изъ Царской фамиліи, облеченнымъ полною мочью по военной части, но и съ облеченнымъ обширными правами помощникомъ по гражданскому управленію, притомъ изъ лицъ польскаго происхожденія. Такимъ лицомъ могъ быть единственно маркизъ Велёпольскій; намѣстникомъ предназначался Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Слухи о всемъ этомъ начали ходить съ весны 1862 года и дѣлались все болѣе и болѣе настойчивыми. Лидерсъ получалъ о нихъ разумѣется и болѣе положительныя извѣстія и естественно не находилъ въ нихъ основаній для усиленной энергіи. Полиція его впрочемъ дѣйствовала удовлетворительно, открывала тайныя типографіи, открывала тайные притоны въ которыхъ собирались главные воротилы красной партіи. Слѣд-

---

* Плоцкій, см. выше.

** Не исключая конечно изъ онаго и Русскаго Забужья, этой исконной части Владимірско-Волынскаго княжества. См. Lisecki.

ственныя коммиссіи разъясняли положеніе дѣлъ въ краѣ. Яснымъ становилось что огромный, искусно организованный заговоръ покрылъ какъ сѣтью Царство, сѣверо- и юго-западный край,—заговоръ въ которомъ участвовали и красные и бѣлые, который предполагалъ, да и началъ уже дѣйствовать и систематическою измѣной и терроромъ, приготовляя на всемъ пространствѣ бывшей Рѣчи Посполитой открытое вооруженное возстаніе. Все это однако не оказывало никакого вліянія на направленіе мыслей въ Петербургѣ и на принимаемыя тамъ рѣшенія или, вѣрнѣе, принималось въ доказательство необходимости новыхъ уступокъ. Реформы изготовлялись за реформами и приводились въ Варшавѣ въ исполненіе. Автономія Царства Польскаго болѣе и болѣе упрочивалась, чего тщетно добивались Поляки съ революціи 1830 года... И что же однако? Въ то самое время когда эти реформы лились потокомъ, когда автономія Царства Польскаго была почти осуществлена, когда маркизъ Велёпольскій торжествовалъ и имѣлъ полное право торжествовать побѣду надъ „vieux parti russe“ и когда онъ примчался въ Варшаву чтобы возвѣстить объ этой побѣдѣ,—именно 15 іюня 1862 года въ намѣстника произведенъ былъ выстрѣлъ почти въ упоръ, по счастію, не смертельный однако... Выстрѣлъ произведенъ былъ не изъ-за угла, не ночью, не въ глухомъ, пустынномъ мѣстѣ, а среди бѣла дня, въ галлереѣ Саксонскаго сада, наполненной притомъ не отребьемъ фабричнаго люда, не одичалыми отъ бѣдности и грубаго разврата людьми, а благовоспитанными, хорошо одѣтыми дамами и кавалерами собравшимися пить „воды“ и слушать музыку... и ни одна рука не протянулась изъ этой элегантной толпы чтобы задержать убійцу. Не торопясь и повидимому нисколько не опасаясь за себя, онъ скрылся и не разысканъ даже до сей минуты... Какъ же не сказать что эта элегантная толпа была солидарна съ человѣкомъ стрѣлявшимъ въ Лидерса, что она нравственно отвѣтственна за покушеніе 15 іюня.

Кровавый эпизодъ 15 іюня имѣлъ въ Петербургѣ одно послѣдствіе: ускореніе отъѣзда въ Варшаву Великаго Князя Константина Николаевича. * Но еще прежде него, какъ уже сказано, отправился новый начальникъ гражданскаго управленія съ благою вѣстью о преобразованіи

* Lisecki.

Варшавской Главной Школы въ университетъ и цѣлой системы общественнаго воспитанія въ національно-польскомъ духѣ, о дозволеніи прямыхъ сношеній по духовнымъ дѣламъ Варшавы съ Римомъ и т. др. Великій Князь прибылъ 20 іюня, а чрезъ два дня, 22 іюня, въ него пущена была пуля у театральнаго подъѣзда. Полиція схватила убійцу... Какъ же отнеслось польское общество къ этому новому злодѣйству? Архіепископъ на другой же день произнесъ по этому поводу горячее и сильное слово, требуя чтобы честные люди громко выражали свое отвращеніе къ злодѣю и къ злодѣянію. Маркизъ Велёпольскій говорилъ въ государственномъ совѣтѣ еще горячѣе и еще сильнѣе. Нѣсколько дней спустя графъ А. Замойскій во главѣ довольно многочисленной делутаціи явился во дворецъ Великаго Князя; эта делутація выражала несомнѣнно нелицемѣрное осужденіе случившагося, но, говоритъ г. Спасовичъ, котораго никто конечно не заподозритъ въ непріязни къ Полякамъ и Польшѣ, „ни одно слово не вышло изъ рамокъ заурядной офиціальности и не было ни одного движенія которое вылилось бы изъ сердца“. Потомъ заговорили было объ адресѣ: неприлично, въ самомъ дѣлѣ, было бы не подать адреса въ настоящемъ случаѣ... Но, продолжаетъ тотъ же г. Спасовичъ, „затѣянный въ видѣ протеста противъ убійцъ, адресъ превратился потомъ въ протестъ противъ Россіи и ея правительства“. * Дѣйствительно, вмѣсто отреченія отъ солидарности съ убійцами, задуманный адресъ выставлялъ какъ условіе примиренія изготовлявшей его бѣлой партіи ни болѣе ни менѣе какъ автономію соединенныхъ Царства Польскаго съ сѣверо- и юго-западною Русью. ** Таковъ былъ отвѣтъ польскаго общества на покушеніе 15 и 22 іюня. А затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ покушеній противъ маркиза Велёпольскаго, къ которымъ Поляки,—говоримъ только объ умѣреннѣйшихъ,—отнеслись еще равнодушнѣе, еще безучастнѣе.

Во время управленія краемъ Великаго Князя Константина Николаевича, о каковомъ времени имѣется, впрочемъ, мало матеріаловъ, уличныхъ безпорядковъ было, кажется, меньше чѣмъ въ 1861 году. Да они были уже не нужны. Температура красныхъ была доведена до калильнаго жара и къ нимъ

---

* Разумѣется, этотъ адресъ не былъ принятъ.

** *Жизнь и политика маркиза Велёпольскаго.* Спб. 1882.

примыкало уже множество бывшихъ бѣлыхъ. Тѣ кто еще брезгливо сторонились отъ убійствъ слѣшили захватить, согласно бѣлой программѣ, * мѣста въ правительственной организаціи съ цѣлью обманывать правительство, измѣнять ему. Наконецъ, самые безвредные, но и самые ничтожные стояли въ сторонѣ ото всѣхъ и ото всего, сохраняя нейтралитетъ неблагосклонный правительству; образцомъ этихъ безцвѣтныхъ ничтожностей была делутація являвшаяся въ Бельведеръ послѣ покушенія 22 іюня. Наконецъ духовенство... но объ этомъ предметѣ приведемъ подлинныя слова Высочайшаго указа 27 октября 1864 года; въ этомъ указѣ, напомнивъ о преимуществахъ дарованныхъ, между прочимъ, и этому сословію въ 1861 и 1862 годахъ, сказано: „тѣмъ съ большею скорбію усмотрѣли мы что во время возникшихъ вслѣдъ затѣмъ въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кроволитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые сами вступали въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровью невинныхъ жертвъ“ **.

Вотъ съ кѣмъ и съ чѣмъ приходилось имѣть дѣло новому намѣстнику и правительству, во имя котораго онъ долженъ былъ дѣйствовать. Далѣе слѣдовать по пути уступокъ было невозможно, некуда. Слово автономія не было произнесено, но принципъ автономіи былъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго настроенія и внушеній Велёпольскаго, строго проведенъ во всей организаціи управленія Царствомъ. Вся администрація, все судебное и учебное вѣдомство, всѣ центральные и правительственные органы почти исключительно были наполнены Поляками; языкъ преподаванія и официальныхъ сношеній былъ польскій; Великій Князь нарочно выучился по-польски и охотно говорилъ на этомъ языкѣ; и онъ и его супруга употребляли по возможности въ одеждѣ польскіе національные цвѣта. Не доставало до полнаго сходства съ

---

* См. выше.

** *Дн. Законовъ*, т. 62. Далѣе будетъ сказано подробнѣе объ участіи духовенства въ мятежѣ.

Положеніемъ 1815—30 годовъ только національной польской арміи. Но и этому, можно было думать, положено было начало командированіемъ въ Варшаву тѣхъ полковъ гвардіи которые квартировали до 1830 въ Варшавѣ и которымъ теперь возвратили ихъ прежнюю форму временъ Константина Павловича и графа Заіончка. По счастью, да, именно по счастью для насъ, Поляки не довольствовались и этимъ, сознаніе же національнаго достоинства начинало пробуждаться въ русскомъ обществѣ. Сильная рука однимъ взмахомъ свалила Герцена съ его лондонскаго льедестала; въ нашей періодической печати зазвучала давно смолкнувшая было струна русской народности, русскаго государственнаго духа. Когда же послѣдовало иностранное дипломатическое вмѣшательство въ наши польскія дѣла, а съ другой стороны, вспыхнуло вооруженное возстаніе и пролилась русская кровь, тогда окончательно развѣялось (надолго ли крайней мѣрѣ) печальное марево, ловившее было надъ Россіей...

Въ это время снова выступилъ на сцену Николай Алексѣевичъ Милютинъ, на сей разъ какъ первенствующій дѣятель въ Царствѣ Польскомъ. По счастію около того же времени сѣверо-западный край былъ ввѣренъ управленію М. Н. Муравьева.

II.

Дневникъ Законовъ.
Постановленія Учредительнаго Комитета.
Губернаторскіе отчеты за 1865 годъ.
Leroy-Beaulieu, *Un homme d'état* etc.
Ратчъ, *Свѣдѣнія о Польскомъ мятежѣ* и пр.
Lisicki, *Le marquis Wielopolski* etc.
A. Moller, *Situation de la Pologne* etc.
Гр. М. Н. Муравьевъ. *Записки* въ *Русской Старинѣ*, 1882 г., № 11.
Горемыкинъ, *Очеркъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ*, Спб. 1869.

Н. А. Милютинъ, какъ уже сказано, уѣхалъ за границу *весной 1861 года*. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію и Италію и проводилъ зиму 1861—62 года въ Римѣ. По свидѣтельству его біографа, Римъ произвелъ на него болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ Парижъ и прочія столицы Западной Европы. Въ Римѣ, говоритъ г. Леруа-Больё, онъ особенно глубоко почувствовалъ значеніе древней классической цивилизаціи, и это, какъ мы скоро увидимъ, отразилось въ его воззрѣніяхъ на систему общественнаго образованія. „Мы въ восхищеніи отъ жизни въ Римѣ, писалъ онъ; нигдѣ не возможно бродить съ такимъ наслажденіемъ. Но бродя безъ цѣли мысль постоянно работаетъ, вниманіе постоянно возбуждено... Я съ жадностью перечитываю Тита Ливія, Тацита и, признаться ли?—пришелъ къ убѣжденію что наше пренебреженіе къ древнимъ есть истинное варварство, что это огромный пробѣлъ въ нашемъ умственномъ развитіи". Впрочемъ мы находимъ у г. Леруа-Больё не много свѣдѣній о пребываніи Милютина за границей. Знаемъ однако что онъ былъ въ Парижѣ нѣсколько разъ, что онъ имѣлъ случай познакомиться тамъ съ академиками, артистами, вождями оппозиціонныхъ партій, съ министрами Наполеона III и его придворнымъ кругомъ. Императоръ Французовъ былъ или казался тогда на верху своего могущества. Но ни это могущество, ни блескъ парижскаго двора не произвели особаго впечатлѣнія на Милютина. За то онъ не безъ зависти можетъ-быть замѣтилъ, какъ много во Франціи на всѣхъ поприщахъ, по всѣмъ спеціальностямъ, въ правительственныхъ сферахъ и въ оппозиціонныхъ лагеряхъ, людей способныхъ, просвѣ-

щенныхъ, приготовленныхъ къ практической дѣятельности, какъ вообще значительна высота общаго культурнаго уровня. Въ Германіи и Англіи Милютинъ замѣтилъ бы и еще въ большей, вѣроятно, степени эту высоту культурнаго уровня еслибъ онъ имѣлъ возможность ближе изучить эти страны.

Но всматриваясь во все окружающее, Милютинъ, конечно, не упускалъ изъ виду Россіи. Свѣдѣнія о ней, кромѣ газетъ, доставляли ему письма многочисленныхъ его друзей и почитателей. Переписка его касалась и совершавшагося въ Царствѣ Польскомъ, уличные безпорядки происходили въ теченіе цѣлаго года (1861), за которыми притомъ чувствовалось нѣчто болѣе серіозное. Милютинъ удивлялся что мы не имѣемъ теперь между Поляками преданной намъ партіи, какъ во времена Екатерины II и Александра I. Онъ полагалъ что слѣдуетъ сдѣлать Полякамъ нѣкоторыя уступки, а именно удвоить бюджетъ на народное просвѣщеніе и допустить широкое развитіе выборнаго начала въ мѣстныхъ управленіяхъ (dans l'administration locale), за исключеніемъ однако полиціи. Посредствомъ такихъ мѣръ, казалось ему, можно было бы привлечь на сторону правительства „лучшихъ людей“, что̀ въ свою очередь возвысило бы нравственную силу правительства... Мы вскорѣ увидимъ какъ далеко отошелъ Милютинъ отъ этихъ воззрѣній когда ближе всмотрѣлся въ польскія дѣла, а теперь возвратимся къ 1862 году. Въ началѣ этого года, говоритъ г. Леруа-Больё Великій Князь Константинъ Николаевичъ „чрезъ monsieur G.“, вскорѣ потомъ ставшаго министромъ просвѣщенія, предлагалъ Милютину принять участіе въ переустройствѣ положенія государственныхъ крестьянъ; великая княгиня Елена Павловна со своей стороны намекала ему чтобъ онъ не уклонялся отъ занятій по составленію положеній объ удѣльныхъ крестьянахъ и о земствѣ; она писала дядѣ Милютина, графу Киселеву, бывшему посломъ въ Парижѣ, что его, Милютина, ожидаетъ можетъ-быть министерскій портфель, и что это откроетъ ему возможность сдѣлаться непосредственно извѣстнымъ Государю и принести пользу общему дѣлу. Такъ слѣдили за Милютинымъ высокіе его покровители, такъ мало оправдывалось въ отношеніи его извѣстная пословица объ отсутствующихъ. Въ апрѣлѣ тотъ же „m. G“ писалъ ему: „Одновременно съ этимъ письмомъ получите вы чрезъ Д. А. Высочайшее повелѣніе немедленно прибыть въ Петербургъ

для личныхъ объясненій съ Государемъ, который предполагаетъ назначить васъ начальникомъ гражданскаго управленія въ Польшѣ, то-есть предсѣдателемъ совѣта управленія въ Царствѣ... * Я увѣренъ что инициатива такого назначенія принадлежитъ лично Государю... Великій Князь Константинъ Николаевичъ со своей стороны имѣетъ другія соображенія. Въ качествѣ предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ хотѣлъ ходатайствовать о назначеніи васъ членомъ этого совѣта къ 30 августа... Великій Князь желалъ бы назначенія васъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а Валуева въ Варшаву, какъ бывшаго уже тамъ и знающаго по-польски.“ Но, прибавлялъ „m. G“, Государь на это не соглашается. Затѣмъ не болѣе какъ три недѣли спустя, именно 11 мая, и когда Милютинъ уже прибылъ въ Петербургъ, все тотъ же „m. G“ писалъ Милютину: „Великій Князь Константинъ Николаевичъ настоятельно совѣтуетъ вамъ категорически отказаться отъ назначенія въ Польшу, ибо, по его убѣжденію, это назначеніе должно быть предоставлено Поляку, а не Русскому“...

Мы привели эти отрывки изъ статьи г. Леруа-Больё какъ любопытную черту той тревожной эпохи, исполненной колебаній то въ ту, то въ другую сторону, эпохи открывавшей свободный путь пройдохамъ и интриганамъ. Въ Петербургѣ, какъ видно изъ приведенной переписки, было два теченія: одно — въ смыслѣ усиленія въ Варшавѣ русскаго вліянія, исходившее лично отъ Государя, и другое, совершенно противуположное. Милютинъ въ одномъ изъ писемъ приведенныхъ его біографомъ писалъ что предложеніе о его назначеніи въ Варшаву „дошло до заинтересованныхъ сторонъ“, и что „Велёпольскій, поддерживаемый княземъ Горчаковымъ и нѣкоторыми другими, успѣли поколебать рѣшеніе Государя“.

И вслѣдствіе настоятельныхъ совѣтовъ своихъ высокихъ покровителей, совѣтовъ, которыми нельзя было пренебрегать, и вслѣдствіе самостоятельнаго своего убѣжденія Милютинъ рѣшился уклониться на этотъ разъ отъ назначенія въ Варшаву если объ этомъ назначеніи зайдетъ рѣчь при свиданіи съ Государемъ. Рѣчь объ этомъ назначеніи зашла дѣйствительно, но какъ бы только pro forma „Мнѣ не трудно было.

---

* Начальникъ гражданскаго управленія вовсе не то же что предсѣдатель совѣта управленія въ Царствѣ.

лисалъ Милютинъ женѣ своей (остававшейся за границей), убѣдить Государя что въ настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности управлять Польшей не зная мѣстныхъ законовъ, мѣстныхъ дѣлъ, мѣстныхъ жителей и мѣстныхъ обычаевъ, наконецъ, и это главное, мѣстнаго языка". Очевидно Государь уже былъ приготовленъ удовольствоваться такого рода объясненіями; они были, продолжалъ Милютинъ, выслушаны „съ живымъ сочувствіемъ, чего впрочемъ я и ожидалъ, будучи еще наканунѣ поставленъ въ извѣстность о настроеніи Великаго Князя и его окружающихъ... Придумана была новая комбинація, а именно, поручить управленіе Царствомъ Польскимъ Велёпольскому, и чтобъ успокоить тѣхъ кто не довѣряетъ его правдивости, поставить надъ нимъ Намѣстника въ лицѣ Великаго Князя Константина. Къ немалому удивленію всѣхъ (въ томъ числѣ и самого Государя), Великій Князь не только одобрилъ эту комбинацію, но обнаружилъ особую въ этомъ отношеніи готовность. *. Милютинъ, обласканный Государемъ, былъ отпущенъ снова за границу, пробывъ въ Петербургѣ всего недѣли три.

Остановимся на минуту на только-что приведенныхъ фактахъ. 1861 и 1862 годы были временемъ самыхъ многочисленныхъ и крупныхъ законодательныхъ реформъ въ національно-польскомъ духѣ и въ такомъ же духѣ правительствомъ сдѣланы были различныя уступки, не считая того что̀ было допущено все въ томъ же духѣ еще ранѣе. 24 марта 1861 года учрежденъ въ Варшавѣ особый для Царства Польскаго Государственный Совѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованы губернскіе и уѣздные, а также городскіе (въ важнѣйшихъ городахъ) совѣты съ обязанностями приблизительно такими же какія предоставлены у насъ земствамъ и основанные на выборномъ началѣ. 27 декабря того же года послѣдовалъ указъ или положеніе о правительственной коммиссіи Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія которой предоставлялось, между прочимъ, завѣдываніе и уніятскими дѣлами.

---

* Г. Леруа-Больё приводитъ письма Милютина и къ Милютину, разумѣется на французскомъ языкѣ, но во многихъ случаяхъ онъ цитируетъ подлинныя въ нихъ выраженія по-русски. А изъ этого надо заключить, какъ впрочемъ и безъ того слѣдовало бы думать, вся эта переписка (за исключеніемъ съ Великою Княгиней Еленою Павловной) производилась на русскомъ языкѣ.

8 мая 1862 года подписанъ былъ уставъ объ общественномъ воспитаніи, каковымъ уставомъ польскій языкъ дѣлался языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства безъ вниманія къ этнографической пестротѣ населенія въ немъ, безъ вниманія даже къ русскому (уніятскому) населенію занимающему широкую полосу земли на лѣвомъ берегу Буга. 24 мая отмѣнены были ограниченія правъ еврейскаго населенія проживать во всѣхъ городахъ и деревняхъ Царства, пріобрѣтать недвижимую собственность и свидѣтельствовать на судѣ, но съ тѣмъ чтобы письменныя сдѣлки производились на польскомъ языкѣ. 27 мая Намѣстнику въ Царствѣ предоставлены были обширнѣйшія полномочія по гражданской и военной части, право утверждать судебные приговоры и миловать преступниковъ и пр.; онъ обязанъ былъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе только законодательные проекты. 31 іюля послѣдовалъ указъ объ изъятіи почтъ, а 7 августа—путей сообщенія изъ соотвѣтственныхъ вѣдомствъ Имперіи, чѣмъ завершалась административная автономія Царства Польскаго въ сферѣ законодательства: * но эта автономія, слѣдуя данному толчку, продолжала развиваться путемъ административныхъ распоряженій, безмолвныхъ соглашеній и т. п. Такимъ образомъ, во время управленія своего Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и (временно) Юстиціи Велёпольскій началъ оглашать сообщаемые ему для опубликованія государственные акты (напримѣръ, трактаты, конвенціи) при объявленіяхъ на одномъ польскомъ языкѣ съ устраненіемъ русскаго текста. Это нововведеніе не замедлило найти подражателей и въ другихъ вѣдомствахъ, а затѣмъ совѣтъ управленія сталъ публиковать и самыя распоряженія свои только въ польскомъ текстѣ; съ открытіемъ особаго государственнаго совѣта въ указахъ начала появляться формула „по выслушаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта Царства“. ** Итакъ съ начала шестидесятыхъ годовъ и законодательство, и административная практика имѣли повидимому въ виду автономію Польши. Но почему же въ такомъ случаѣ назначеніе Велёпольскаго начальникомъ гражданскаго въ ней управленія вызвало сомнѣнія? Автономія

---

* Всѣ означенныя законодательныя мѣры находятся въ стт. 57, 59, 60 и 61 *Дневника Законовъ*.

** См. тѣ же томы *Дневника Законовъ*.

Царства Польскаго выражается формулой „Польша для Поляковъ и только для Поляковъ“; а если такъ, то Милютину нечего было дѣлать въ Варшавѣ; туда слѣдовало послать Велёпольскаго... Но въ томъ-то и дѣло что, какъ надо думать, эта формула никому не представлялась въ Петербургѣ во всей ея ясности, и никто повидимому не обнималъ взоромъ всей совокупности послѣдовавшихъ въ послѣднее время законодательныхъ мѣръ. Значеніе всей совокупности этихъ мѣръ и эта формула польской автономіи представились во всей ихъ яркости лишь тогда повидимому какъ рѣчь зашла о предоставленіи Велёпольскому непосредственнаго начальствованія надо всѣми правительственными коммиссіями (министерствами) и предсѣдательства въ совѣтѣ управленія и государственномъ совѣтѣ (въ отсутствіи намѣстника). Тогда только кажется представился тревожный вопросъ: куда мы идемъ? Отвѣты съ польской стороны на этотъ тревожный вопросъ не замедлили послѣдовать. Съѣхавшіеся въ Варшаву до 300 помѣщиковъ изъ разныхъ кондовъ Царства, частію изъ сѣверо-и юго-западныхъ губерній, составили въ концѣ лѣта 1862 года на имя Великаго Князя адресъ въ которомъ говорилось что не иное что́ какъ образъ дѣйствія правительства довелъ край до настоящаго положенія. „Мы, писали составители адреса, въ качествѣ Поляковъ тогда только будемъ имѣть возможность поддерживать правительство и питать къ нему довѣріе когда оно будетъ наше, польское, и когда, независимо отъ свободныхъ учрежденій, *основной законъ соединитъ всѣ области составлявшія нѣкогда наше отечество.*“ А нѣсколько позже, именно когда уже началось открытое возстаніе и пролита была русская кровь, именно 9 марта 1863 года, архіепископъ Фелинскій писалъ Государю: „Дарованныя Вашимъ Величествомъ учрежденія недостаточны для упроченія благоденствія страны. Польша не удовлетворится административною автономіей; она желаетъ жить политическою жизнію. Государь, благоволите взять на себя инціативу въ польскомъ вопросѣ; *благоволите сдѣлать изъ польской націи націю независимую, соединенную съ Россіей единственно въ лицѣ Вашей Августѣйшей династіи.*“ *

Итакъ польская, по крайней мѣрѣ польско-шляхетская программа развернулась во всей своей широтѣ. Отъ русскаго

---

* Lisicki.

правительства требовалось чтобъ оно признало „польскую націю“, чтобъ этой націи отмежеваны были границы по Днѣпръ и Западную Двину, то-есть чтобы Русское правительство подчинило польскому дворянству милліоны Малороссовъ и Бѣлоруссовъ, чтобъ оно дало этой фантастической націи самостоятельный парламентъ, очевидно польскій, и польскую администрацію...

Подобныя желанія можетъ-быть и естественны въ Полякахъ (хотя съ польской же точки зрѣнія крайне неблагоразумно было заявлять ихъ), но они обнаруживали до очевидности несовмѣстность польскихъ претензій съ достоинствомъ Русскаго правительства и интересами Россіи. Оставляя въ сторонѣ все что̀ заключается нелѣпаго въ требованіи объ образованіи особой „націи“ съ восточною границей на Двинѣ и Днѣпрѣ, соединенную съ Россіей единственно династическими узами, оставляя, говоримъ, въ сторонѣ все что̀ заключается безумнаго въ претензіи на такое самоубійство со стороны Россіи, уступить этой претензіи не значило ли бы отдаться и въ сферѣ международныхъ отношеній на произволъ польскаго парламента, поссориться съ Пруссіей изъ-за Познани и Данцига и съ Австріей изъ-за Галиціи? И кто осмѣливался предъявлять подобныя требованія? Какая могущественная и торжествующая сила? Партія „бѣлыхъ“, партія въ душѣ не сочувствовавшая уличнымъ безпорядкамъ, но неумѣвшая устранить ни одного изъ нихъ, не одобрявшая вѣроятно кровавыхъ покушеній и однако неосмѣлившаяся громко высказать этого неодобренія, партія трепетавшая предъ красными демагогами и ни во что̀ ими ставимая!..

—

Н. А. Милютинъ былъ еще за границей (вторично) когда въ Царствѣ Польскомъ, а также въ западныхъ губерніяхъ. вспыхнуло вооруженное возстаніе и когда открылась дипломатическая кампанія противъ Россіи за Польшу. Эти два крупныя событія, заодно съ частью и притомъ самою даровитою нашей печати, произвели отрезвляющее впечатлѣніе въ средѣ русскаго общества. Назначеніе генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьева было радостно встрѣчено большинствомъ образованныхъ людей, и выразителемъ ихъ чувствъ явился знаменитый іерархъ московскій Филаретъ, написавшій новому генералъ-губернатору: „ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества,

ваше имя—побѣда.“ * „Только одни отчаянные нигилисты, писано Милютину изъ Россіи, продолжаютъ считать своимъ долгомъ заявлять свое *безпристрастіе* или даже свое сочувствіе Польшѣ; вся масса разсудительныхъ людей обнаружила несомнѣнный порывъ патріотизма, который сильно опровергаетъ понятія распространенныя за границей нашими эмигрантами-революціонерами и нашими безсмысленными туристами“. ** Самаринъ писалъ Милютину: „Въ провинціи наша спячка не на шутку проходитъ“. То же самое могъ видѣть Милютинъ и изъ русской печати. „Пробужденіе національнаго чувства въ Россіи меня искренно радуетъ“, писалъ онъ со своей стороны, и это національное чувство, побуждало его сократить свое пребываніе за границей, гдѣ оно было оскорбляемо на каждомъ шагу, какъ безъ сомнѣнія испытали и ломятъ всѣ Русскіе находившіеся въ это время въ чужихъ краяхъ. Это національное чувство, продолжалъ Милютинъ, „отрезвитъ, надѣюсь, многихъ Русскихъ отъ ихъ смутныхъ и нездоровыхъ стремленій и укрѣпитъ ослабѣвшія связи между членами нашего общества. Что произойдетъ изо всего этого?.. Когда Европа убѣдится что мы не такъ слабоумны какъ она воображала и что мы не нуждаемся въ ея наставленіяхъ для дальнѣйшаго своего развитія, она не замедлитъ покончить со своими увлеченіями. Но независимо отъ того, слѣдуетъ серіозно приняться за изученіе того что̀ должно составлять въ наше время самую главную заботу всякаго правительства,—изучить общественное мнѣніе и войти въ соотношеніе съ нимъ“. Это было писано изъ Парижа 22 апрѣля 1863 года; а на слѣдующій день, въ письмѣ къ самому близкому изъ своихъ корреспондентовъ, Милютинъ въ виду дипломатическаго противъ насъ похода кабинетовъ выражался слѣдующимъ образомъ по поводу ноты князя Горчакова Французскому правительству: „Самолюбіе Наполеона можетъ быть польщено чрезвычайною любезностью формъ, но наши дипломаты странно заблуждаются если надѣются заставить этими любезными формами Францію забыть сущность дѣла. Еще страннѣе ожидать какихъ-либо серіозныхъ результатовъ отъ этихъ сердечныхъ изліяній, — а какъ иначе назвать дипломатическую ноту

---

* Гр. М. Н. Муравьевъ.

** Leroy-Beaulieu.

отправленную къ Наполеону? Обращаться къ нему съ вопросами, въ чемъ состоитъ его цѣль, каковы его намѣренія и его заднія мысли, это ужь слишкомъ наивно и становится понятнымъ единственно при условіи что вы хотите выиграть время". Затѣмъ, обращаясь къ самымъ отношеніямъ нашимъ къ Польшѣ, Милютинъ писалъ: „Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ существуютъ двѣ отдѣльныя категоріи мѣропріятій, которыя у насъ очевидно смѣшиваются въ умахъ, хотя логика требуетъ ихъ разобщенія: это мѣры радикальныя (органическія?) и мѣры палліативныя". Милютинъ не касается первыхъ, а по поводу послѣднихъ пишетъ: „Результатомъ послѣднихъ объясненій съ Наполеономъ было его предложеніе открыть конференцію. Сомнительно чтобъ изъ этого вышло что-нибудь, но это все-таки менѣе серіозно чѣмъ конгрессъ о коемъ мечтаетъ князь. * Онъ писалъ объ этомъ Будбергу. ** „Это какое-то ослѣпленіе. Мы не можемъ, мы не должны (даже по собственному побужденію) являться въ качествѣ обвиняемаго предъ соединенною Европой, которая только-что обнаружила такую единодушную къ намъ непріязнь по Польскому вопросу. Какіе софизмы въ состояніи поддержать такую рогатую мысль?.. Во всякомъ случаѣ самою дѣйствительною мѣрой изъ числа палліативныхъ были бы энергическія военныя дѣйствія въ Польшѣ и Литвѣ. Не могу тебѣ выразить какое печальное впечатлѣніе производятъ здѣсь всѣ эти безплодныя стычки съ плохо-вооруженными бандами поповъ (ксендзовъ?), мальчишекъ и всякаго сброда! Если дѣло будетъ такъ продолжаться, никакая дипломатія, никакія либеральныя мѣры намъ не помогутъ."

Вотъ съ какими мыслями о текущихъ событіяхъ собирался Милютинъ въ обратный путь изъ Западной Европы. Какъ всякій образованный человѣкъ, онъ видѣлъ и признавалъ за нею большія культурныя преимущества предъ Россіей, преимущества которыми она обязана унаслѣдованной ею и въ продолженіе многихъ вѣковъ поддерживаемой культурѣ Греціи и Рима. Но когда между этою Европой и его отечествомъ возникли серіозныя недоразумѣнія, онъ, русскій человѣкъ въ душѣ, почувствовалъ что *„здѣшній* воздухъ слишкомъ пропитанъ непріязнію къ намъ" и что „здѣсь невозможно

---

* Конечно, князь .А М. Горчаковъ.

** Преемникъ гр. Киселева въ Парижѣ.

оставаться по доброй волѣ и безъ крайней необходимости". Его возмущала мысль что Россію хотятъ вывести предъ судъ Европы въ качествѣ подсудимаго и притомъ по дѣлу касающемуся ея внутренней политики. Въ сферѣ Польскаго вопроса онъ признавалъ необходимыми нѣкоторыя органическія мѣры (которыя въ то время онъ едва ли могъ бы однако указать съ точностью), не отрицалъ пользы и мѣръ либеральныхъ, но настаивалъ на необходимости прежде всего покончить съ вооруженнымъ мятежемъ путемъ „энергическихъ военныхъ дѣйствій." Въ этихъ чертахъ Милютинъ представляется серіознымъ и притомъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ, а вовсе не слащавымъ доктринеромъ какимъ старается изобразить его г. Леруа-Больё, очевидно не могущій со своей французской точки зрѣнія примирить слегка панегирическій тонъ, усвоенный имъ въ отношеніи своего героя, съ трезвымъ взглядомъ Милютина на „malheureuse Pologne" и „infortunés Polonais". * Конечно, всякому пріятнѣе открыть университетъ чѣмъ разстрѣлять политическаго преступника и даровать людямъ нѣкоторыя права чѣмъ стѣснить ихъ; но государственный человѣкъ не въ правѣ уклоняться и отъ тяжелыхъ его сердцу обязанностей когда онѣ вызваны необходимостью и пользой его отечества. Вотъ почему, между прочимъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, Милютинъ сблизился со „страшнымъ", по мнѣнію многихъ публицистовъ, М. Н. Муравьевымъ, дѣйствительно начинавшимъ быть въ это время „страшнымъ" польской крамолѣ.

Милютинъ пріѣхалъ въ Петербургъ 25 августа (1863 года). Онъ нашелъ совсѣмъ иное настроеніе относительно польскихъ дѣлъ не только въ обществѣ, какъ уже извѣстно читателю, но и въ правительственныхъ сферахъ. Велёпольскій былъ уже уволенъ (хотя только въ отпускъ). Имъ были рѣшительно недовольны въ Петербургѣ; вооруженное возстаніе приписывали—и не безъ основанія—объявленному по его

---

* Мы не понимаемъ какъ можетъ г. Леруа-Больё, долго изучавшій и современное положеніе Россіи, и ея литературу, и ея исторію, говорить по поводу нашихъ западныхъ губерній что онѣ „*aux yeux des Russes* sont russes et non polonaises" и что „les Polonais, *on le comprend,* ont peine à accepter ce point de vue". Развѣ это нашъ національный предразсудокъ что Кіевъ, Овручъ, Витебскъ—города издревле русскіе, и развѣ истина добытая исторической наукой не обязательна съ какой бы то ни было точки зрѣнія?

настоящію рекрутскому набору; * да тутъ же припоминалось ему высокомѣрное его обращеніе вообще съ Русскими въ Варшавѣ, снятіе по его представленіямъ военнаго положенія въ разныхъ пунктахъ Царства не задолго до открытаго въ немъ мятежа, смѣщеніе нѣсколькихъ русскихъ губернаторовъ съ замѣной ихъ лицами польскаго происхожденія, огульную отставку нѣсколькихъ десятковъ учителей „для пользы службы“, наконецъ похищеніе болѣе чѣмъ трехъ съ половиною милліоновъ изъ варшавскаго казначейства, пошедшихъ разумѣется на ловстанье... Государь былъ раздраженъ, огорченъ, встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, возвратился ли Милютинъ и, какъ послѣшили сообщить послѣднему его высокопоставленные друзья, твердо рѣшился, съ одной стороны, совершенно измѣнить систему дѣйствій относительно Поляковъ, а съ другой — произвести большія перемѣны въ личномъ составѣ администраціи Царства Польскаго. Впрочемъ увольненіе Велёпольскаго и назначеніе энергическаго военнаго человѣка, графа Берга, помощникомъ Великому Князю, а также послѣдовавшія почти одновременно назначенія генералъ-губернаторами въ Вильну и Кіевъ Муравьева и Безака достаточно указывали на происшедшее измѣненіе въ образѣ мыслей Государя. Милютину была назначена аудіенція на 31 августа, причемъ компетентныя лица предупредили его что предполагается поручить ему „руководство дѣлъ въ Польшѣ“. При настоящемъ положеніи Царства и при маломъ знакомствѣ съ тамошними дѣлами такая перспектива естественно сильно встревожила Милютина. „Мнѣ рѣшительно копаютъ яму, воскликнулъ онъ;—положеніе мое по истинѣ трагическое!.. Но минута важная; горизонтъ заволокли тучи. Было бы малодушіемъ торговаться насчетъ своихъ услугъ если только онѣ дѣйствительно могутъ принести пользу...“ Слова достойныя Плутарховыхъ героевъ!

Аудіенція Милютина продолжалась около двухъ часовъ. ** Государь принялъ его съ сердечною привѣтливостью (cordiale

---

* Наборъ этотъ производился не по установленному закономъ жеребьевому порядку, а по составленнымъ мѣстною администраціей спискамъ, въ которые были внесены самые видные представители демагогіи, уличной толпы. Велёпольскій разчитывалъ обезоружить такимъ образомъ толпу, но наборъ, какъ извѣстно, не удался.

** Другихъ свѣдѣній объ этой аудіенціи, кромѣ сообщенныхъ г. Леруа-Больё, не имѣется, почему мы должны руководствоваться ими

affabilité), говоритъ г. Леруа-Больё. „Александръ II открылся Николаю Алексѣевичу съ полною искренностью и благородною простотой, не скрывая своихъ заботъ и опасеній; онъ изложилъ ему, какъ настоящій политикъ и государь, причины въ виду которыхъ онъ, не взирая на свое человѣколюбіе и примирительныя стремленія, принужденъ радикально измѣнить свою политику въ Царствѣ Польскомъ; онъ обозрѣлъ съ замѣчательною ясностью и рѣдкою проницательностью различныя условія въ которыя могла стать Имперія по отношенію къ роковому „спутнику (satellite), привязанному къ ней историческими „судьбами... Подобно многимъ Русскимъ, Государь сознавалъ „что Польша есть для Россіи скорѣе источникъ затрудненій „чѣмъ элементъ силы. Многіе, говорилъ Александръ II Ми„лютину, охотно предоставили бы Поляковъ самимъ себѣ, „снабдили бы ихъ широкою автономіей и даже полною неза„висимостью еслибы только можно было надѣяться что ма„ленькое Польское государство въ состояніи существовать „самобытно и что оно будетъ достаточно благоразумно дабы „не домогаться старинныхъ границъ и обнимаемыхъ этими „границами областей, которыя *въ глазахъ Русскихъ* * принад-

---

исключительно и безаппеляціонно. Не можемъ не замѣтить однако при этомъ что г. Леруа-Больё, вообще охотно вставляющій въ свой разказъ цѣлыя письма Милютина и его корреспондентовъ, или по крайней мѣрѣ приводящій большія изъ нихъ выдержки съ означеніемъ кѣмъ именно они писаны (выставляемые французскимъ авторомъ инициалы вполнѣ понятны русскому читателю), въ помянутомъ мѣстѣ своей статьи, едва ли не самомъ исторически-важномъ, ведетъ разказъ отъ своего имени, лишь изрѣдка вставляя небольшія фразы въ кавычкахъ и не указывая откуда онѣ заимствованы.

* Такъ какъ весь этотъ разказъ ведется авторомъ отъ своего имени, то и оригинальная, напечатанная курсивомъ оговорка должна быть приписана ему же, его личнымъ воззрѣніямъ на исторію Россіи и Польши. Въ объясненіе же воззрѣній на этотъ предметъ самого Государя заимствуемъ у французскаго автора слѣдующій анекдотъ. „Я слышалъ, говоритъ онъ, что въ началѣ 1863 года, предъ мятежемъ, Императоръ Александръ II, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ вождей польской аристократіи, спросилъ чѣмъ можно было бы удовлетворить Польшу?“—„Государь, отвѣчалъ Полякъ со смѣлостью или пагубною неосторожностью своихъ соплеменниковъ, Польша не можетъ забыть своихъ братьевъ въ Литвѣ.“ — „Вы знаете, возразилъ

„лежатъ русской, а не польской національности.“ А такъ какъ, поясняетъ французскій авторъ, Поляки „*понятно* не могутъ „усвоить такого возрѣнія“ и „не удовольствуются малень„кимъ государствомъ, въ границы котораго русскій патріо„тизмъ желаетъ заключить польскую національность“, то очевидно и не могло произойти никакого соглашенія. Притомъ де Поляки желаютъ „свободныхъ“ и „національныхъ“ учрежденій, но Императоръ Александръ, говоритъ г. Леруа-Больё, охотно разрѣшившій возобновленіе финляндскаго сейма, былъ того мнѣнія что сеймъ въ Варшавѣ былъ бы лишь поводомъ къ безпорядкамъ и иллюзіямъ. Въ этомъ отношеніи 1830 годъ былъ въ глазахъ Государя доказательствомъ заблужденія Александра I. Наконецъ, теперь, исчерпавъ всѣ средства и мѣры примирительнаго свойства, не оставалось ничего больше какъ прибѣгнуть къ мѣрамъ иного рода. „Въ „глазахъ Царя все было кончено между нимъ и польскою „аристократіей.“ А такъ какъ „Россіи нечего было ожидать отъ „дворянства въ Польшѣ, то Царь рѣшился обратиться къ „польскому простонародью, къ сельчанамъ-крестьянамъ, во„обще остававшимся глухими къ призывамъ мятежниковъ. „По его мнѣнію, Русскому правительству слѣдовало утвер„дить свою опорную точку на массѣ сельскаго населенія, а „кто же, заключаетъ г. Леруа, могъ быть въ настоящемъ „случаѣ полезнѣе бывшаго товарища Ланского, врага (?) дво„рянства и друга du moujik?“

Послѣдняя мысль Государева была выражена конечно не въ такой рѣзкой формѣ, но все-таки Милютинъ счелъ нужнымъ объяснить что „будучи преданъ благу народа и желая равенства всѣхъ предъ закономъ, онъ очень однако далекъ отъ мысли будто можно управлять страной безъ содѣйствія образованныхъ классовъ“, а спеціально въ Россіи—безъ содѣйствія дворянства, нынѣ единственнаго въ ней образованнаго сословія. Что же касается польскихъ дѣлъ, то онъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія Государя. Онъ находилъ что не

Государь, что не я произвелъ раздѣлы Польши и не можете требовать отъ меня раздѣла Россіи.“ Не лишнимъ будетъ замѣтить при этомъ что „Литвой“ Поляки нерѣдко называютъ все княжество Гедимина и Ольгерда, со включеніемъ и вошедшихъ въ него чисто русскихъ областей: вѣроятно въ этомъ смыслѣ названа была Литва и въ приведенномъ разговорѣ.

существуетъ почвы для примиренія съ польскимъ дворянствомъ и замѣчалъ что въ иностранныхъ столицахъ и при иностранныхъ дворахъ онъ самъ видѣлъ представителей этого дворянства, интригующихъ путемъ слова и печати противъ правительства и возбуждающихъ къ нему непріязнь. „А затѣмъ,—приводимъ слова французскаго автора,—внѣ аристократіи и дворянства на что же могли бы мы опереться? На духовенство? Оно еще болѣе враждебно намъ и проповѣдуетъ крестовые походы противъ Москаля-схизматика. На классъ торгующій, на Евреевъ? Но Россія никогда не была очень либеральна въ отношеніи къ Евреямъ, и мы не можемъ безъ явнаго самообольщенія разчитывать на ихъ благодарность и сочувствіе. На администрацію и правительственныхъ чиновниковъ? Но большинство этихъ послѣднихъ принадлежитъ къ мелкому польскому дворянству; многіе принимали въ мятежѣ явное или тайное участіе и на нихъ невозможно положиться относительно приведенія законовъ въ исполненіе; они заинтересованы, напротивъ, въ томъ чтобъ эти законы оставались безъ исполненія, они сознательно дискредитируютъ эти законы. Остается слѣдовательно народъ, крестьянство; но...“ И тутъ-то начинались возраженія Милютина противъ его назначенія въ Варшаву. „Допуская что польское крестьянство намъ не враждебно, говорилъ онъ, и что можно было бы привлечь его помощью нѣкотораго облегченія повинностей или какихъ-нибудь аграрныхъ законовъ, можетъ ли быть такое щекотливое дѣло возложено на человѣка совершенно незнакомаго съ польскими дѣлами?...“ Милютинъ замѣтилъ что ему понадобится столько же времени и труда сколько онъ посвятилъ русскому мужику для того чтобъ изучить мужика польскаго и съ увѣренностью заняться имъ; онъ выставлялъ на видъ свое незнакомство съ мѣстнымъ языкомъ и умолялъ Государя уволить его отъ предложенныхъ ему занятій. Но Государь былъ непоколебимъ; онъ сказалъ Милютину что ему будутъ доставлены всѣ средства ознакомиться съ предназначаемымъ ему дѣломъ, и что мѣры строгости, входя въ кругъ обязанностей военнаго управленія, вовсе не будутъ касаться его сферы дѣйствія.

Затѣмъ Государь передалъ ему кучу бумагъ относительно польскихъ дѣлъ и выразилъ желаніе переговорить съ нимъ окончательно чрезъ недѣлю. Съ лихорадочною дѣятельностью принялся Милютинъ за чтеніе полученной корреспонденціи.

Онъ извлекъ изъ нея мало утѣшительнаго и, напротивъ, нашелъ намеки на какую-то темную, подозрительную солидарность между варшавскимъ революціоннымъ рѭондомъ и нѣкоторыми петербургскими канцеляріями.* Милютинъ твердо рѣшился не принимать никакого опредѣленнаго назначенія въ администраціи Царства Польскаго. „И затѣмъ, выразился онъ при свиданіи съ княземъ Горчаковымъ, если нуженъ простой работникъ—я не отказываюсь быть этимъ работникомъ. Пусть мнѣ дадутъ командировку въ Царство и, если способъ лѣченія который я сочту возможнымъ рекомендовать, будетъ одобренъ, пусть поручатъ самое лѣченіе болѣе компетентнымъ лицамъ."

Такъ просто и ясно выражался Милютинъ, хотя его слова и соображенія французскій его біографъ комментируетъ въ очень своеобразномъ смыслѣ. Намъ кажется прежде всего что Милютинъ уклонялся ото всякаго формальнаго назначенія по причинамъ очень вѣскимъ и чисто практическимъ. Какое могло быть это назначеніе? вакантный постъ Велёпольскаго? Но, во-первыхъ, положеніе Милютина, незнающаго польскаго языка, было бы совершенно нелѣпо, просто смѣшно, пока вся официальная переписка, всѣ доклады производились на этомъ языкѣ, а во-вторыхъ, Милютинъ не имѣлъ еще случая испытать себя въ роли администратора. Онъ управлялъ департаментомъ, но это отнюдь не школа для администраціи цѣлаго края, и какого края, и въ какое время!... Самое же главное, воззрѣнія и самого Государя и всей націи радикально измѣнились въ послѣднее время, а наличный персоналъ управленія въ Царствѣ Польскомъ сложился подъ вліяніемъ прежней, совершенно иной, противуположной системы; положеніе Милютина въ Варшавѣ было бы слѣдовательно совершенно невозможнымъ. Надо думать что онъ изложилъ все это кому слѣдуетъ съ большею подробностью чѣмъ говоритъ его біографъ, и вотъ почему, какъ выражается послѣдній, на вторичной аудіенціи въ Царскомъ Селѣ „его Величество остался доволенъ тѣмъ что Милютинъ соглашался ѣхать въ Варшаву хотя бы и безъ опредѣленнаго назначенія". При этомъ Милютинъ успѣлъ однако выговорить что эта поѣздка будетъ имѣть спеціальною цѣлію изученіе крестьянскаго

* Г. Леруа-Бельё выражается точнѣе (хоть тоже не совсѣмъ точно); онъ говоритъ: certains bureaux du ministère de Pologne à S.-Pétersbourg.

вопроса въ Царствѣ, наиболѣе по его мнѣнію важнаго въ настоящемъ случаѣ. „Я совершенно того же мнѣнія, сказалъ Государь, но я желалъ бы чтобы ты не ограничился этимъ. Все управленіе въ Польшѣ не хорошо; *надо заняться всѣмъ*“.

Первая часть этого отвѣта ставила Милютина въ совершенно новыя и гораздо болѣе благопріятныя для него условія: предъ нимъ открывалось поприще не административное, чрезвычайно скользкое при данныхъ условіяхъ и совершенно ему новое, но законодательное, на которомъ онъ уже составилъ себѣ блестящую репутацію. Милютинъ успѣлъ выговорить и нѣчто другое, тоже весьма для себя важное. Государь разрѣшилъ ему взять себѣ въ помощники кого онъ хочетъ, и между прочимъ Самарина, который, узнавъ о возвращеніи Милютина изъ-за границы, тотчасъ же пріѣхалъ въ Петербургъ. Недавніе борцы за русскаго мужика готовы были выступить поборниками польскаго крестьянина. Но у Самарина была преклонныхъ лѣтъ мать. Онъ обусловилъ свою поѣздку въ Царство Польское ея согласіемъ, а это согласіе было нѣсколько сомнительно, такъ какъ пребываніе въ Варшавѣ было тогда далеко не безопасно. Однако мать благословила своего сына на добрый хоть и опасный подвигъ. Затѣмъ полетѣло приглашеніе къ князю Черкаскому: не медля ни минуты онъ сѣлъ въ вагонъ и прямо со станціи примчался къ Милютину: я де вашъ и съ вами на жизнь и на смерть.... Завидное преимущество избранныхъ натуръ электризовать людей, вливать въ сердца энтузіазмъ, вызывать наружу благороднѣйшіе инстинкты! И этимъ завиднымъ преимуществомъ былъ въ высокой степени одаренъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Онъ и его друзья сотрудники съ увлеченіемъ приступили къ изученію крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Собраны были, говоритъ г. Леруа-Больё, всѣ книги, брошюры, изслѣдованія, записки, документы, рукописи касающіяся этого вопроса, словомъ, все что только можно было достать по этому предмету на одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ языковъ. А между тѣмъ надо было собираться въ путь....“

Не розами усыпанъ былъ этотъ путь! Царство Польское находилось въ полномъ возстаніи... Но вмѣсто того чтобъ описывать тогдашнее положеніе Царства Польскаго основываясь на данныхъ не одинаковаго достоинства, приведемъ слова М. Н. Муравьева о состояніи Сѣверо-Западнаго края

въ началѣ лѣта 1863 года,—слова вполнѣ примѣнимыя и къ положенію Царства. „Правительственной власти, пишетъ Муравьевъ, * нигдѣ уже не существовало; войска наши сосредоточивались только въ городахъ, откуда дѣлали экспедиціи, какъ на Кавказѣ, въ горы; всѣ же деревни или лѣса были въ рукахъ мятежниковъ. Русскихъ людей почти нигдѣ не было, ибо всѣ гражданскія должности заняты были Поляками. Вездѣ кипѣлъ мятежъ... У мятежниковъ были вездѣ, и даже въ самой Вильнѣ (Варшавѣ) революціонные начальники; въ уѣздныхъ городахъ окружные и ларохіальные; въ губернскихъ городахъ цѣлыя полныя гражданскія управленія,—министры, военные революціонные трибуналы,—полиція и жандармы,—словомъ цѣлая организація, которая безпрепятственно вездѣ дѣйствовала, собирала шайки, образовывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятежъ, и все это дѣлалось гласно для всего польскаго населенія... Русскія власти чувствовали только свое безсиліе и вообще презрѣніе къ нимъ Поляковъ, ознаменовавшееся невозможными дерзостями и неуваженіемъ даже къ самому войску, которому было приказано все терпѣть и переносить“. Правда, ко времени поѣздки Милютина въ Варшаву польскимъ шайкамъ было нанесено нѣсколько сильныхъ ударовъ, и графъ Бергъ успѣлъ уже показать что не будетъ дѣлать поблажекъ явнымъ мятежникамъ и убійцамъ. Но онъ не былъ администраторомъ въ высшемъ значеніи этого и, главное, не былъ, подобно Муравьеву, *цѣльнымъ человѣкомъ* какого требовали обстоятельства...

Впрочемъ читатель увидитъ вслѣдъ за симъ отзывы Милютина о Варшавскомъ намѣстникѣ,—а теперь мы замѣтимъ что и въ октябрѣ 1863 года, когда Милютинъ оставилъ Петербургъ, въ Царствѣ Польскомъ дороги были чрезвычайно опасны; на каждомъ желѣзнодорожномъ поѣздѣ находились военныя команды которыя нерѣдко принуждены были отвѣчать выстрѣлами на выстрѣлы направленные въ поѣздъ изъза придорожныхъ кустовъ. Вездѣ, не исключая Варшавы, едва не каждое утро находили трупы людей пораженныхъ неизвѣстною рукой. Но все это конечно немогло остановить Милютина и его товарищей. Они, вмѣстѣ съ пятью, шестью молодыми людьми въ качествѣ переводчиковъ и дѣлопроизво-

* *Русская Старина* 1882 года, № 11.

дителей, выѣхали по Варшавской желѣзной дорогѣ 8 октября: „Съ той самой минуты какъ я сѣлъ въ вагонъ, писалъ Милютинъ изъ Вильны, я почти не отрывалъ глазъ отъ забранныхъ съ собою бумагъ, либо толковалъ о нашемъ дѣлѣ. Дѣятельность моихъ спутниковъ тоже не прерывалась даже ночью, такъ что мы едва успѣли нѣсколько вздремнуть". Въ 5 часовъ утра поѣздъ остановился въ Вильнѣ, а въ 8 часовъ Милютинъ уже былъ у Муравьева.

Муравьевъ и Милютинъ, какъ извѣстно, были центрами двухъ противуположныхъ воззрѣній при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Кажется что независимо отъ того они и лично не любили другъ друга. Но Муравьевъ въ кратковременное управленіе свое Сѣверо-Западнымъ краемъ обнаружилъ такія замѣчательныя административныя способности и такую энергію * что Милютинъ пожелалъ въ интересѣ дѣла

---

* Нельзя не пожалѣть что біографія гр. М. Н. Муравьева, начатая г. Кропотовымъ, осталась не оконченною. Но о ясномъ его умѣ, о чрезвычайной ясности воззрѣнія на окружающія его обстоятельства, наконецъ о его выходящихъ изъ ряда административныхъ способностяхъ даютъ достаточное понятіе слѣдующія черты изъ инструкціи данной имъ подчиненнымъ ему властямъ 24 мая, то-есть черезъ нѣсколько дней по прибытіи его въ Вильну, и которую мы заимствуемъ изъ сочиненія г. Ратча (т. I, введеніе).

„1. Военное положеніе было введено по всему краю съ предписаніемъ неослабнаго его исполненія мѣстными властями.

„2. Въ каждомъ уѣздѣ учреждено военно-полицейское управленіе, въ вѣдѣніи военноначальниковъ изъ штабъ-офицеровъ войскъ, коимъ поручены всѣ мѣстныя власти и все населеніе, со строгимъ предписаніемъ ограждать крестьянское сословіе отъ покушеній мятежниковъ и съ заведеніемъ обывательской книги съ переписью жителей, дабы немедленно можно было изъ населенія выдѣлить участвующихъ мятежниковъ.

„3. Образованы сельскія стражи для огражденія сельскихъ жителей отъ грабежа и неистовства мятежниковъ.

„4. Въ селеніяхъ и при корчмахъ устроены сельскіе караулы и по дорогамъ конные разъѣзды, которымъ поручено наблюдать за проѣзжающими.

„5. Находящимся въ уѣздѣ войскамъ поручено очищать ихъ отъ бродячихъ шаекъ и предупреждать скопища.

„6. Обезоружить всѣхъ помѣщиковъ и ихъ прислугу, шляхтичей, ксендзовъ и римско-католическіе монастыри.

„7. Изъ крестьянскаго сословія обезоружить только признаваемыхъ неблагонадежными.

побывать у него. Объ этомъ желаніи своемъ, не зная какъ оно будетъ принято, онъ сообщилъ Муравьеву чрезъ министра Государственныхъ Имуществъ А. А. Зеленаго. Муравьевъ отвѣчалъ на эту развѣдку письмомъ прямо на имя Милютина. „Я слышу, писалъ онъ, что выше превосходительство заняты въ эту минуту спеціально вопросомъ объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Это предметъ чрезвычайной важности съ точки зрѣнія утвержденія нашего господства въ томъ краѣ и еще болѣе въ западныхъ губерніяхъ. Сельское населеніе— наша единственная опора. Прочія сословія намъ открыто враждебны; они угнетаютъ крестьянъ и стараются возбудить ихъ противъ насъ. Я дѣлаю здѣсь все возможное дабы доставить сельскому населенію независимость и благосостояніе. Мнѣ кажется что я начинаю достигать желанной цѣли. Крестьяне это понимаютъ и почти вездѣ, въ шести ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ, * они, безъ различія вѣроисповѣданія, помогаютъ правительству въ подавленіи мятежа... Въ этомъ важномъ дѣлѣ мы должны идти рука въ руку. Что до меня по крайней мѣрѣ касается, я предлагаю вамъ мое искреннѣйшее

„8. Обезоруженіе произвести въ три дня.

„9. Очистить уѣзды отъ лицъ неблагонадежныхъ, помѣщиковъ, ксендзовъ и шляхты, и изобличенныхъ въ преступномъ содѣйствіи мятежу, арестовать и со свѣдѣніями объ ихъ дѣйствіяхъ предавать суду.

„10. Внушить помѣщикамъ и ихъ управляющимъ что въ чертѣ имѣній они строго отвѣтствуютъ за образованіе скопищъ и за содѣйствіе мятежу деньгами и припасами.

„11. Равно отвѣчаютъ за укрывательство въ имѣніяхъ бродягъ.

„12. Объявить всему латинскому духовенству что за возбужденіе населенія къ мятежу, члены его подвергаются всей строгости законовъ, безъ принятія отговорки *что были вынуждены*, ибо *служители алтаря еще меньше другихъ должны подчиняться силѣ угрозамъ.*

„13. Помѣщики, управители, настоятели монастырей и проч. должны немедленно доносить о всякихъ мятежническихъ дѣйствіяхъ въ ихъ чертѣ, подъ опасеніемъ строгаго суда, за чѣмъ строго тоже наблюдать и сельскимъ обществамъ. Военные же суды кончать безъ замедленія и приговоръ немедленно приводить въ исполненіе.

„14. На имѣнія всѣхъ содѣйствовавшихъ прямо или косвенно наложить секвестръ“.

* Кромѣ пяти губерній сѣверо-западныхъ Муравьеву была временно подчинена Августовская, нынѣшнія Сувалкская и Ломжинская.

содѣйствіе. Мы оба желаемъ одного и того же—соблюденія интересовъ Россіи; а потому я не сомнѣваюсь что самое различіе во взглядахъ нашихъ, которое могло бы обнаружиться, не только не повредитъ дѣлу, но напротивъ, послужитъ ему въ пользу."

Г. Леруа-Больё приводитъ письмо Муравьева in extenso— и это дѣлаетъ честь его безпристрастію, которое онъ „въ качествѣ иностранца считаетъ для себя тѣмъ болѣе священною обязанностью". Мы и не сомнѣваемся въ его искреннемъ желаніи быть безпристрастнымъ, но думаемъ, какъ уже и замѣтили однажды, что онъ въ своихъ воззрѣніяхъ и оцѣнкахъ придаетъ слишкомъ много значенія тѣмъ толкамъ которые слышалъ во время своего пребыванія въ Россіи о нашихъ дѣлахъ и о нашихъ публичныхъ дѣятеляхъ, а также газетнымъ о нихъ сужденіямъ. Такъ напримѣръ онъ выставляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ возраженія которыя были дѣлаемы противъ постановленія редакціонныхъ коммиссій при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Имперіи и всякое сопротивленіе предположеніямъ Милютина, всякое выраженное о немъ порицаніе прямо называетъ интригой. Это не доказываетъ трезвости взгляда г. Леруа-Больё. Правда, въ письмахъ Милютина слово „интрига" встрѣчается не рѣдко, но никто въ своемъ дѣлѣ не можетъ быть совершенно безпристрастнымъ судьей. Весьма вѣроятно и то что въ обществѣ и въ современной печати то же слово г. Леруа-Больё могъ слышать и встрѣчать очень часто. Но историкъ долженъ смотрѣть на людей и событія спокойнѣе, а слѣдовательно и разумнѣе чѣмъ современники. Притомъ русскій человѣкъ любитъ зубоскалить: это прирожденная нашему племени черта (имѣющая и хорошія и дурныя стороны), усматриваемая въ нашихъ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ и поговоркахъ; съ сороковыхъ же годовъ кастить свое и своихъ стало какъ бы обязательнымъ дѣломъ. Мы нисколько не удивились бы еслибы кто-нибудь у насъ нашелъ новое доказательство „русскаго бюрократизма" въ томъ что Милютинъ рылся въ бумагахъ въ вагонѣ ночью, ѣдучи въ Вильну. Подобное же значеніе имѣютъ и многія другія встрѣчающіяся у насъ оцѣнки. Неужели въ самомъ дѣлѣ ничего кромѣ своекорыстія и тупости не заключается во мнѣніи тѣхъ которые возражали противъ выработанныхъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ основаній Положенія 19 февраля? Неужели всякое

разномыслiе по предметамъ государственной важности можетъ быть результатомъ единственно интриги, эгоизма или рутины? А къ такимъ заключенiямъ часто проводитъ своего читателя г. Леруа-Больё. Этого не было бы еслибъ этотъ почтенный писатель вносилъ болѣе самостоятельности въ свои сужденiя и болѣе придавалъ значенiя непререкаемымъ документамъ чѣмъ общественнымъ сплетнямъ. Вотъ хоть напримѣръ Муравьевъ: такимъ ли представляется онъ въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ къ Милютину какимъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи изображаетъ его французскiй авторъ?

Милютинъ пробылъ у Муравьева съ 8 часовъ утра до 4 пополудни, а въ 5 часовъ возвратился къ нему. Всего же онъ пробылъ въ Вильнѣ три дня и не сожалѣлъ о томъ, хотя страшно дорожилъ временемъ, какъ писалъ онъ своей женѣ. „Наше свиданiе и всѣ наши объясненiя, писалъ ей Милютинъ, имѣли самый дружелюбный характеръ... Все что онъ (Муравьевъ) говорилъ мнѣ было очень разумно и полезно для меня. * Кромѣ яснаго пониманiя людей и явленiй, онъ имѣетъ дѣйствительно замѣчательныя административныя способности. Въ энергiи у него тоже нѣтъ недостатка... По его словамъ, въ продолженiе шести мѣсяцевъ было приведено въ исполненiе 48 смертныхъ приговоровъ. Если принять во вниманiе что эта строгость спасла сотни и тысячи невинныхъ жертвъ, то выходки заграничной печати покажутся странными“. Любопытна параллель которую Милютинъ проводитъ между впечатлѣнiями вынесенными имъ изъ виленскаго генералъ-губернаторскаго дворца и тѣми которыя онъ вынесъ изъ варшавскаго „за́мка“. „Графъ Бергъ (вступившiй незадолго предъ тѣмъ въ управленiе Царствомъ Польскимъ), писалъ Милютинъ изъ Варшавы, разсыпается въ любезностяхъ, но отъ него я не ожидаю серiознаго содѣйствiя... а здѣшнiе министры не внушаютъ мнѣ ни малѣйшаго довѣрiя. Между Вильной и Варшавой разница громадная. Въ Вильнѣ власть уже прочно установлена; она вѣритъ въ себя

---

* Можетъ-быть Муравьевъ подалъ Милютину мысль отнять у польскихъ помѣщиковъ право быть войтами (волостными старшинами) въ своихъ имѣнiяхъ и сдѣлать эту должность выборною (см. *Р. Стар.* 1882, № 11),—мысль заимствованная впрочемъ Муравьевымъ изъ Положенiя 19 фев. 1861.

и въ нее вѣрятъ. Между начальствующими и подчиненными образовалось, сколько могъ я замѣтить, полное единство стремленій и дѣйствій; словомъ, тамъ есть планъ отличающійся можетъ-быть чрезвычайною суровостью, но въ сущности разумный и который строго исполняется. Здѣсь я не успѣлъ еще открыть ничего подобнаго. Напротивъ, съ перваго шага здѣсь поражаетъ взаимное недовѣріе и разъединеніе властей... Никакого установившагося плана. Муравьевъ ясно понялъ что стычки съ повстанскими шайками не могутъ разрѣшить вопроса, что надо побѣдить и истребить мѣстную революціонную организацію, порвать нити этой подземной паутины. Для этого онъ противополставляетъ революціи свою военную и гражданскую организаціи, для этого же онъ старается возвысить народъ и изсушить денежные источники возстанія. * Онъ истинно радовалъ меня ясностью своихъ воззрѣній и даже ясностью своего изложенія въ данномъ вопросѣ, хотя, прибавляетъ Милютинъ (едва ли, впрочемъ, справедливо), по всѣмъ прочимъ общимъ вопросамъ отличается чрезвычайною шаткостью понятій. Здѣсь (въ Варшавѣ) напротивъ, замѣчаются признаки шляхетской тенденціи, а къ крестьянскому дѣлу нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія. Гражданскія власти, если не пособляютъ подъ рукой и косвенно возстанію, то сохраняютъ нейтралитетъ по отношенію къ нему, и всѣ повидимому къ этому привыкли."

Теперь, когда многое изъ событій 1863 и послѣдующихъ годовъ сдѣлалось извѣстно, нельзя не отдать справедливости вѣрной оцѣнкѣ Милютинымъ дѣлъ виленскихъ и варшавскихъ; а если принять во вниманіе что онъ пробылъ въ Вильнѣ всего три дня, а выше приведенныя слова его о характерѣ администраціи Царства Польскаго сдѣланы имъ послѣ перваго свиданія съ высшими представителями этой администраціи, то проницательность его, хотя безъ сомнѣнія облегченная предварительно собранными свѣдѣніями, по истинѣ изумительна.

Милютинъ пробылъ въ Варшавѣ безвыѣздно слишкомъ три недѣли, погруженный въ изученіе настоящаго положенія польскаго крестьянства и законодательства по этому предмету, очеркъ котораго и мы сдѣлаемъ здѣсь въ возможно сжатой формѣ.

---

* Установленіемъ штрафовъ и особыхъ налоговъ съ дворянской поземельной собственности.

Въ нынѣшнемъ Царствѣ („Коронѣ“) искони существовали два рода отношеній между землевладѣльцемъ и работникомъ. Въ силу одного, именовавшагося *волей*, отношенія эти были временныя, заключаемыя на срокъ, по истеченіи коего ломѣщикъ имѣлъ право вновь распологать по своему усмотрѣнію своими землями и строеніями; отношенія другаго рода, основанныя на *закупѣ*, были безсрочныя и предоставляли нанимателю въ неотъемлемое пользованіе землю и строенія. Въ обоихъ случаяхъ работники пользовались *сервитутами*, то-есть правомъ топлива изъ ломѣщичьихъ лѣсовъ, пастьбы на его земляхъ и т. д. * Закупъ, какъ видитъ русскій читатель, имѣлъ сходство съ нашими крѣпостными отношеніями; но замѣчательно что польскіе крестьяне предпочитали закупъ волѣ, а ломѣщики постоянно стремились уничтожить закупы и замѣнить ихъ волями. Польскіе крестьяне видѣли въ закупѣ все-таки нѣкоторое подобіе права на осѣдлость, а ломѣщики, напротивъ, стремились къ пользованію сданною въ пользованіе землей, арендная цѣна которой возрастала и которую они любили сдавать нѣмецкимъ выходцамъ. ** Очевидно при такихъ условіяхъ законъ 1807 года не облегчалъ положенія крестьянъ: они желали не столько гражданскихъ правъ сколько обезпеченія своего экономическаго положенія. Притомъ гражданскія права польскихъ крестьянъ были словомъ безо всякаго значенія въ странѣ, гдѣ и судъ и администрація находились исключительно и безусловно въ рукахъ шляхетства, гдѣ верховная власть, единственная въ другихъ странахъ защита бѣдныхъ и обездоленныхъ противъ олигархіи, не имѣла никакого

---

* Во всемъ касающемся польскаго крестьянства мы руководствовались Моллеромъ и Горемыкинымъ.

** Вотъ начало „мирнаго завоеванія“ Нѣмцами Польши, опасности весьма серіозной и постоянно возрастающей. По свидѣтельству г. Моллера, однажды при проѣздѣ чрезъ Плоцкую губернію Императоръ Николай принялъ изъ рукъ тамошняго губернатора записку о систематическомъ заселеніи этой губерніи Нѣмцами, вызываемыми крупными мѣстными землевладѣльцами. Поразительныя данныя приведенныя въ этой запискѣ подали Государю мысль, говоритъ нашъ авторъ, укрѣпить за польскими крестьянами тѣ земли которыми они пользуются, и вотъ основная мысль закона 26 мая 1846 года. Есть извѣстія что и „Галицкая рѣзня“ была однимъ изъ поводовъ къ изданію этого указа.

значенія, и гдѣ помѣщикъ былъ *войтомъ*, ближайшимъ правительственнымъ агентомъ въ предѣлахъ своей вотчины. Въ такомъ смыслѣ высказываются сами польскіе изслѣдователи, цитуемые авторомъ которымъ мы руководствуемся въ настоящемъ случаѣ. „Нѣкоторые собственники, говоритъ одинъ изъ нихъ, воспользовались статутомъ 1807 года чтобъ удалить крестьянъ (со своихъ земель), другіе— чтобъ обмѣнить земли (находившіяся въ пользованіи крестьянъ) и измѣнить повинности, а это привело къ конечному разрушенію самаго основанія крестьянской независимости". Множество крестьянскихъ земель было присоединено къ землямъ усадебнымъ; „болѣе половины польскихъ крестьянъ сдѣлались пролетаріями, лишенными крова, принужденными уплачивать разнаго рода работами за право жить въ лачугѣ или гдѣ-нибудь на чердакѣ, да за клочокъ огорода". Конечно, крестьянинъ могъ оставить своего помѣщика и обратиться къ другому, „но кромѣ матеріальныхъ затрудненій, при всякомъ перемѣщеніи, ему приходилось сталкиваться здѣсь съ солидарностью помѣщиковъ, съ ихъ постоянною коалиціей".

Первою серіозною попыткой улучшить положеніе польскаго крестьянина былъ законъ 26 мая 1846 года. Этимъ закономъ предоставлялось всякому крестьянину, нанимающему не менѣе трехъ морговъ ($1^1/_2$ десятины), безсрочно пользоваться этою землей, разумѣется за извѣстную повинность, размѣры которой были впрочемъ ограничены извѣстными условіями; а такъ какъ при тогдашнемъ полновластіи помѣщиковъ они могли иногда, обставляя себя законными формальностями, удалять подъ благовиднымъ предлогомъ крестьянъ со своихъ земель и присоединять послѣднія къ своимъ посѣвамъ и покосамъ, новый законъ воспрещалъ присоединять къ помѣщичьимъ владѣніямъ „пустки", то-есть земли находившіяся въ чертѣ крестьянскихъ владѣній, почему-либо временно оставленныя. И что же? Этотъ законъ, вызванный съ одной стороны заботой о польскомъ крестьянинѣ, а съ другой—заботой объ устраненіи „мирнаго завоеванія Польши Нѣмцами", законъ который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ вызванъ самими Поляками-помѣщиками для предупрежденія аграрныхъ убійствъ бывшихъ въ Галиціи, этотъ законъ былъ провозглашенъ польскими патріотами въ заграничной печати „тамерланизмомъ", а мѣстная администрація, можно сказать, оскопила его разными изъятіями, толкованіями, разнаго рода ухищреніями при его

примѣненіи. Онъ былъ примѣненъ серіознымъ образомъ только на казенныхъ земляхъ, относительно же земель помѣщичьихъ почти обратился въ мертвую букву... Но польскій крестьянинъ понялъ что единственный его защитникъ и покровитель есть „Найяснѣйшій Панъ“ и „Цесáржъ“ и что только отъ него хлопъ можетъ когда-нибудь получить право на жизнь осѣдлую и болѣе или менѣе обезпеченную. Съ этою надеждой онъ дожилъ до 1864 года и, говоря вообще, остался глухъ къ призывамъ принять участіе въ мятежѣ; но, какъ мы скоро увидимъ, онъ не оставался глухъ къ словамъ Милютина и его товарищей, когда они заговорили съ нимъ отъ имени „Найяснѣйшаго Пана“ и „Цесáржа“.

Девять лѣтъ послѣ помянутаго закона, именно 16 декабря 1858 года, послѣдовалъ указъ подтверждавшій основанія указа 1846 года и устанавливавшій нормы перевода (добровольнаго) барщины на оброкъ („очиншеванія“). Но это добровольное очиншеваніе совершалось туго; въ огромномъ большинствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ повинности продолжали отбываться натурой. Между тѣмъ послѣдовало освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землей. Варшавское Земледѣльческое Общество, которому, какъ мы уже знаемъ, было предоставлено выработать основанія для улучшенія быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, почувствовало что нельзя оставить безъ земельныхъ надѣловъ и польскихъ крестьянъ и внесло о томъ въ протоколъ общаго собранія 1861 года, но всю сложную и щекотливую операцію выкупа оно предполагало предоставить помѣщичьему классу. Притомъ Земледѣльческое Общество примкнуло, какъ мы знаемъ, къ уличному движенію и было закрыто еще при князѣ Горчаковѣ. Поэтому польскіе крестьяне оставались по прежнему арендаторами помѣщичьихъ земель и въ огромномъ большинствѣ отбывали арендную плату личнымъ трудомъ.

4 мая 1861 года, по иниціативѣ Велёпольскаго, послѣдовалъ указъ объ обязательной замѣнѣ барщины *окупомъ* или оброкомъ съ установленіемъ при томъ нормъ для этой замѣны весьма обременительныхъ для крестьянъ. Но польскіе крестьяне, говоритъ Моллеръ ссылаясь на официальные источники, въ это время знали уже въ главныхъ чертахъ сущность Положенія 19 февраля 1861 года и рѣшили между собою что „Цесáржъ“ сдѣлаетъ и для нихъ то же самое. Съ другой стороны, агенты красной партіи объявляли имъ что

„ржондъ народо́вый“ предоставляетъ имъ въ полную собственность обрабатываемую ими землю, а иные изъ числа этихъ агентовъ внушали что всякія обязательства ихъ въ отношеніи ломѣщиковъ прекращаются... Крестьяне и вѣрили всѣмъ этимъ своимъ пованіямъ и постороннимъ внушеніямъ, и боялись давать имъ вѣру; они плохо отбывали свои обязанности, отлынивали отъ нихъ, но дрожали не только предъ своимъ паномъ, но и предъ его экономомъ, арендаторомъ, офиціалистомъ, когда послѣдовала командировка въ Царство Польское Милютина.

Изучивъ, какъ сказано, во время своего пребыванія въ Варшавѣ исторію законодательства о польскихъ крестьянахъ и настоящее ихъ положеніе, Милютинъ, съ двумя неразлучными своими сотрудниками и съ нѣсколькими другими лицами, подъ прикрытіемъ военнаго конвоя, предпринялъ поѣздку по Царству съ тѣмъ чтобы лично ознакомиться съ бытомъ и настроеніемъ крестьянъ. Разумѣется, онъ не могъ объѣхать весь край, но посѣтилъ нѣсколько мѣстностей Варшавской и Петроковской губерній, а также сосѣднихъ съ Пруссіей и Австріей. Пользуясь Варшавско-Вѣнскою желѣзною дорогой, единственною въ то время, можно было въ короткое время посѣтить мѣстности довольно разнообразныя въ экономическомъ, бытовомъ и даже племенномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ; Милютинская коммиссія видѣла крестьянъ удѣльныхъ и оброчныхъ, сидящихъ на земляхъ казенныхъ, помѣщичьихъ и маіоратскихъ, видѣла Нѣмцевъ-колонистовъ, евангелическаго закона. Дѣйствительной серіозной опасности со стороны повстанцевъ она не подвергалась, подъ пулями не была, хотя въ двухъ мѣстахъ на пути ея слѣдованія были повстанцами разрушены мосты. Да и не приходила намъ, пишетъ г. Самаринъ, мысль объ опасности подъ прикрытіемъ этихъ славныхъ бодрыхъ войскъ, этихъ красавцевъ линейныхъ казаковъ „плавно несущихся на кавказскихъ иноходцахъ“, этой „неутомимой пѣхоты, почти не отстающей отъ кавалеріи“, при разудалыхъ солдатскихъ пѣсняхъ и заразительномъ солдатскомъ смѣхѣ. *

Пріѣхавъ въ какое-нибудь селеніе, коммиссія обыкновенно собирала сходку. „Въ первый еще разъ, писалъ Милютинъ отъ 25 октября, эти бѣдные Мазуры и Кракусы

---

* *Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго.*

встрѣчались лицомъ къ лицу съ представителями Государя, явившимися чтобы говорить съ ними объ ихъ нуждахъ и говорившими добродушно и съ сочувствіемъ. Ихъ довѣріе пріобрѣталось быстро, если не вездѣ, то въ большей части селеній. Во многихъ мѣстахъ лица радостно оживлялись, женщины плакали и цѣловали у насъ колѣна. Чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ болѣе усиливалось въ насъ убѣжденіе что съ помощью сотни честныхъ и разумныхъ людей (которыхъ однако не легко найти здѣсь, и во всякомъ случаѣ не между Поляками *) можно, на глазахъ шляхетско-латинской Польши, быстро поднять (возвысить) этотъ угнетенный народъ, который можетъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время сдѣлаться для насъ дѣйствительною точкой опоры.“ Обыкновенно, пишетъ Самаринъ. между крестьянами собранными коммиссіей на сходку, шныряли *офиціалисты* съ помѣщичьяго двора, экономы, лисаря, видимо за крестьянами присматривавшіе и присутствіе коихъ стѣсняло крестьянъ. Ихъ удаляли со сходки, и тогда языки крестьянъ развязывались и коммиссія узнавала о многихъ въ отношеніи ихъ злоупотребленіяхъ, которыя вообще подтверждаемы были послѣдующими разслѣдованіями. ** Оказывалось, между прочимъ, что законъ 1846 года вовсе не остановилъ обезземеленья крестьянъ, что помѣщики-войты безаппелляціонно самоуправствовали въ своихъ вотчинахъ-гминахъ, что передавая арендаторамъ и экономамъ (на основаніи закона) вмѣстѣ съ управленіемъ своихъ имѣній и свои административныя права, помѣщики насылали на эти имѣнія настоящихъ хищныхъ волковъ, которые вообще становились и агентами революціонной пропаганды въ данной мѣстности. Изъ крестьянскихъ показаній коммиссія узнала, между прочимъ, что вслѣдствіе ли слуховъ о происшедшей въ Имперіи крестьянской реформѣ, или вслѣдствіе аграрныхъ импровизацій революціоннаго правительства, польскіе крестьяне преисполнились неясныхъ, но свѣтлыхъ надеждъ, что они понемножку отлы-

---

* Милютинъ писалъ брату своему, военному министру, что по его убѣжденію между офицерами Варшавскаго военнаго округа можно найти людей для занятія административныхъ должностей,—мысль, получившая практическое примѣненіе.

** Много подтверждающихъ это фактовъ приведено въ изслѣдованіи Моллера и въ *Поѣздкѣ* Самарина.

нивають отъ исполненія повинностей относительно помѣщиковъ и что нѣкоторые „довудцы“ (начальники бандъ) нетолько положительно воспрещаютъ имъ работать на лановъ и платить имъ денежныя повинности, но даже заставляютъ помѣщиковъ возвращать крестьянамъ полученные въ послѣднее время чинши и окулы. Коммиссія узнала наконецъ изъ самыхъ первыхъ устъ что при началѣ вооруженнаго мятежа крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противодѣйствовали ему, задерживали повстанцевъ-помѣщиковъ и т. п., но что подвергшись за это жестокому мщенію со стороны мятежниковъ, а иногда и строгимъ взысканіямъ со стороны измѣнившихъ присягѣ гражданскихъ властей, они принуждены были держаться политики двуличной, политики наглядно выражавшейся въ *двойномъ гербѣ* красовавшемся во время повстанья надъ дверми Олькушской ратуши: когда въ городѣ было тихо, на дверяхъ ратуши красовался двуглавый орелъ, но какъ только вступала въ городъ банда повстанцевъ, доска переворачивалась и на ратушѣ красовался польскій гербъ.

Возвратясь въ Варшаву въ исходѣ октября, Милютинъ и его сотрудники занялись приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ ими замѣтокъ и составленіемъ изъ нихъ отчета. Этотъ отчетъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ началѣ ноября, а дней десять спустя они поѣхали туда и сами везя съ собою проектъ Положенія о польскихъ крестьянахъ. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ что и отчетъ и проектъ Положенія были составляемы и сохраняемы въ величайшей тайнѣ отъ графа Берга, ибо сочувствія имъ съ этой стороны нельзя было ожидать.

Вскорѣ послѣ Милютина возвратился въ Петербургъ изъ Ливадіи и Государь. Онъ выслушалъ подробный докладъ Милютина и одобрилъ его въ существѣ, но передалъ все представленное ему въ особый комитетъ для ближайшаго разсмотрѣнія. Этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, состоялъ изъ кн. В. А. Долгорукова, Чевкина, Зеленаго, Рейтерна, Валуева, Платонова *, Арцымовича **, Н. А. Милютина, князя Черкасскаго и Самарина.

---

* Ст.-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго.

** Будущаго члена Учредительнаго Комитета.

Назначеніе въ члены этого комитета, состоящаго изъ первенствующихъ чиновниковъ, г. Арцымовича, тогда еще не весьма виднаго юриста, а особенно Самарина и Черкасскаго, занимавшихъ въ служебной іерархіи скромный постъ мировыхъ посредниковъ, было дѣломъ совершенно новымъ и знаменательнымъ, подававшимъ добрыя надежды Милютину, ибо эти назначенія были сдѣланы по его представленію. Но его тревожило присутствіе князей Гагарина и Долгорукова, * да и двухъ-трехъ другихъ еще лицъ; болѣе всего онъ опасался князя Горчакова, который могъ быть приглашенъ въ этотъ комитетъ въ случаѣ надобности, и который, какъ полагалъ Милютинъ, могъ выставить возраженія съ точки зрѣнія международныхъ отношеній. По счастію, Государь за нѣсколько дней до открытія комитета, въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ его членовъ, счелъ нужнымъ выразить полное свое согласіе съ сущностью Милютинскаго проекта. „Оппозиція поражена этимъ, писалъ Милютинъ своимъ друзьямъ-сотрудникамъ, которые между тѣмъ отправились въ Москву, и просилъ ихъ поспѣшить своимъ возвращеніемъ. За то въ петербургскихъ офиціальныхъ сферахъ, а также петербургскіе „салонные либералы“, по выраженію Милютина, и русскіе тузы, издавна сочувствовавшіе польской аристократіи, дружно предавали Милютина анаѳемѣ. Но за него самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась московская печать, а за нею въ то время стояла, можно сказать, вся Россія; да и Государь положилъ, какъ мы видѣли, на вѣсы свое слово въ томъ же смыслѣ. При такихъ условіяхъ, Милютинъ могъ разчитывать что его проекты будутъ приняты.

Дѣйствительно, Положенія 19 февраля 1864 года о крестьянахъ въ Польшѣ и объ ихъ самоуправленіи прошли и получили утвержденіе согласно проектамъ Милютина и двухъ его друзей-сотрудниковъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить нашимъ читателямъ извѣстій о преніяхъ происходившихъ по этому поводу въ средѣ помянутаго комитета. Мы не находимъ объ этомъ никакихъ данныхъ въ статьѣ г. Леруа-Больё, да и вообще переписка которая послужила для нея главнымъ матеріаломъ какъ будто обрывается на этомъ, едва ли не важнѣйшемъ, моментѣ всей политической дѣятельности Милютина. Его участіе въ крестьянскомъ

* Его мѣсто въ комитетѣ вскорѣ занялъ графъ Панинъ.

янской реформѣ 1861 года велико и неоспоримо; оно дало ему право на выдающуюся и завидную роль въ исторіи Россіи. Но разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса роль его тогда и ограничилась. Напротивъ того, съ началомъ 1864 года, предъ нимъ открывалось поприще необъятное. Припомнимъ что Государь, посылая его въ Варшаву чтобы составить предположенія касательно улучшенія быта польскихъ крестьянъ, сказалъ ему: „Все управленіе въ Польшѣ не хорошо; надо заняться всѣмъ.“ А что эти слова слѣдуетъ понимать во всемъ широкомъ ихъ значеніи, видно изъ чрезвычайно любопытнаго письма Милютина къ Я. А. Соловьеву, одному изъ дѣятельныхъ членовъ бывшихъ редакціонныхъ коммиссій, при посылкѣ ему указа и документовъ о крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ. „Это, писалъ Милютинъ, первый шагъ на пути реформъ, которыя должны нынѣ получить широкое развитіе и коснуться всѣхъ частей администраціи — финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и суда.“ * Но Государь говорилъ только объ „управленіи“ и Милютинъ перечислялъ лишь различныя вѣдомства этого „управленія“; въ самомъ же дѣлѣ начинавшаяся реформа должна была коснуться самаго соціальнаго строя польской націи; въ этомъ отношеніи одни указы 19 февраля 1864 года ** были мѣрою такою глубокою, такою радикальною что едва ли кто-либо могъ въ то время съ точностью указать всѣ ея послѣдствія; не менѣе важенъ и тотъ соціальный рычагъ который называется народнымъ просвѣщеніемъ и который тоже попалъ въ руки Милютина. Онъ дѣйствуетъ медленно, но сила его чрезвычайно велика.

Вотъ въ какой грандіозной сферѣ призванъ былъ дѣйствовать Милютинъ и дѣйствовать не въ качествѣ одного изъ сотрудниковъ только, не какъ одинъ изъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, а какъ первенствующій дѣятель, какъ руководитель всего этого грандіознаго дѣла, долженствующаго, какъ писалъ онъ Соловьеву, „совершиться въ одномъ духѣ и въ виду ясно указанной цѣли“... И вотъ въ эту-то минуту обрывается или почти обрывается драгоцѣнная переписка

---

* Leroy-Beaulieu.

** 19 февраля 1864 послѣдовало собственно четыре указа, а именно: объ устройствѣ крестьянъ, объ устройствѣ сельскихъ гминъ, о ликвидаціонной коммиссіи (о выкупной операціи) и о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе крестьянской реформы.

которою пользовался г. Леруа-Больё! По крайней мѣрѣ онъ ссылается на нее очень рѣдко, начиная съ 1864 года.

Милютинъ, по словамъ его біографа, по обнародованіи указа о польскихъ крестьянахъ, отправился въ Варшаву для приведенія его въ исполненіе, но не имѣя никакого офиціальнаго полномочія и даже должности. Это правда, но лишь отчасти. Офиціальнаго положенія въ служебной іерархіи Царства Польскаго онъ не имѣлъ, да и не хотѣлъ имѣть. Графъ Бергъ предлагалъ ему званіе вице-президента Государственнаго Совѣта въ Варшавѣ, но онъ отклонилъ это предложеніе чтобы не быть въ какой бы то ни было зависимости отъ графа Берга. Оставаясь въ Варшавѣ, онъ былъ бы парализованъ въ своихъ дѣйствіяхъ и вѣроятно забытъ въ Петербургѣ по истеченіи нѣкотораго времени. Онъ устроилъ нѣчто лучшее и для себя и для дѣла. Онъ являлся въ Варшаву въ качествѣ не аматёра, какъ можно подумать на основаніи словъ г. Леруа-Больё, а статсъ-секретаря Государева, командируемаго „для особыхъ, Высочайше возложенныхъ порученій“; * возвратясь же въ Петербургъ, онъ естественно становился докладчикомъ Государя по предмету реформъ въ Царствѣ Польскомъ и такимъ образомъ въ состояніи былъ парализовать вліяніе статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго Платонова, съ которымъ расходился во взглядахъ на тамошнія дѣла (и котораго онъ замѣстилъ въ 1866 году). Онъ занялъ такое положеніе что могъ въ значительной степени парализовать и вліяніе самого намѣстника. Можно думать что гр. Бергъ, какъ человѣкъ весьма ловкій, предлагая Милютину занять почетное мѣсто въ варшавскомъ Государственномъ Совѣтѣ, имѣлъ въ виду не столько воспользоваться его дарованіями, сколько поставить ему ловушку. Но Милютинъ, какъ оказалось, былъ еще ловче чѣмъ графъ Бергъ.

При намѣстникѣ состоялъ совѣтъ управленія, наполненный людьми такихъ же воззрѣній какъ и самъ намѣстникъ. Въ рукахъ такимъ образомъ организованной исполнительной власти крестьянская и другія реформы неизбѣжно получили бы неправильное, одностороннее, не согласное съ видами законодателя развитіе. А потому Милютинъ постарался и успѣлъ создать другой исполнительный органъ, Учредительный Коми-

---

* *Постановл. учред. комитета,* засѣданіе первое 14 марта 1864.

тетъ, состоявшій тоже при намѣстникѣ и подъ его предсѣдательствомъ, но въ личномъ составѣ котораго преобладали единомышленники Милютина. Этотъ комитетъ былъ учрежденъ одновременно съ первымъ актомъ по части реформъ. Въ указѣ 19 февраля 1864 года „о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій" первое мѣсто предоставлено Учредительному Комитету. На него возлагалось не только *исполненіе* въ строгомъ значеніи этого слова, но и „развитіе указовъ 19 февраля изданіемъ инструкцій, правилъ и т. п.; и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и сомнѣній могущихъ возникать при ихъ примѣненіи". Милютинъ самъ былъ членомъ этого Комитета и принималъ участіе въ нѣсколькихъ первыхъ его засѣданіяхъ, а также и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, когда наѣзжалъ въ Варшаву. Въ этомъ Комитетѣ занялъ мѣсто и,—благодаря своимъ способностямъ, дѣятельности и энергіи, мѣсто первенствующее,—alter ego Милютина, князь Черкасскій. Старый дѣятельный членъ редакціонныхъ коммиссій Соловьевъ, о которомъ только-что здѣсь упомянуто, тоже былъ назначенъ въ Учредительный Комитетъ. Остальные сочлены ихъ, впрочемъ болѣе или менѣе имъ сочувствовавшіе, подчинялись вліянію этихъ энергическихъ дѣятелей, которыхъ притомъ, какъ было не безъизвѣстно, поддерживалъ Милютинъ всѣмъ своимъ авторитетомъ.

Благодаря всему этому, Учредительный Комитетъ пріобрѣлъ громадное значеніе. Мало-по-малу въ его руки перешла вся исполнительная, точнѣе, вся распорядительная власть по всѣмъ частямъ управленія. Не намѣстникъ, а Комитетъ составлялъ инструкціи коммиссарамъ и другимъ лицамъ, непосредственно вводившимъ новое Положеніе о крестьянахъ; не намѣстникъ, а Комитетъ распредѣлялъ районы дѣйствія крестьянскихъ коммиссій, распоряжался личнымъ ихъ составомъ, назначалъ имъ оклады; не намѣстнику, а Комитету представляемы были отчеты о ходѣ крестьянской реформы. Комитетъ давалъ наставленія относительно выкупной операціи, руководилъ ею и наконецъ указалъ намѣстнику лицо которое, по его мнѣнію, желательно было бы поставить во главѣ этой операціи. Но крестьянскою реформой не ограничилась компетенція Учредительнаго Комитета. Отчасти потому что всѣ реформы болѣе или менѣе соприкасались съ крестьянскою, отчасти вслѣдствіе сепаратныхъ Высочайшихъ пове-

лѣній, отчасти, наконецъ, потому что намѣстникъ, представитель полновластнаго и самодержавнаго монарха, превратился въ это время въ предсѣдателя Учредительнаго Комитета, предсѣдателя довольно покладливаго повидимому,—этотъ Комитетъ сдѣлался центральнымъ въ Царствѣ Польскомъ органомъ верховной власти. На него нерѣдко возлагалось составленіе законопроектовъ или по крайней мѣрѣ соображеній, которыя въ Петербургѣ принимаемы были въ основаніе для законодательныхъ актовъ. Ему иногда предоставлялось дѣлать нѣкоторыя отступленія отъ смысла и буквы указовъ Такъ, напримѣръ, при препровожденіи къ исполненію первыхъ указовъ касательно учебной реформы, ему поручалось „подвергнуть подробному пересмотру“ всѣ неотмѣненныя новымъ учебнымъ уставомъ статьи устава 1862 года и всѣ циркуляры Велёпольскаго „съ цѣлью согласовать оныя съ новымъ положеніемъ сей части и отмѣнить все то что̀ не соотвѣтствуетъ вводимымъ тамъ въ дѣйствіе постановленіямъ“. Ему же разрѣшалось „не стѣсняясь“ такими-то статьями указа о начальныхъ училищахъ, опредѣлявшими какую долю расходовъ на ихъ содержаніе принимаетъ на себя казна, выдавать изъ казенныхъ источниковъ всю сумму потребную на содержаніе училищъ для русско-уніятскаго населенія, лишь бы онѣ открывались скорѣе.

Разумѣется, всѣ подобныя высочайшія повелѣнія писались по адресу намѣстника; но графъ Бергъ не дѣлалъ по нимъ распоряженій единолично, а слѣшилъ объявить ихъ въ средѣ Учредительнаго Комитета. Не безъ горькаго, вѣроятно, чувства, но съ полнѣйшею résignation (выраженіе непереводимое) гр. Бергъ дѣлился своею властью съ Комитетомъ въ сферѣ даже военно-полицейскаго управленія, безраздѣльно казалось бы долженствовавшей подчиняться ему. Онъ понималъ что бороться съ Милютинымъ теперь ему не подъ силу. Звѣзда Милютина поднималась въ Петербургѣ все выше и выше: въ отношеніи варшавскаго намѣстника онъ уже позволялъ себѣ дѣйствовать наступательно. Разсматривая теченіе дѣлъ по высочайшимъ повелѣніямъ прежняго времени, еще не получившимъ окончательнаго исполненія, и найдя что давно уже подготовлявшаяся въ Варшавской комиссіи юстиціи судебная реформа не подвигается, онъ исхо-

датайствовалъ чтобы приведеніе ея къ концу было поручено Учредительному Комитету.*

Такимъ образомъ, распорядительная власть Учредительнаго Комитета расширялась, да и чисто исполнительные органы мало-по-малу ускользали изъ рукъ намѣстника; министры, назначенные по представленіямъ графа Берга и его предмѣстниковъ, оставляли одинъ за другимъ свои портфели, которые переходили въ руки людей рекомендованныхъ Милютинымъ. Сколько извѣстно, только директоръ коммиссіи народнаго просвѣщенія былъ въ эпоху реформы назначенъ по представленію графа Берга; но и онъ подчинился вліянію „Милютинской партіи“ или усвоилъ ея воззрѣнія. Замѣтимъ здѣсь кстати что его вѣдомство осталось вѣрно традиціямъ 1864 года и тогда, какъ съ удаленіемъ отъ дѣлъ Милютина, князя Черкасскаго и другихъ ихъ сотрудниковъ, система Учредительнаго Комитета значительно видоизмѣнилась и когда самый Комитетъ пересталъ существовать.

—

Крестьянская реформа 1864 года произведена была на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ какъ и крестьянская реформа 1861 года, съ нѣкоторыми однако важными измѣненіями. Польскіе крестьяне, такъ же какъ и русскіе, получили въ собственность тѣ участки коими дотолѣ пользовались, но нормы относительно величины этихъ участковъ не было установлено; правительство уплатило за эти участки прежнимъ ихъ владѣльцамъ процентными бумагами, но представляемая этими бумагами сумма погашалась сборами, которые производило правительство не съ однихъ только получившихъ надѣлы крестьянъ, а со всего Царства. Сельскія гмины (волости) получили самоуправленіе, но общинное землевладѣніе не было допущено въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ оно тамъ не существовало и прежде. За то тамъ были сохранены *сервитуты*, то-есть издавна существовавшія права крестьянъ на пользованіе топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, на пастьбу въ помѣщичьихъ владѣніяхъ и т. п., права которыя могли впрочемъ быть устранены по взаимному соглашенію. Со своей стороны, отсутствіе общиннаго начала устраняло ту стѣну которая стоитъ у

* См. обо всемъ этомъ *Постановленія Учредительнаго Комитета* вообще, особенно же засѣданія 20 сентября, 7, 13 и 30 ноября 1864, 5, 7 и 10 іюля, 14 августа и 18 сентября 1865 года.

насъ между личнымъ землевладѣніемъ и владѣніемъ общиннымъ, между русскимъ помѣщикомъ и русскимъ крестьянскимъ міромъ. А это въ свою очередь стало причиной того что польскихъ помѣщиковъ пришлось включить въ польскую волость (гмину), слѣдовательно допустить на волостной сходъ и допустить ихъ избраніе въ члены волостнаго управленія. Такое допущеніе дворянъ въ крестьянскую среду, сколько извѣстно, было не согласно съ воззрѣніями Милютина и его друзей, заявлявшихъ еще въ средѣ редакціонныхъ коммиссій мнѣніе что необходимо поставить крестьянское самоуправленіе въ положеніе недоступное постороннимъ вліяніямъ. Очевидно, эти постороннія вліянія еще болѣе желательно было съ точки зрѣнія Милютинской партіи устранить въ Царствѣ Польскомъ, да это было желательно и съ точки зрѣнія вообще русской политики по причинамъ которыя объяснять было бы излишне. Какъ же быть однако? Милютинъ обошелъ это затрудненіе поставивъ между помѣщикомъ и крестьянскимъ самоуправленіемъ коммиссара (мироваго посредника), обязанностью коего было блюсти крестьянскіе интересы, быть органомъ милости къ нимъ „Напаснѣйшаго Пана“ и въ этомъ качествѣ до нѣкоторой степени руководить крестьянскимъ самоуправленіемъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить что одною изъ характеристическихъ чертъ Милютина было то что онъ придавалъ особое значеніе исполнительной власти и ея органамъ. Какъ человѣкъ практическій и притомъ опытный дѣлецъ, онъ зналъ что наилучшій законъ тогда только принесетъ всю ожидаемую отъ него пользу когда примѣненіе его будетъ поручено людямъ умнымъ, честнымъ, энергичнымъ и, главное, глубоко убѣжденнымъ въ достоинствахъ проводимой ими мѣры. Вотъ почему, думаемъ мы, Милютинъ скорбѣлъ что вводить въ жизнь крестьянское Положеніе 1861 года, надъ которымъ такъ много и съ такою любовью потрудился онъ, досталось людямъ иныхъ взглядовъ, и вотъ также почему онъ озаботился чтобы въ Царствѣ Польскомъ по крайней мѣрѣ исполненіе реформы 1864 года не выскользнуло изъ рукъ людей которые выработали эту реформу. На Учредительный Комитетъ, какъ сказано, возложено было приведеніе въ исполненіе крестьянской реформы, но независимо того, одинъ изъ членовъ этого Комитета, Соловьевъ, былъ сдѣланъ непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянскихъ

учрежденій, а на Соловьева въ этомъ дѣлѣ Милютинъ могъ положиться. Что же касается коммиссаровъ и предсѣдателей губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ коммиссій, то мы скоро увидимъ какъ занялся Милютинъ ихъ подготовкой къ своимъ обязанностямъ, можно сказать ихъ воспитаніемъ.

Въ началѣ марта 1864 года Милютинъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкаскимъ, отправился въ Варшаву. „Бездна заботъ! писалъ онъ тотчасъ по прибытіи туда женѣ своей. Приходится все устраивать и всё учреждать, распредѣлять работу... Сегодня ни минуты не оставался одинъ. Въ Вильнѣ я провелъ цѣлый день съ Муравьевымъ и его чиновниками. Наши объясненія были спокойны, и мы разстались въ совершенномъ согласіи. Здѣсь (въ Варшавѣ) власти встрѣтили меня на станціи съ особою для меня каретой. Размѣстивъ наскоро моихъ спутниковъ въ Брюлевскомъ дворцѣ, я тотчасъ же отправился къ графу Бергу, который ждалъ меня къ обѣду. Объявленіе указа совершилось какъ нельзя лучше. Полученныя о крестьянахъ свѣдѣнія превосходны. Помѣщики, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, взбѣшены; но, говорятъ, ихъ очень занимаетъ вопросъ о вознагражденіи которое имѣютъ они получить отъ правительства, и это заставляетъ ихъ сидѣть смирно... Все это даетъ поводъ графу Бергу видѣть положеніе дѣлъ въ розовомъ цвѣтѣ, благодаря чему наши совѣщанія были очень дружелюбны. Нельзя однако надѣяться чтобы все обошлось совершенно спокойно.“ * „Черкаскій, писалъ Милютинъ два дня спустя, поглощенъ своимъ *вводомъ во владѣніе;* и точно, его задача не легка, *онъ еще какъ въ лѣсу*, ему приходится знакомиться съ людьми и дѣлами. Вчера ему представлялись его чиновники, и онъ сказалъ имъ рѣчь *по-русски*“... Послѣднее слово Милютинъ подчеркнулъ: такъ ново было чтобы лица состоящія на государственной службѣ въ Варшавѣ объяснялись между собою по-русски даже въ сферѣ своихъ официальныхъ сношеній.

Предоставивъ князю Черкаскому дѣйствовать въ предѣлахъ своего вѣдомства съ полною свободой, поколику не стѣснялъ ее намѣстникъ, Милютинъ въ ожиданіи прибытія Соловьева занялся организаціей крестьянскихъ учрежденій. Ему было нужно до 150 коммиссаровъ и предсѣдателей

---

* Отчеты о ходѣ реформы доказываютъ что Милютинъ былъ правъ. См. *Постановленія Учр. Ком.*

губернскихъ коммиссій. Откуда взять ихъ? Содержаніе которое было назначено тѣмъ и другимъ было не ничтожно, но и не таково чтобы привлекать людей изъ внутреннихъ губерній въ эту отдаленную и тогда далеко еще не успокоенную окраину, гдѣ притомъ имъ приходилось жить въ маленькихъ, жидовскихъ городишкахъ, безпрестанно таскаться по лѣсамъ и болотамъ, ночевать въ корчмахъ, разрѣшать затруднительные, запутанные вопросы очень часто на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, незнакомыхъ, а иногда и неудобопонятныхъ для пріѣзжаго. Для всего этого нужны были нѣкоторая подготовка, неутомимая дѣятельность, почти спартанское равнодушіе къ удобствамъ жизни и, что̀ едва ли не всего важнѣе, *честность*, но честность не вульгарная, не та только которая отказывается отъ взятокъ, а которая въ состояніи противостоять и ласкательствамъ и женскимъ соблазнамъ... Но Россія переживала въ это время одинъ изъ тѣхъ великихъ историческихъ моментовъ, одно изъ тѣхъ увлеченій возвышеннаго энтузіазма, когда все кажется возможнымъ и когда дѣйствительно почти всевозможно, а Н. А. Милютинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вождями общественнаго мнѣнія, былъ въ это время чѣмъ-то въ родѣ Валленштейнова знамени. Нашлись люди для которыхъ достаточно было словъ: „Милютинъ зоветъ, Милютину нужны люди“, чтобы съ полною готовностью и безо всякихъ условій откликнуться на этотъ призывъ. Многіе отдали себя въ его распоряженіе изъ побужденій сознательнаго патріотизма; пріѣхало къ нему нѣсколько мировыхъ посредниковъ „перваго набора“, недовольныхъ направленіемъ которое принимала у насъ крестьянская реформа, явилось и нѣсколько помѣщиковъ не могшихъ сладить у себя съ хозяйствомъ основаннымъ на свободномъ трудѣ, требовавшемъ капитала. Но все-таки бо́льшую часть коммиссаровъ пришлось Милютину набирать изъ войскъ расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ и въ которыхъ офицеры къ веснѣ 1864 года становились менѣе нужны, такъ какъ вооруженное возстаніе было почти совершенно подавлено.

Послѣдняя категорія этихъ новобранцевъ, военные офицеры, не имѣли вообще никакого понятія объ ожидавшихъ ихъ обязанностяхъ; бывшіе мировые посредники и помѣщики были, разумѣется, подготовлены гораздо болѣе, но и они не знали мѣстныхъ условій, той исторической почвы на которой

образовались взаимныя отношенія польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Наконецъ, во всѣхъ, или почти всѣхъ, новобранцахъ надо было вселить ту преданность идеѣ, служить которой они призывались, тотъ духъ миссіонерства безъ котораго немыслимы хорошіе исполнители вообще, а въ настоящемъ случаѣ и тѣмъ паче. Поэтому Милютину пришлось самому заняться со всею этою компаніей прежде чѣмъ отправлять ее по назначенію. Съ этою цѣлью, говоритъ г. Леруа-Больё, Милютинъ постоянно приглашалъ къ себѣ по нѣсколько человѣкъ обѣдать и объяснялъ имъ обязанности коммиссаровъ и особенности быта польскихъ крестьянъ и ихъ отношеній къ помѣщикамъ, духовенству и правительству; онъ объяснялъ также и великое историческое значеніе крестьянской реформы; становясь на общеславянскую точку зрѣнія, онъ говорилъ, какъ свидѣтельствуетъ его біографъ, что „гдѣ водворенъ крестьянинъ на принадлежащемъ ему участкѣ, тамъ поставленъ пограничный (?) столбъ славянства.“ И такіе горячо сказанныя слова, замѣчаетъ г. Леруа-Больё, принимаемы были съ увлеченіемъ, наполняли сердца энтузіазмомъ; молодые коммиссары начинали смотрѣть на себя какъ на нѣкотораго рода апостоловъ... Но новобранцевъ набиралось все больше и больше съ каждымъ днемъ; чтобы сажать ихъ всѣхъ ежедневно за свой обѣденный столъ не доставало походнаго хозяйства Милютина, да можетъ-быть и денежныхъ его средствъ. „Съ будущаго вторника, писалъ онъ 15 марта, я предполагаю открыть у себя родъ публичныхъ курсовъ о крестьянскомъ дѣлѣ для моихъ импровизованныхъ политиковъ. Мнѣ хотѣлось бы подготовить ихъ къ концу недѣли, съ тѣмъ чтобъ отправить этотъ первый отрядъ во всѣ четыре конца Царства.“ Дѣйствительно, скоро потомъ шестьдесятъ новоиспеченныхъ коммиссаровъ выѣхали изъ Варшавы. „Утромъ, писалъ Милютинъ, мы всѣ были въ соборѣ; служеніе совершалъ самъ архіерей и благословилъ нашу молодежь. Въ половинѣ втораго у меня былъ для отъѣзжающихъ дорожный завтракъ и затѣмъ, послѣ соотвѣтственныхъ случаю наставленій и пожеланій, мы распрощались, и наши *молодые миссіонеры* отправились на всѣ четыре стороны, снабженные печатными и письменными инструкціями, со своими пожитками и припасами, нѣкоторые со своими женами, другіе въ сопровожденіи друзей и всѣ подъ охраной военнаго конвоя. Дай Боже имъ достаточно ума и твердости чтобъ осилить интриги шляхты и апатію крестьянства!“

Желанія Милютина сбылись, благословеніе архіепископа Варшавскаго было не безплодно. Какъ первый отрядъ коммиссаровъ, такъ и остальные назначенные въ 1864 году, оказались вообще на высотѣ своего призванія; они доказали Полякамъ что изъ числа русскихъ чиновниковъ можетъ организоваться цѣлая корпорація людей которыхъ нельзя подкупить ни золотомъ, ни лестью, ни женскими улыбками и слезами, людей преданныхъ долгу, служащихъ идеѣ. Благодаря такимъ качествамъ избранныхъ и сформированныхъ Милютинымъ чиновниковъ, крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ пошла успѣшно съ перваго шага. Въ затруднительныхъ случаяхъ коммиссары совѣтовались между собою или съѣзжались къ предсѣдателю губернской коммиссіи. Наконецъ они имѣли всегда открытый доступъ къ своему высшему начальнику, Соловьеву, а также къ Черкасскому, сдѣлавшемуся какъ бы главой „министерства“ Царства Польскаго. Оба эти сановника умѣли быть не только вполнѣ доступными для своихъ подчиненныхъ, но простыми, почти фамильярными съ ними, ни мало не роняя при этомъ своего авторитета; они готовы были во всякое время помочь имъ совѣтомъ, разъясненіемъ, даже извинить ошибку, если только она была не холодностію, а тѣмъ болѣе не измѣной дѣлу, общему тогда и священному въ глазахъ всѣхъ добрыхъ Русскихъ.

—

Реформы начавшіяся Положеніемъ 19 февраля 1864 года обняли, какъ извѣстно, всѣ части управленія въ Царствѣ Польскомъ и даже измѣнили въ немъ самый соціальный строй. Мы не будемъ однако разсматривать всѣ эти реформы и слѣдить за ними въ сферѣ финансовъ, юстиціи и пр., отчасти потому что не всѣ эти реформы были одинаково глубоки и радикальны, а отчасти потому что не располагаемъ всѣми нужными документами. Такими документами слѣдуетъ прежде всего считать обширные доклады, которые вмѣстѣ съ законопроектами вносилъ Милютинъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и въ которыхъ подробно излагались поводы предполагаемыхъ реформъ, цѣль которой желательно было достигнуть, нужныя для соображеній статистическія данныя, а иногда и историческій очеркъ предназначаемаго къ преобразованію учрежденія. Такіе доклады были, по словамъ компетентныхъ лицъ, представлены Милютинымъ по всѣмъ частямъ, коихъ коснулась его рефор-

маторская дѣятельность. Къ сожалѣнію, они не извлечены еще изъ архивовъ и почему-то изо всѣхъ этихъ докладовъ обращается (въ весьма не большомъ числѣ экземпляровъ) одинъ только обширный докладъ по учебной реформѣ, съ которымъ мы здѣсь и ознакомимся. Мы ознакомимся здѣсь также съ реформой по части управленія католическимъ духовенствомъ на основаніи офиціальныхъ документовъ напечатанныхъ во время реформаторской дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ Н. А. Милютина.

Начнемъ съ перваго изъ названныхъ документовъ. Для изученія вопроса о народномъ просвѣщеніи въ Царствѣ Польскомъ вызванъ былъ Милютинымъ извѣстный славистъ А. Ѳ. Гильфердингъ. Онъ собиралъ всѣ нужныя данныя, изучалъ исторію учебнаго дѣла, учебныя программы, организацію учебныхъ заведеній; можетъ-быть, какъ полагаютъ нѣкоторые современники Милютинскихъ реформъ, Гильфердингъ писалъ и новые уставы учебныхъ заведеній и тѣ объяснительныя записки въ коихъ излагалось чѣмъ именно вызвана была предполагаемая реформа, и какія задачи она имѣла въ виду, но во всемъ этомъ вліяніе Милютина безспорно было преобладающимъ: не даромъ же писалъ онъ Соловьеву * что всѣ задуманныя реформы „должны быть проникнуты однимъ духомъ, совершиться въ виду ясно сознанной цѣли.“ Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ говорить объ учебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ какъ о дѣлѣ Милютина, къ чему и приступаемъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Есть двѣ Записки Милютина объ учебной реформѣ **, два важнѣйшіе по этому предмету документа, въ которыхъ раскрыты соображенія имъ руководившія и цѣли которыя онъ преслѣдовалъ. Первый изъ этихъ документовъ есть *Краткая всеподданнѣйшая записка*, *** при которой Милютинъ представлялъ Государю всѣ свои соображенія и законопроекты. „Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, — такъ начинается эта Записка, — возникаетъ

---

* Въ письмѣ, на которое мы уже ссылались, отъ 23 марта 1864 года.

** Онѣ вмѣстѣ съ другими документами будутъ приложены къ статьѣ по ея окончаніи въ слѣдующей книжкѣ *Русск. Вѣстн.*

*** Эта, равно какъ и другая записка помѣчены 22 мая 1864 года.

настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное образованіе между тамошними крестьянами. Безъ этого они не могутъ воспользоваться благодѣяніями новаго устройства, и самая будущность общественнаго управленія, столь необходимая для спокойствія края, представляется мало обезпеченною.“ Отъ огульной руссификаціи Царства Польскаго, Милютинъ отказывался, но онъ не хотѣлъ допустить и того чтобы различныя этнографическія особи входящія въ составъ мѣстнаго населенія, были насильственно полонизуемы путемъ общественнаго воспитанія, къ чему былъ направленъ составленный подъ вліяніемъ маркиза Велёпольскаго учебный уставъ 1862 года. Таковъ былъ основной мотивъ обширнаго проекта общественнаго воспитанія въ Царствѣ Польскомъ, обнимавшій всѣ роды и всѣ степени учебныхъ заведеній отъ сельской школы до университета включительно. Всякія политическія цѣли соединенныя съ общественнымъ воспитаніемъ Милютинъ отрицалъ, а выставлялъ на видъ исключительно образовательныя и научныя цѣли. Стремясь къ распространенію и правильной постановкѣ элементарныхъ школъ съ изъятіемъ ихъ изъ подъ вліянія духовенства и шляхетства и съ подчиненіемъ ихъ правительственному контролю, Милютинъ имѣлъ въ виду пользу „возрождающагося крестьянскаго сословія въ Польшѣ“, надѣясь конечно найти въ немъ опору для Русскаго правительства; но онъ разчитывалъ на этого союзника не для враждебныхъ краю цѣлей, а для того чтобы вмѣсто „шляхетской націи“, какъ выразился Милютинъ въ вышеломянутомъ письмѣ къ Соловьеву, „на сцену выступилъ неизвѣстный еще въ исторіи Польши актеръ-*народъ*“. Что же касается среднихъ и высшихъ школъ, то Милютинъ, убѣдясь изо всего прошлаго „какой обширный просторъ открываетъ для революціонной пропаганды то поверхностное, энциклопедическое ученіе“, которое производилось въ ломянутыхъ школахъ, становился въ этомъ отношеніи на чисто педагогическую точку зрѣнія и выражалъ желаніе „направить умственную дѣятельность молодаго поколѣнія къ плодотворному умственному труду“. Эта мысль, безусловно вѣрная вообще, имѣла особую важность въ отношеніи польской національности. „Въ Полякахъ, говоритъ Милютинъ во второй изъ ломянутыхъ записокъ, вообще всего болѣе недостаетъ критическаго направленія ума и той самостоятельности

мысли которая необходима чтобы противустоять фантастическимъ увлеченіямъ и одностороннему вліянію общественной среды."

Другая подробная Записка начинается историческимъ обзоромъ и характеристикой общественнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ. Оно, по словамъ Милютина, постоянно отличалось тенденціозностью, было не цѣлію, а средствомъ для извѣстныхъ политическихъ цѣлей: во времена Паскевича имѣлось де въ виду „воспользоваться общественнымъ образованіемъ какъ средствомъ для упроченія въ Царствѣ законной власти и для возможнаго сліянія двухъ народностей:—русской и польской",—а до 1831 года и потомъ, въ эпоху могущество маркиза Велёпольскаго, къ тому „чтобъ устранить всякое вліяніе Россіи на Польшу". Въ прежней учебной системѣ, говоритъ Милютинъ, управленіе училищами было сильно централизовано; напротивъ того, въ уставѣ 1862 года, составленномъ подъ вліяніемъ маркиза Велёпольскаго, „децентрализація доведена до крайности не виданной ни въ какомъ государствѣ гдѣ народное образованіе находится въ завѣдываніи правительства. Преподаваніе постоянно вяѣ всякаго правительственнаго контроля", а „при господствующемъ въ Полякахъ настроеніи можно понять все политическое значеніе такой системы". Для того же чтобъ она поскорѣе и какъ можно полнѣе получила примѣненіе, главное мѣстное учебное начальство уволило „въ 1862 году 49 * учителей и рѣшилось перемѣнить всѣхъ остальныхъ дабы порвать прежнія ихъ связи и привычки, какъ объяснено въ отчетѣ коммиссіи (духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) за тотъ годъ". Желаніе уничтожить и самый слѣдъ системы временъ Паскевича было такъ сильно что многимъ изъ перемѣщенныхъ такимъ образомъ учителей было поручено преподаваніе предметовъ совершенно имъ чуждыхъ. „Есть примѣры училищъ гдѣ на человѣка преподававшаго всю жизнь свою русскій языкъ теперь возложены уроки латинскаго языка, а русскій не преподается подъ предлогомъ неимѣнія учителя".

Милютинъ приводитъ много и другихъ еще доказательствъ стремленія маркиза Велёпольскаго порвать всякую связь съ прошлымъ, замести самые слѣды той системы обществен-

---

* По большей части Русскихъ.

наго воспитанія которая имѣла цѣлью „упроченіе законной власти и возможное сближеніе двухъ народностей“. Съ другой стороны, уставъ 1862 года стремится „распространить господство польской національности“... „Выходя изъ принци„ла что всѣ жители Царства Польскаго должны быть или „сдѣлаться польскими гражданами законодательство 1862 года „однимъ почеркомъ пера уничтожило все то чѣмъ мы въ „прежнее время старались удовлетворить правамъ прочихъ „племенъ въ Польшѣ и ослабить въ самихъ Полякахъ ихъ „національную исключительность. Въ прежней системѣ въ „элементарныхъ школахъ учили дѣтей ихъ природному язы„ку; по уставу 1862 года польскій языкъ признанъ исключи„тельнымъ языкомъ преподаванія во всѣхъ начальныхъ учи„лищахъ Царства. Чтобъ ускорить чрезъ это полонизацію „Нѣмцевъ, Русскихъ и другихъ иноплеменныхъ жителей края, „въ составленномъ проектѣ предложено было сдѣлать по„сѣщеніе элементарныхъ школъ обязательнымъ, подъ опасе„ніемъ денежнаго штрафа и полицейскаго ареста для родите„лей. Это единственное изъ существенныхъ предположеній „польскаго законодателя которое было отвергнуто при окон„чательномъ разсмотрѣніи проекта. Въ среднихъ учебныхъ „заведеніяхъ прежняя система для противодѣйствія націо„нальной исключительности Поляковъ и сближенія ихъ съ „нами соединяла преподаваніе исторіи Польши съ русскою „исторіей и дѣлала русскій языкъ, въ совокупности съ язы„комъ церковно-славянскимъ, однимъ изъ главныхъ предме„товъ каждаго курса. По уставу 1862 года, исторія Польши „преподается какъ отдѣльный предметъ, а русская исторія „излагается въ общемъ курсѣ всемірной исторіи, гдѣ она, по „польскимъ учебникамъ, занимаетъ конечно весьма невидное „и незавидное мѣсто. Русскій языкъ поставленъ наравнѣ съ „языками иностранными (французскимъ и нѣмецкимъ) если „не въ самомъ уставѣ, то въ практическомъ его примѣненіи „правительственною коммиссіей, а церковно-славянскій языкъ „вовсе исключенъ. Законъ Божій для воспитанниковъ право„славнаго исповѣданія причисленъ коммиссіей къ предметамъ „сверхштатнымъ, съ назначеніемъ на этотъ предметъ всего „двухъ часовъ въ недѣлю, тогда какъ на уроки католическа„го законоучителя отведено 6—8 часовъ; въ училищахъ гдѣ „число православныхъ мальчиковъ менѣе 10 вовсе не поло„жено преподавать имъ Закона Божія. Для всѣхъ казенныхъ

„училищъ въ Варшавѣ вмѣстѣ взятыхъ назначено содержать „одного законоучителя православнаго исповѣданія.“ *

Затѣмъ Милютинъ обращается къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ и относительно ихъ находитъ въ уставѣ 1862 года ту же тенденціозность какъ и относительно мужскихъ. Женское воспитаніе въ Польшѣ, читаемъ мы въ Запискѣ, лишь недавно обратило на себя вниманіе правительства. Въ 1858 году открыто было имъ въ Варшавѣ первое училище для приходящихъ дѣвицъ; опытъ былъ такъ удаченъ что вслѣдъ за тѣмъ женскія гимназіи были открыты въ пяти другихъ городахъ Царства Польскаго и вездѣ онѣ „привѣтствовались жителями какъ истинное благодѣяніе“: доказательство что при ихъ открытіи въ нихъ занималось болѣе 1.000 ученицъ. И не взирая на это, годъ или два спустя, всѣ эти гимназіи, кромѣ Варшавской, были закрыты. Составитель устава 1862 года самъ признавалъ что онѣ доставляютъ образованіе несравненно дешевле чѣмъ прочія учебныя заведенія; онъ признавалъ за ними и то преимущество что онѣ не отрываютъ дѣтей отъ родителей какъ разнаго рода интернаты, и однако онъ же подписалъ имъ смертный приговоръ. По какимъ же причинамъ? Потому что существованіе ихъ лишаетъ возможности существовать частные пансіоны, а онъ, составитель устава, признаетъ „частные женскіе пансіоны какъ свѣтскіе, такъ и монастырскіе, необходимыми и болѣе соотвѣтствующими домашнему воспитанію женскаго пола“: такъ объяснялъ гоненіе на казенныя женскія гимназіи тогдашній полуофиціальный органъ маркиза Велёпольскаго. А что вышеприведенная аргументація не имѣетъ и тѣни основанія и что она написана единственно для того чтобы полуприкрыть настоящіе виды маркиза Велёпольскаго, это доказывается тѣмъ что въ настоящее время, послѣ пятнадцатилѣтняго своего существованія, всѣ женскія гимназіи Царства Польскаго наполнены и переполнены ученицами, что во многихъ изъ этихъ гимназій открыты па-

---

* Замѣчательно что учебный уставъ 1862 года, такъ льстившій національному самолюбію Поляковъ и мало повидимому имѣвшій вѣроятностей получить въ Петербургѣ утвержденіе вслѣдствіе его тенденціозности, былъ комментируемъ и такъ сказать подчеркиваемъ въ полуофиціальной варшавской газетѣ до утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ.

раллельные классы, мгновенно наполнявшіеся ученицами и что, не взирая на существующія въ Варшавѣ четыре гимназіи и одну прогимназію, тамъ числится еще шестнадцать женскихъ пансіоновъ, тоже переполненныхъ ученицами.

Итакъ, учебный уставъ 1862 года отдавалъ женское образованіе главнымъ образомъ въ руки духовныхъ конгрегацій; въ мужскихъ гимназіяхъ вся дисциплинарная часть предоставлена было ксендзамъ законоучителямъ. Къ удивленію, замѣчаетъ Милютинъ, духовенство, которое при Паскевичѣ непосредственно завѣдывало элементарными школами, было отъ этого устранено уставомъ 1862 года. Такое противорѣчіе во взглядѣ Велёпольскаго, по мнѣнію составителя записки 1864 года, можетъ быть объяснено только тѣмъ соображеніемъ что въ Царствѣ Польскомъ числилось въ 1861 году 564 евангелическихъ на общее ихъ число 1.074, и что слѣдовательно, предоставляя духовенству вѣдать эти школы, пришлось бы бо́льшую ихъ половину подчинить евангелическимъ пасторамъ-Нѣмцамъ, а это прямо противорѣчило бы главной цѣли маркиза Велёпольскаго—полонизовать инородцевъ посредствомъ школы. Вотъ почему сельскія школы были подчинены по уставу 1862 года мѣстному дворянству.

Таковы существеннѣйшія замѣчанія Милютина на учебный уставъ маркиза Велёпольскаго (бросающія много свѣта и на его политическія цѣли вообще). Эти замѣчанія оканчиваются слѣдующими словами: „Было бы излишне доказывать необходимость кореннаго измѣненія всѣхъ основъ устава 1862 года. Законъ, по которому образованіе поселянъ отдается во власть помѣщиковъ, а образованіе женщинъ предоставляется монастырямъ; законъ, дѣлающій изъ казенныхъ училищъ орудіе къ распространенію политической исключительности и вліянія фанатическаго духовенства, лишающій правительство всякаго надзора и контроля надъ преподаваніемъ, такой законъ очевидно несовмѣстенъ съ потребностями государственнаго порядка и общественнаго спокойствія самой Польши.“ Что же касается этихъ „коренныхъ измѣненій“, о коихъ говоритъ Записка, то мы приводимъ изъ этой же Записки основныя положенія своей учебной реформы:

„1) Не примѣшивать къ преподаванію въ школахъ никакихъ прямыхъ политическихъ цѣлей.

„2) Принять начало полной равноправности всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ и для охраненія иноплеменныхъ

стихій отъ польской пропаганды покровительствовать учрежденію отдѣльныхъ училищъ: русскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ.

„3) Обратить особенное вниманіе на сельскія и вообще начальныя (элементарныя) училища, оградивъ ихъ по возможности отъ вліянія ксендзовъ, монаховъ * и шляхты и предоставивъ въ замѣнъ того опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ общественнымъ сходамъ и ихъ выборнымъ.

„4) Возстановить закрытыя въ 1862 году женскія училища и по возможности развивать и умножать ихъ число.

„5) Имѣть за всѣми учебными заведеніями дѣйствительный и постоянный надзоръ, посредствомъ твердо-организованной дирекціи училищъ, порученной преимущественно Русскимъ, или особенно-благонадежнымъ Нѣмцамъ.

„6) Покровительствовать всѣми мѣрами развитію высшаго научнаго образованія и вообще серіозному знанію и для этого удержать, между прочимъ, данное уставомъ 1862 года классическое направленіе среднимъ учебнымъ заведеніямъ и насколько можно содѣйствовать преуспѣянію Варшавскаго университета.“

Въ подробной Запискѣ своей Милютинъ касался и другихъ вопросовъ изъ сферы народнаго просвѣщенія и другихъ категорій учебныхъ заведеній. Желающіе найдутъ все это въ приложеніяхъ къ статьѣ, здѣсь же мы ограничимся вышеизложеннымъ и перейдемъ къ другой изъ числа важнѣйшихъ реформъ, къ реформѣ въ организаціи католическаго духовенства. Ни для кого не было тайной что это духовенство играло выдающуюся роль въ безпорядкахъ 1861—64 года, а изъ этого вытекала сама собою потребность поставить оное въ такое положеніе чтобъ оно не могло впредь имѣть политическаго значенія и ограничивалось бы прямыми своими обязанностями. Но входить въ пререканія съ духовенствомъ есть всегда и во всякой странѣ щекотливое для правительства дѣло, ибо всегда и вездѣ многіе расположены смѣшивать вопросъ о лицахъ духовнаго званія съ вопросами религіи, догмата, совѣсти; въ странахъ же католическихъ правительству приходится считаться и съ римскою куріей. Поэтому въ данномъ случаѣ приняты были мѣры чтобы мотивировать самымъ

---

* Католическіе монахи были вовсе устранены отъ преподаванія закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ.

серіознымъ образомъ тѣ реформы которыя имѣлись въ виду. Въ Варшавѣ образована была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Черкасскаго изъ членовъ слѣдственныхъ и судныхъ коммиссій, учрежденныхъ по поводу послѣдняго повстанья, а также изъ нѣсколькихъ лицъ по назначенію графа Берга. Докладомъ этой коммиссіи * вмѣстѣ съ основаннымъ на немъ указомъ 27 октября 1864 года мы и намѣрены руководиться.

Изъ разсмотрѣнныхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ „коммиссія извлекла множество данныхъ, представляющихъ случаи несомнѣннаго, юридически дознаннаго участія, принятаго въ мятежныхъ дѣйствіяхъ какъ дѣлою братіей монастырскою, такъ и отдѣльными лицами монашескаго сословія. Всю эту массу данныхъ коммиссія сочла удобнѣйшимъ изложить въ формѣ подробныхъ вѣдомостей монастырямъ Царства Польскаго, съ показаніемъ въ нихъ по каждому монастырю, вмѣстѣ съ поименнымъ спискомъ числящихся въ немъ монаховъ, клериковъ и новиціевъ—тѣхъ политическихъ преступленій въ которыхъ монастырская братія въ совокупности, или какія-либо изъ означенныхъ личностей признаны виновными... Въ этихъ вѣдомостяхъ коммиссія не осмѣлилась ни ломѣщать фактовъ, хотя бы и общеизвѣстныхъ и всѣми признанныхъ за достовѣрные, но не подтвержденныхъ формальными доказательствами, ни обобщать свѣдѣній о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ личностей изъ монашескаго сословія, хотя бы дѣйствія сіи не могли совершиться иначе какъ при соучастіи монастырскаго начальства и прочей братіи, но когда соучастіе это не было фактически доказано. По этому самому, коммиссія считаетъ долгомъ оговорить что представляемыя ею вѣдомости заключаютъ въ себѣ далеко еще не всѣ данныя относительно содѣйствія монастырей и монаховъ подготовленію и развитію мятежа. Въ началѣ возникшихъ въ Царствѣ безпорядковъ правительственныя власти, надѣясь снисходительностію утишить волненіе, избѣгали по возможности производить слѣдствія по политическимъ дѣламъ,

---

* Этотъ докладъ, вмѣстѣ съ указомъ 27 октября, напечатанъ особо въ небольшомъ числѣ экземпляровъ по распоряженію Н. А. Милютина, отъ котораго авторъ получилъ одинъ экземпляръ. Впрочемъ этотъ докладъ (на французскомъ языкѣ) находится въ числѣ приложеній къ сочиненію Моллера *la Pologne* и пр.

нерѣдко даже самаго преступнаго свойства, и въ этомъ отношеніи высказывали еще большее долготерпѣніе когда дѣло шло о членахъ римско-католическаго духовенства... Но при всей этой неполнотѣ свѣдѣній, коммиссія изъ разработанныхъ ею дѣлъ не могла не вынести положительнаго и глубокаго убѣжденія что римско-католическіе монастыри въ Царствѣ Польскомъ были однимъ изъ главныхъ орудій мятежа, принимая въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе."

Все вышеизложенное коммиссія подтверждаетъ такою массой фактовъ что мы можемъ привести здѣсь лишь малѣйшую ихъ долю. Если первые и самые ревностные члены тайныхъ обществъ мутившихъ Польшу въ послѣдніе годы вышли изъ рядовъ заграничной эмиграціи, амнистированной, какъ извѣстно, въ 1856 году, говоритъ коммиссія, то вслѣдъ за ними въ эти общества вступили монахи. Еще задолго до начала уличныхъ безпорядковъ они „всѣми мѣрами заботились о томъ чтобы возбуждать въ простодушныхъ массахъ фанатическіе инстинкты; они постепенно научались употреблять во зло проповѣдь, умножали безмѣрно церковныя церемоніи и старались придавать имъ политическій оттѣнокъ". Отъ монаховъ не много отставали члены бѣлаго духовенства. Первая религіозно-политическая демонстрація была произведена въ одномъ изъ варшавскихъ костеловъ 17 ноября 1860 года, въ годовщину мятежа 1830 года: въ отвѣтъ на проповѣдь мѣстнаго ксендза раздалась одна изъ многочисленныхъ революціонныхъ польскихъ пѣсенъ, а по отвѣту можно заключить о содержаніи проповѣди. Съ начала 1861 года варшавскія католическія церкви сдѣлались мѣстомъ сходокъ для заправилъ уличныхъ безпорядковъ; въ нихъ разбрасываемы были воззванія революціоннаго содержанія, въ нихъ были отдаваемы приказанія гдѣ и въ которомъ часу собираться для публичной демонстраціи. Къ одной изъ первыхъ демонстрацій подобнаго рода, именно бывшей 11 февраля 1861 года, процессуально присоединилась братія одного изъ варшавскихъ монастырей; а нѣсколько дней спустя, когда огромная масса сильно возбужденнаго народа расхаживала по варшавскимъ улицамъ распѣвая революціонные гимны, при ея приближеніи изо всѣхъ церквей и монастырей на пути ея слѣдованія выходили духовныя процессіи съ крестами и хоругвями.

Что было въ Варшавѣ, то повторялось во всѣхъ концахъ Царства. По участіе въ уличныхъ безпорядкахъ было только

началомъ революціонной дѣятельности католическаго духовенства и особенно монашества. Ксендзы и монахи не только допускали лѣніе революціонныхъ гимновъ во храмахъ, но „открыто проповѣдывали обязанность сопротивленія законному правительству и служенія революціоннымъ властямъ". „Монахи нищенствующихъ орденовъ ходили изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню и всюду собирали такъ-называемую *народную офяру*". Съ осени 1861 года открылся цѣлый рядъ съѣздовъ, на коихъ „бѣлое и монашествующее духовенство вмѣстѣ и на перерывъ другъ предъ другомъ спѣшили скрѣпить союзъ свой съ мятежемъ". Собиралось по нѣсколько сотенъ ксендзовъ и монаховъ. Они молились объ успѣхѣ мятежа, обдумывали средства содѣйствовать этому успѣху, и т. л.; а такъ какъ эти съѣзды происходили въ дни большихъ церковныхъ праздниковъ, на которые собираются массы народа, то этотъ народъ былъ призываемъ къ участію въ мятежѣ, къ оружію. На одномъ изъ такихъ съѣздовъ составленъ былъ опубликованный революціонною печатью *Протестъ духовенства* противъ дарованныхъ въ то время губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ; въ этомъ *Протестѣ* новый законъ подвергался осмѣянію и объявлялось требованіе духовенства чтобы члены только что образовавшихся совѣтовъ разошлись немедленно. * По самымъ замѣчательнымъ былъ съѣздъ духовенства Подлясской епархіи (Сѣдлецкой губерніи) съ депутатами отъ другихъ епархій, протоколъ коего стоило бы привести цѣликомъ еслибъ онъ былъ менѣе обширенъ. Этотъ протоколъ (на польскомъ языкѣ) начинается такъ: „Подлясское духовенство, собравшись на общее засѣданіе сего 13 ноября 1862 года съ цѣлію разсмотрѣть тѣ средства которыми можно бы помочь отчизнѣ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ присутствующихъ, разсмотрѣвъ подробно всѣ основныя начала и стремленія двухъ комитетовъ (революціонныхъ),—шляхетскаго и центральнаго,—и прочтя протоколы засѣданія сандомірскаго духовенства, постановило"... присоединиться къ программѣ центральнаго, то-есть краснаго комитета, распоряженіямъ его подчиняться и по возможности ему содѣйствовать; для достиженія же послѣдней изъ сихъ

---

* Это и было исполнено. Отчеты губернаторовъ за 1865 годъ свидѣтельствуютъ что члены почти всѣхъ этихъ совѣтовъ вышли въ отставку вслѣдъ за своимъ назначеніемъ.

цѣлей вмѣнялось въ обязанность духовенству „принимать и приводить къ присягѣ всѣхъ лицъ занимающихся *работами* по порученію центральнаго комитета“. Согласно симъ правиламъ, пояснялось далѣе, каждое духовное лицо должно исполнять возложенныя ими на него обязанности подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ духовною, такъ и предъ свѣтскою (очевидно революціонною) властью.“

Протоколъ 13 ноября заключался слѣдующими словами: „Устроенную такимъ образомъ организацію, какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и во всѣхъ ея частностяхъ, духовенство архіепископства Варшавскаго и епископства Холмскаго, въ лицѣ выборныхъ своихъ, присутствующихъ на сегодняшнемъ общемъ собраніи, торжественно признаетъ, а духовенство Подлясское со своей стороны призываетъ духовенство всѣхъ епархій, какъ конгресувки (Царства Польскаго), такъ и иныхъ провинцій единой и нераздѣльной Польши къ тому чтобъ оно, не теряя минуты времени, поспѣшило организоваться, съ цѣлью немедленнаго приведенія въ исполненіе какъ основной программы, такъ и самихъ рѣшеній центральнаго комитета. Мужъ довѣрія епископства Подлясскаго приглашаетъ депутатовъ архіепископства и Холмской епархіи немедленно, по возвращеніи своемъ въ свои епархіи, созвать подобные же съѣзды и о результатахъ оныхъ увѣдомить какъ центральный комитетъ, такъ и его самого, довѣренное лицо Подлясскаго духовенства, и членовъ шляхетскаго комитета“.

Такимъ образомъ, все католическое духовенство какъ Царства Польскаго, такъ и Западнаго Края, прусской Польши и Галиціи было формально и торжественно приглашено примкнуть къ мятежу и ему содѣйствовать, и католическое духовенство Царства и Западнаго Края * послѣдовало этому приглашенію; роль его въ печальныхъ событіяхъ того времени становится все болѣе и болѣе видною, активною. Въ первую эпоху мятежа, когда нужно еще было подогрѣвать, возбуждать умы, въ монастыряхъ сочиняли соотвѣтственные гимны, печатали прокламаціи, даже газеты, между прочимъ, пресловутый *Гласъ Каплана*. Въ безконечныхъ монастырскихъ подвалахъ укрывалось и припасалось оружіе; монахи и посторонніе „надежные“ люди свободно обучались за монастырскими стѣнами владѣть саблей, стрѣлять изъ ружья и пистолета.

---

* Относительно Западнаго Края см. гр. Муравьева и Ратча.

Съ конца 1862 года въ монастыри и храмы начали стекаться люди всякаго званія, давшіе себя увлечь въ банды повстанцевъ. Многіе изъ нихъ, бывъ увлечены обманомъ, въ нетрезвомъ видѣ дозволили внести себя въ роковые списки; такіе люди были не надежны: ксендзы и монахи увѣщевали ихъ оставаться вѣрными своему обязательству „угрожая въ противномъ случаѣ не только безчестіемъ предъ народомъ, но и церковными карами“. Въ одномъ Ченстоховскомъ монастырѣ и въ продолженіе одного только мѣсяца было приведено къ присягѣ на измѣну правительству 150 человѣкъ; они должны были напасть врасплохъ на русскія войска. Для подобныхъ нечаянныхъ въ разныхъ пунктахъ нападеній на наши войска, которыми и началось вооруженное повстанье, многіе монастыри служили сборнымъ пунктомъ и плацъ-д'армомъ. Туда повстанцы приходили заблаговременно, тамъ получали оружіе и затѣмъ, по условленному сигналу, кидались изъ-за монастырскихъ стѣнъ на славшихъ въ казармахъ или на обывательскихъ квартирахъ солдатъ.

Коммиссія свидѣтельствуетъ что многіе монахи принимали и личное участіе въ стычкахъ съ русскими войсками. Въ составленныхъ ею „вѣдомостяхъ“, * читаемъ мы въ ея Докладѣ, „заключается длинный списокъ лицъ монашествующаго сословія бѣжавшихъ въ мятежныя шайки“; многіе изъ нихъ даже предводительствовали этими шайками; иные изъ числа монаховъ участвовавшихъ въ шайкахъ или предводительствовавшихъ ими отличались необыкновеннымъ звѣрствомъ; нѣсколько монаховъ были бургомистрами, вообще революціонными начальниками нѣсколькихъ городковъ и мѣстечекъ во время эфемернаго господства въ нихъ повстанцевъ; одинъ былъ членомъ центральнаго, то-есть краснаго революціоннаго комитета... Но это не все; въ Докладѣ, которымъ мы руководствуемся въ настоящемъ случаѣ, есть цѣлая рубрика подъ заглавіемъ *Убійства*, въ которой приведено нѣсколько случаевъ осквернения убійствомъ рукъ монашествующей братіи не только въ бою, въ открытомъ столкновеніи съ русскими солдатами, но простымъ убійствомъ въ точномъ значеніи этого слова. При арестѣ одного клерика на немъ найденъ былъ списокъ лицъ обреченныхъ смерти тайными властями, изъ числа каковыхъ лицъ, двухъ,—крестьянина и крестьянку,—

* Этихъ вѣдомостей мы не имѣемъ предъ глазами.

онъ уже успѣлъ повѣсить. Кощунство доходило до такой степени что нѣкій Максъ Терайва, ксендзъ-калуцинъ, „который стяжалъ себѣ страшную извѣстность своимъ необузданнымъ варварствомъ“, не только возвратился въ монастырь послѣ своихъ подвиговъ, не только былъ въ немъ скрываемъ отъ преслѣдованія русскихъ властей, но, по собственному показанію, „былъ допускаемъ до служенія обѣдни, не взирая на то что многократно оскверняль руки свои убійствами.“ Одинъ монахъ собственноручно поджегъ *стодолу* въ коемъ укрывался крестьянинъ отказывавшійся вступить въ повстанье и собственноручно же застрѣлилъ его жену... Послѣ этого излишне говорить что монахи, а отчасти и ксендзы приводили къ присягѣ „на честное служеніе отечеству“ кинжальщиковъ и вѣшателей, что монастыри обратились не только въ интендантскія дело для повстанцевъ, но въ крѣпости, за стѣнами которыхъ укрывались опрокинутыя, преслѣдуемыя шайки.

Надо не забывать что изложенное здѣсь въ выраженіяхъ болѣе или менѣе общихъ высказано въ Докладѣ ясно, точно и опредѣлительно, что въ немъ названы поименно скомпрометтированные монастыри и лица и что къ этому Докладу приложена была вѣдомость составленная на основаніи слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ. Все это до очевидности доказывало что польское духовенство и особенно монашество играло весьма видную роль въ безпорядкахъ 1861—64 годовъ. Что же дѣлать было съ этимъ духовенствомъ, съ этими такъ-называемыми свѣтскими ксендзами и монахами? Наказать виновныхъ? Но болѣе или менѣе виновны были всѣ или почти всѣ. Очевидно, независимо карательныхъ мѣръ противъ отдѣльныхъ личностей здѣсь нужны были мѣры органическія. И такія мѣры были найдены Милютинымъ и княземъ Черкаскимъ, — ближайшимъ его помощникомъ въ реформѣ церковнаго управленія. Они дознали что изъ числа 155 мужскихъ монастырей числящихся въ Царствѣ, 71 существуютъ вопреки каноническимъ постановленіямъ, не имѣя установленнаго числа братіи; minimum въ этомъ отношеніи 8, а въ числѣ 71 помянутыхъ монастырей многіе насчитывали всего 2—3 монаховъ. Затѣмъ изъ остающихся 84 монастырей почти половина, именно 39, были скомпрометтированы по дѣламъ мятежа. Оказывался слѣдовательно юридически правильный поводъ, оправдываемый и здравымъ смысломъ, и

политическими соображеніями, чтобы закрыть слишкомъ сотню очаговъ мятежа. 27 октября 1864 года послѣдовалъ указъ въ которомъ напоминалось о преступномъ участіи польскаго монашества въ послѣднихъ событіяхъ и заявлялось о твердомъ намѣреніи правительства „принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій“ подобныхъ только-что совершавшимся. Затѣмъ, напомнивъ каноническое правило о минимальномъ числѣ монашествующей братіи (подтвержденное, прибавимъ отъ себя, папскими распоряженіями и между прочимъ буллою отъ 2 мая 1744 года), повелѣвалось: закрыть всѣ тѣ мужскіе и женскіе монастыри въ коихъ нѣтъ узаконеннаго числа монашествующихъ, а также тѣ „которые принимали явное и дознанное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ“. Что же касается монаховъ и монахинь упраздняемыхъ такимъ образомъ обителей, то имъ предоставлялось или поступить въ другіе монастыри соотвѣтственныхъ орденовъ, или выѣхать за границу съ полученіемъ суммы на путевые расходы и пожизненной пенсіи. Далѣе, католическіе монастыри, какъ извѣстно, подчинены непосредственно своимъ *генераламъ* пребывающимъ за границей, а потому они остаются внѣ всякаго контроля не только со стороны свѣтскихъ, но даже и мѣстныхъ епархіальныхъ властей, образуя безо всякаго преувеличенія государства въ государствѣ. Извѣстно также что такое ненормальное положеніе католическихъ монастырей было болѣе или менѣе настойчиво и энергично устраняемо даже въ католическихъ странахъ. А потому указомъ 27 октября они были подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ властямъ исключительно и непосредственно. Недвижимыя ихъ имѣнія отбирались въ казну, которая со своей стороны обязывалась обращать доходы съ этихъ имѣній исключительно на надобности остающихся монастырей, на благолѣпіе храмовъ, на поддержаніе состоявшихъ при обителяхъ богоугодныхъ и учебныхъ заведеній и т. п.

Сокращеніе числа монастырей и лишеніе ихъ права имѣть недвижимую собственность, а слѣдовательно возможности являться въ качествѣ капиталиста и хозяина въ отношеніи крестьянина, была безспорно очень важная, очень глубоко хватавшая мѣра. Другою мѣрой провозглашенною въ томъ же указѣ 27 октября, тоже очень важною, но болѣе политическаго и притомъ не карательнаго характера, было

изъятіе монастырей изъ-подъ вѣдѣнія *генераловъ* и подчиненіе ихъ мѣстному епархіальному начальству, разумѣется, отвѣтственному за своихъ подчиненныхъ. Нельзя отрицать политическаго оттѣнка и въ сокращеніи числа монастырей: еслибъ они не играли такой роли въ событіяхъ 1861—64 годовъ вѣроятно число ихъ не было бы уменьшено не взирая на каноническія правила и *бреве* папы Бенедикта XIV. Но и допуская что во всемъ указѣ 27 октября 1864 года чувствуется присутствіе политическихъ соображеній, развѣ можно упрекать въ этомъ Милютина и правительство вообще, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые публицисты? Развѣ не въ томъ прежде всего достоинство политической мѣры чтобъ она была дѣйствительно политическою? Наконецъ, скажемъ ли что этотъ указъ принесъ Царству Польскому вредъ, а не пользу? Замѣтимъ при этомъ что церкви при закрытыхъ монастыряхъ были оставлены и обращены въ приходскія и припомнимъ что относительно монашествующихъ приняты были чрезвычайно мягкія мѣры; а что касается уменьшенія числа монастырей, которое иные выставляютъ какъ мѣру внушенную духомъ нигилизма или желаніемъ подорвать основы нравственности въ Польскомъ народѣ, то мы замѣтимъ что ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такой массы монастырей какая была въ Царствѣ Польскомъ сравнительно съ его населеніемъ. Въ Баваріи,—странѣ горячо католической, управляемой католическимъ правительствомъ и гдѣ монастыри не скомпрометтировались участіемъ въ мятежахъ и убійствахъ, на народонаселеніе приблизительно равное Царству Польскому существовало въ началѣ шестидесятыхъ годовъ всего 47 монастырей, въ Царствѣ Польскомъ же оставлено было 73, то-есть 35 мужскихъ и 38 женскихъ. * Наконецъ.—и это аргументъ, надѣемся, достаточно вѣскій,—папа Пій VII повелѣлъ Варшавскому епископу Мальчевскому закрыть монастыри не имѣющіе опредѣленнаго числа братіи. *Бреве* о томъ послѣдовало 30 іюня 1818 года. Царство пользовалось тогда полнымъ самоуправленіемъ; въ силу папскаго повелѣнія приходилось закрыть 47 монастырей; это не папра-

---

* *Во Всеобщемъ Календарѣ* за 1881 показано штатныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей 351, а съ заштатными 551, на 60милліонное православное населеніе Россіи. Католическое населеніе въ Царствѣ Польскомъ простиралось въ 1864 году до 3.355 т. (см. Приложеніе).

нилось, и монастыри не были закрыты, такъ что въ 1864 году число ихъ было то же которое находилъ чрезмѣрнымъ Пій VII. *

Переходя теперь къ бѣлому духовенству, мы должны обратить вниманіе на указъ 14 іюля 1864, коимъ уничтожался патронатъ или ктиторство,—учрежденіе существовавшее нѣкогда и у насъ, но до того утратившееся въ настоящее время что оно можетъ-быть извѣстно не всѣмъ нашимъ читателямъ. Въ тѣ отдаленныя времена когда религіозное чувство было сильно, а значеніе въ странѣ имѣли одни только знатные, родовитые люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось и богатство, эти знатные и богатые люди любили строить храмы, пеклись о благолѣпіи существующихъ, доставляли средства къ жизни клиру, словомъ, становились къ церквамъ и духовенству въ положеніе *патроновъ*. Естественно, съ другой стороны, что эти патроны пріобрѣтали вліяніе иногда огромное на управленіе *своихъ* церквей, на назначеніе въ нихъ священниковъ и т. п.; въ странѣ же гдѣ патронами церквей могли быть люди говорившіе своимъ королямъ что „тузъ бьетъ короля“, институтъ патроната былъ особенно могущественъ. Очевидно онъ не согласовался ни съ духомъ нашего времени, ни съ самоуправленіемъ крестьянскихъ обществъ, ни наконецъ съ духомъ первобытной церкви призывающей къ участію въ церковныхъ дѣлахъ всѣхъ прихожанъ прихода, а не патрона или ктитора. Такая именно точка зрѣнія и устанавливается указомъ 14 іюля; онъ освобождалъ священниковъ отъ необходимости заискивать, заручаться покровителями для полученія хорошаго прихода. А впрочемъ сильнаго непосредственнаго вліянія на судьбу ихъ этотъ указъ не имѣлъ **; несравненно важнѣе въ этомъ отношеніи былъ указъ 14 декабря 1865 года. Этимъ указомъ отбиралась въ казну недвижимая собственность приходскихъ церквей, какъ была отобрана монастырская. Со своей стороны казна принимала на себя обязанность производить содержаніе духовенству и причту и по возможности поддерживать благолѣпіе церквей, обращаясь для этого даже къ другимъ источникамъ, такъ какъ доходовъ съ

---

* Докладъ особой коммиссіи.

** О значеніи этого закона среди уніатской мѣстности Царства Польскаго будетъ сказано далѣе.

церковныхъ земель оказывалось для этого недостаточнымъ. * Вмѣстѣ съ тѣмъ устранялась возможность сельскимъ ксендзамъ стѣснять крестьянъ принимавшихъ на себя какія-либо обязательства относительно церковныхъ земель, а слѣдовательно и вліять на этихъ крестьянъ. Далѣе, законъ 14 декабря постановилъ не допускать монашествующихъ къ исправленію обязанностей приходскихъ священниковъ, да и всякое назначеніе въ настоятели или викаріи приходской церкви должно было получить предварительное утвержденіе главнаго директора (министра) Внутреннихъ Дѣлъ.

---

* Содержаніе сельскаго духовенства признано было необходимымъ возвысить, вслѣдствіе чего польскому бѣлому духовенству положено было содержаніе превосходящее содержаніе такого же духовенства въ большей части католическихъ странъ: такъ значится въ *Article explicatif* къ указу 14 дек. находящемся въ брошюрѣ подъ заглавіемъ *Documents officiels concernant le roy. de Pologne* (1866), полученной авторомъ отъ Н. А. Милютина и едва ли бывшей въ продажѣ.

III.

Постановленія Учредительнаго Комитета.
Leroy-Beaulieu, *Un homme d'état* etc.
Сборникъ административныхъ постановленій, т. I, по вѣдомству Народнаго Просвѣщенія.
Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1882.
Кн. В. А. Черкаскій и Холмскіе Греко уніяты, Варшава, 1879.
Циркуляръ по Варшавскому учебному округу, 1871.

Теперь, ознакомясь въ главныхъ чертахъ съ важнѣйшими и наиболѣе характеристичными реформами въ Царствѣ Польскомъ, вылившимися изъ инициативы Милютина, постараемся обнять всю ихъ совокупность съ тѣмъ чтобы составить себѣ ясное представленіе о такъ-называемой „Милютинской системѣ", о которой такъ много было говорено и писано, которую такъ горячо, такъ заносчиво и нерѣдко съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія и восхваляли и позорили.

Въ центрѣ этой системы и въ основаніи всѣхъ дальнѣйшихъ законопроектовъ Милютина находится реформа крестьянская. Постараемся же прежде всего характеризовать ее. Мы можемъ сдѣлать это словами самого Милютина. Въ часто упоминаемомъ письмѣ къ Соловьеву, говоря о необходимости совершать въ настоящее время всѣ реформы руками Русскихъ, — необходимости обусловливаемой неспособностью тогдашнихъ Поляковъ „создать что-либо самобытное, новое, внѣ круга ихъ преданій находящееся", Милютинъ прибавляетъ: „эта способность обнаружится въ нихъ лишь когда всѣ ихъ связи со своими преданіями будутъ порваны и когда на сцену выступитъ факторъ совершенно неизвѣстный въ польской исторіи—*народъ*." Ту же мысль и почти тѣми же словами онъ выражалъ во вселоподданнѣйшей Запискѣ отъ 23 мая 1864 года: „отнынѣ писалъ онъ, является въ Польшѣ новый общественный дѣятель, многочисленный классъ земледѣльцевъ-собственниковъ". Наконецъ, вполнѣ солидарный съ Милютинымъ въ своихъ воззрѣніяхъ на совершавшіяся реформы, князь Черкаскій въ одной изъ записокъ своихъ объяснялъ Учредительному Комитету что основная мысль новыхъ законоположеній состоитъ въ томъ „чтобы вызвать къ жизни силы таившіяся въ самомъ народѣ и на нихъ основать прочное обновленіе гражданской

жизни Царства Польскаго"... * Пріостановимся на этихъ заявленіяхъ. Замѣтимъ, вопервыхъ, что они категорически опровергаютъ не разъ высказанное съ польской стороны мнѣніе что Милютинъ ненавидѣлъ Поляковъ всѣмъ естествомъ своимъ. Правда, изъ вышеприведенныхъ словъ явствуетъ что онъ былъ о нихъ не высокаго мнѣнія, но только о современныхъ ему, тогдашнихъ Полякахъ, осквернившихся всякаго рода гнусностями, которыя далеко не въ глазахъ каждаго оправдываются политическимъ ихъ характеромъ. Не высокаго мнѣнія былъ Милютинъ и о преданіяхъ вынесенныхъ Поляками изъ своей исторіи послѣдняго времени; но такое воззрѣніе начинаетъ нынѣ пробиваться и среди самихъ Поляковъ. Во всякомъ случаѣ Милютинъ полагалъ только что для полнаго развитія своего въ будущемъ имъ надо превратиться изъ „шляхетской націи" въ націю современную, только заключающую въ себѣ и крестьянство, какъ элементъ самостоятельный. Вообще во всемъ касающемся крестьянской реформы Милютинъ, работая надъ нею, желалъ для Польши совершенно того же чего желалъ для Россіи и чего всѣ просвѣщенные Русскіе желали тогда для своего отечества.

Но эти стройные выводы изъ строго послѣдовательныхъ положеній, плѣнявшіе Милютина-мыслителя, Милютина-теоретика, приводили кажется въ смущеніе Милютина-практическаго и при томъ русскаго государственнаго человѣка, когда онъ, такъ сказать, отвелъ свои взоры отъ крестьянской реформы и перенесъ ихъ на другія, особенно на учебную. Онъ надѣялся и желалъ, какъ мы видѣли, оживить одряхлѣвшую „шляхетскую націю" новымъ, свѣжимъ, здоровымъ крестьянскимъ элементомъ, подобно тому какъ нѣкогда древняя римская нація была оживлена свѣжими германскими соками: но въ какія отношенія станетъ эта переродившаяся польская нація къ Россіи?.. Вотъ тутъ-то и начиналось раздвоеніе между Милютинымъ-мыслителемъ и Милютинымъ-русскимъ государственнымъ человѣкомъ. Правда, онъ выражалъ надежду что польское крестьянство можетъ сдѣлаться для насъ точкою опоры, но лишь *на нѣкоторое время. Можетъ-быть*, писалъ онъ Соловьеву, *со временемъ* мы найдемъ въ самой Польшѣ дѣятельные элементы, на которые можно будетъ опереться... Но всѣ эти „можетъ-быть", „со временемъ", „на время" не доказываютъ ли они что предъ

* Постановленіе Учредительнаго Комитета, засѣданіе XIII.

умственными очами Милютина носились сомнѣнія и противорѣчія?

Не взирая однако на эти сомнѣнія и противорѣчія, Милютинъ остался безусловно вѣренъ усвоеннымъ имъ принципамъ и при составленіи законопроектовъ по учебной части. Эти принципы были, вопервыхъ, „наука для науки единственно“, съ устраненіемъ всякихъ постороннихъ цѣлей, и вовторыхъ, все тотъ же принципъ національностей. Школа основанная для Поляковъ должна была быть польскою школой, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. За то и школы устроенныя для русскаго, еврейскаго, нѣмецкаго и литовскаго населенія должны были сдѣлаться русскими, еврейскими, нѣмецкими или польскими. Полонизація путемъ школы, проектированная Велёпольскимъ, была устранена Милютинымъ.

Русское общество, можно сказать съ увѣренностью, и не подозрѣвало существованія сплошныхъ русскихъ группъ въ предѣлахъ Царства Польскаго. А между тѣмъ въ Сувалкской губерніи, невдалекѣ отъ Нѣмана, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ проживало съ давнихъ временъ болѣе десяти тысячъ Русскихъ, а на лѣвомъ берегу Буга, въ восточной половинѣ Сѣдлецкой и Люблинской губерній, ихъ считалось въ 1864 году 230 тысячъ. * Когда-нибудь мы разкажемъ подробнѣе странную судьбу этого *Русскаго Забужья*, теперь же достаточно будетъ сказать что хотя оно, какъ часть Царства Польскаго, состояло подъ русскою властью съ Вѣнскаго конгресса, хотя въ продолженіе почти полвѣка имъ управляли намѣстники Русскаго Государя, Милютину вмѣстѣ съ княземъ Черкаскимъ пришлось, можно сказать, открыть его. До 1831 года законодательство не дѣлало никакого различія между этою русскою и польскими или литовскими частями Царства, а мѣстная администрація заодно съ мѣстнымъ дворянствомъ и мѣстнымъ духовенствомъ систематически истребляли то что̀ еще оставалось въ Забужьѣ русскаго. Да и послѣ 1831 года продолжалось почти то же. Только около двадцати лѣтъ послѣ назначенія князя Паскевича намѣстникомъ изданно было особое Положеніе о начальныхъ училищахъ для „Русиновъ“. Положеніемъ 1849 года вводилось преподаваніе русскаго языка въ этихъ школахъ, но учителей знающихъ

* Число Русскихъ въ Сувалкской губерніи основано на отчетѣ мѣстнаго губернатора за 1866 годъ, а въ бывшей Люблинской—на исчисленіи самого Милютина (См. прилож.).

этотъ языкъ лолечительное начальство никакъ не могло найти; а законоучители, уніатскіе священники, преподавали по католическимъ катехизисамъ, что̀ не покажется удивительнымъ если мы скажемъ что многіе изъ этихъ священниковъ получали образованіе въ католическихъ семинаріяхъ и что такіе священники были поддерживаемы всѣмъ авторитетомъ мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые—не слѣдуетъ терять этого изъ виду — были и патронами или ктиторами находившихся на ихъ земляхъ уніатскихъ церквей и войтами въ своихъ помѣстьяхъ... При такомъ положеніи вещей оставалось одно изъ двухъ: или махнуть рукой на Забужье и предоставить полонизму довершить свое дѣло, или же вступить съ нимъ въ рѣшительный бой съ двойною цѣлію: а) располячить на половину ополяченныхъ Забужанъ и б) возвратить ихъ изъ уніи къ православію.

Задача была трудная! Она можетъ-быть признана была бы вовсе неисполнимою еслибы національное чувство въ Россіи не находилось въ это время въ такомъ возбужденіи. Милютинъ и князь Черкаскій рѣшились схватиться съ неправдой многіе вѣка царившею въ этомъ злополучномъ краѣ, вырвать эту старинную область Владиміро-Волынскаго княжества изъ тяжело нажимавшихъ ее рукъ и возвратить ее Россіи. Заручившись полнымъ сочувствіемъ Государя, они надѣялись можетъ-быть найти и въ средѣ мѣстнаго населенія нѣкоторые слѣды того сочувствія къ духовному сближенію съ Россіей которое обнаружилось въ Забужьѣ въ эпоху возсоединенія уніятовъ Литовской епархіи. * Еще болѣе могли они разчитывать на обнаружившійся съ начала 60хъ годовъ подъемъ національнаго духа въ восточной русской Галичинѣ, смежной, какъ извѣстно, съ Забужьемъ и тоже населенной малорусскимъ племенемъ. Подобно какъ въ Забужьѣ, въ Галичинѣ отразилось, но гораздо сильнѣе, возсоединеніе уніатовъ Сѣверо-Западнаго края; между галицкимъ духовенствомъ, да и вообще среди тамошняго населенія начало съ того времени возникать расположеніе къ возвращенію въ лоно православія. Къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ было уже не мало Галичанъ расположенныхъ къ сближенію съ православіемъ и сознательныхъ

---

* См. объ этомъ въ любопытной брошюрѣ подъ заглавіемъ *Кн. В. А. Черкаскій* и *Холмско-Варш. Епарх. Вѣстн.* 1882 года.

русскихъ патріотовъ; на ихъ-то содѣйствіе сильно и, какъ увидимъ, не напрасно разчитывали Милютинъ и Черкаскій.

Первый шагъ къ освобожденію русскаго Забужья изъ-подъ чуждыхъ вліяній сдѣланъ былъ крестьянскою реформой; указомъ 19 февраля объ устройствѣ гминъ упразднены были и права и обязанности помѣщиковъ быть войтами въ своихъ помѣстьяхъ, а указъ 14 іюля того же года прекращалъ ихъ ктиторство надъ уніятскими церквами. Затѣмъ вмѣстѣ съ указомъ о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возможно скоромъ учрежденіи школъ для уніятовъ пользуясь средствами казны для покрытія всѣхъ расходовъ по этому предмету *. Вскорѣ по иниціативѣ князя Черкаскаго въ Забужьѣ были открыты особыя училища для приготовленія начальныхъ учителей изъ мѣстныхъ жителей, а также нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, которыя должны были мало-по-малу образовать мѣстную свѣтскую и духовную интеллигенцію **. По его же иниціативѣ, не безъ предварительнаго, конечно, соглашенія съ Милютинымъ, приступлено было къ исправленію обветшалыхъ уніятскихъ церквей, а въ послѣдствіи и къ постройкѣ новыхъ. Князь Черкаскій же озаботился замѣстить настоятельскія вакансіи священниками вызванными изъ Галичины, закалившимися въ борьбѣ въ католичествомъ и полонизмомъ и тотчасъ же начавшими произносить проповѣди на русскомъ языкѣ. Главный директоръ (министръ) Народнаго Просвѣщенія, со своей стороны, вызвалъ учителей частію изъ Галичины же, а главнымъ образомъ изъза Буга, изъ Малороссіи для уніятскихъ училищъ. Преподаваніе въ нихъ русскаго языка разумѣется перестало быть фикціей; онъ сдѣлался языкомъ преподаванія.

Мы не намѣрены перечислять здѣсь всѣхъ мѣръ посредствомъ коихъ въ нашемъ Забужьѣ возстановлялся русскій его характеръ; для предположенной нами цѣли достаточно сказаннаго. Читатель видитъ какъ велика была въ этомъ отношеніи заботливость, какъ сильна была иниціатива лицъ руководившихъ возрожденіемъ Забужья. Къ несчастію,

* Это было изъятіе изъ закона, такъ какъ Положеніе о начальныхъ училищахъ обѣщало лишь *пособіе* отъ правительства, лишь нѣкоторое участіе его въ содержаніи школы. См. Постанов. Учред. Комит., засѣд. 22 сентября 1864 года.

** Постанов. Учред. Комит., засѣд. 23 февраля и 8 марта 1865 года.

дѣятельность Милютина вскорѣ прекратилась по причинѣ, болѣзни, а вслѣдъ затѣмъ прекратилась и дѣятельность князя Черкасскаго, объявившаго, говорятъ, напрямикъ что съ удаленіемъ Милютина не стало „духа жива“ въ дѣлѣ переустройства Царства Польскаго. Много неловкихъ, неудачныхъ, ошибочныхъ мѣръ было принято въ послѣдствіи съ цѣлію возвратить забужскихъ уніятовъ въ православіе, и тѣмъ не менѣе однако то что было сдѣлано въ первые годы послѣ повстанья уцѣлѣло и дало ростки. Немыслимо чтобы впредь правительство смотрѣло на Забужье такъ какъ смотрѣло оно во времена Паскевича. Этотъ край не можетъ уже быть никакимъ инымъ какъ только русскимъ; Милютинъ съ Черкасскимъ завоевали его и присоединили къ государственной области Русскаго народа. При этомъ не суровое vae victis гремѣло надъ завоеваннымъ краемъ, а братское привѣтствіе съ ручательствомъ что мѣстное населеніе навсегда гарантировано отъ печальной судьбы родственнаго ему населенія восточной Галичины.

Полагаемъ что никто не упрекнетъ Милютина за то что, провозгласивъ принципъ національностей, онъ обнаружилъ особую заботливость объ одной только изъ нихъ—о національности русской. Въ государственномъ человѣкѣ космополитизмъ хуже всѣхъ пороковъ: онъ просто несовмѣстимъ съ представленіемъ о государственномъ человѣкѣ. Притомъ о польской національности излишне было заботиться: ее слѣдовало только не стѣснять въ этнографическихъ ея предѣлахъ. Что же касается національности русской то нельзя терять изъ виду что въ глазахъ русскаго государственнаго человѣка это національность первенствующая, господствующая, создавшая Русское государство. Нельзя терять изъ виду и того что русскій языкъ не можетъ довольствоваться равноправностью въ предѣлахъ Русскаго государства съ другими языками. Роль его не можетъ быть одинакова и съ ролью польскаго языка даже въ предѣлахъ Царства Польскаго, даже за Вислой, на чисто польской территоріи. Польскій языкъ въ чертѣ этой территоріи есть языкъ мѣстный, домашній, который всякому природному обывателю знакомъ съ колыбели, на которомъ говорятъ у семейнаго очага. Русскій языкъ не можетъ играть за Вислой такой интимной роли. За то онъ долженъ имѣть значеніе государственнаго языка на всемъ пространствѣ Русской державы. Этотъ языкъ обязанъ понимать всякій грамотный русскій подданный, и офиціальныя

объясненія, словесныя и письменныя, должны исключительно на немъ производиться отъ Прусской границы до Тихаго Океана и отъ Арарата до Торнео. Къ сожалѣнію, эта осязательно-ясная истина не была понята у насъ до послѣдняго времени или была заслонена вошедшими въ нашу плоть и кровь предразсудками. Императоръ Александръ I въ 1812 году сообщалъ петербургскому генералъ-губернатору Салтыкову о вступленіи Французовъ письмомъ на французскомъ языкѣ; Николай Павловичъ, въ первое свое посѣщеніе Варшавы послѣ мятежа 1830 года, дозволилъ польской депутаціи обратиться къ себѣ на французскомъ языкѣ, и на французскомъ же языкѣ произнесъ отвѣтную, извѣстную громовую свою рѣчь. Не знаемъ на какомъ языкѣ объяснялся князь Паскевичъ со своими польскими министрами; но письменныя его сношенія съ ними велись по-русски. За то сношенія министерствъ съ подчиненными имъ лицами и учрежденіями велись исключительно по-польски даже и въ тѣхъ случаяхъ когда эти лица были Русскими по происхожденію. Когда же въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вступилъ маркизъ Велёпольскій, не знавшій русскаго языка и щеголявшій этимъ, то доклады намѣстнику стали писать по-французски, и русскій языкъ, какъ уже было въ своемъ мѣстѣ замѣчено, былъ вытолкнутъ и изъ тѣхъ немногихъ канцелярій гдѣ онъ до того находилъ пріютъ. Еслибы въ періодъ съ конца 1861 года до конца 1863 года ввести человѣка съ завязанными глазами въ пріемную залу варшавскаго Замка, онъ вѣрно вообразилъ бы что находится въ Тюильри, въ пріемной французскаго, а никакъ не русскаго правительственнаго лица...

Послѣ этого мы поймемъ какъ велико было значеніе обращенія князя Черкасскаго къ своимъ подчиненнымъ на русскомъ языкѣ тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность. По-русски же объяснялся князь со всѣми обращавшимися къ нему какъ къ министру. По-русски же начала писать его канцелярія, это разумѣется само собою; но менѣе естественнымъ, за то болѣе характеристичнымъ представляется то что совѣтъ управленія, послѣдовавшій въ 1861 году, какъ было сказано въ другомъ мѣстѣ, устранить по примѣру Велёпольскаго изъ своей канцеляріи русскій языкъ и игнорировавшій его до конца 1864 года, сносился съ главнымъ директоромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, съ нимъ однимъ, по-русски...

Толчекъ былъ данъ,—послѣдствія его не замедлили оказаться! Слова Милютина писанныя нѣкогда къ Соловьеву о томъ что реформы въ Царствѣ Польскомъ должны быть совершены русскими руками начинали осуществляться. Министры получившіе назначеніе по представленіямъ графа Берга и его предмѣстниковъ, одинъ за другимъ уступали свои мѣста лицамъ русскаго происхожденія; сенатору Арцимовичу поручено было подготовленіе судебной реформы; на Брауншвейга возложена была ликвидаціонная операція, а вслѣдствіе такихъ назначеній сфера русскаго языка расширялась. Со введеніемъ судебной реформы онъ проникъ въ судъ. Онъ началъ получать права гражданства не только въ Варшавѣ,—мѣстопребываніи центральныхъ учрежденій, гдѣ устроился Русскій Клубъ,—но и въ провинціи. Туда онъ проникалъ съ коммиссарами, со вновь назначаемыми губернаторами, съ губернскими, а отчасти и съ уѣздными властями, наконецъ съ войсками, съ солдатскою лѣсней, съ солдатскимъ балагурствомъ. А для того, чтобы можно было въ самомъ дѣлѣ производить реформы въ Царствѣ Польскомъ исключительно русскими руками, почти не прибѣгая къ пособію польскихъ, въ то время еще крайне ненадежныхъ, 30 іюля 1867 года были Высочайше дарованы значительныя права и преимущества лицамъ вызываемымъ изъ Имперіи на службу въ Царство.

Одновременно съ этимъ въ интересѣ русскаго языка принимались самыя дѣятельныя мѣры въ учебной сферѣ. Мы только что видѣли съ какою заботливостью верховная власть, безъ сомнѣнія по представленію Милютина, относилась къ устройству русскихъ школъ въ уніятской мѣстности. Препровождая указъ объ этихъ школахъ къ графу Бергу для исполненія, а вмѣстѣ и нѣкоторые другіе законопроекты Милютина удостоившіеся Высочайшаго утвержденія, Государь поручалъ своему намѣстнику въ Варшавѣ „имѣть особое попеченіе о преуспѣяніи и возможномъ усовершенствованіи варшавской русской гимназіи и состоящаго при ней начальнаго училища и женской прогимназіи, такъ чтобъ эти заведенія могли во всѣхъ отношеніяхъ быть образцовыми“. Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ возлагалось на Учредительный Комитетъ разрѣшать сомнѣнія относительно того, на какомъ языкѣ должно преподавать въ тѣхъ элементарныхъ училищахъ которыя посѣщаютъ дѣти различныхъ

національностей.* А такъ какъ подобныя сомнѣнія могли возникать и возникали также и въ гимназіяхъ, то относительно ихъ вопросъ былъ разрѣшенъ принципіально: гимназіи посѣщаемыя учениками или ученицами различныхъ національностей повелѣно было называть *смѣшанными* и преподавать въ нихъ на русскомъ языкѣ.** Затѣмъ, такъ какъ оказалось—чего впрочемъ и ожидать слѣдовало—что для литовскихъ гимназій не имѣется ни учебниковъ на литовскомъ языкѣ, ни учителей которые могли бы преподавать на немъ, то и въ этихъ гимназіяхъ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ. 10 февраля 1868 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преподаваніи во всѣхъ вообще гимназіяхъ Царства Польскаго нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а 1 мая 1869 года и остальныхъ предметовъ гимназическаго курса, кромѣ Закона Божія. Рядъ распоряженій въ интересѣ русскаго языка, послѣдовавшихъ отчасти уже по удаленіи отъ дѣлъ Милютина и Черкасскаго, завершился Высочайшимъ повелѣніемъ 2 декабря 1871 года объ обязательномъ преподаваніи всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ ***.

Такое настойчивое расширеніе правъ русскаго языка въ школѣ Царства Польскаго очевидно свидѣтельствуетъ о желаніи сблизить это Царство съ Имперіей. Въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи, при коемъ были препровождены утвержденные Государемъ уставы начальныхъ училищъ, Варшавской русской гимназіи и пр., на намѣстника (разумѣется при участіи Учредительнаго Комитета) возлагалось составить проекты уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній „на общихъ началахъ новаго устава гимназій въ Россіи“ и предположенія о преобразованіи Варшавской Главной Школы въ университетъ „съ примѣненіемъ къ нему по мѣрѣ возможности общаго устава Россійскихъ университетовъ“. Вообще намѣстнику вмѣнялось въ обязанность не терять, при предстоящемъ преобразованіи учебной системы въ Царствѣ, изъ виду учебную систему существующую въ Имперіи, преобразовать уѣздныя училища въ прогимназіи и т. п. Такимъ образомъ начавшееся съ крестьянской реформы сбли-

* Постановл. Учред. Комит. 22 сентября 1864 года.

** О трехъ послѣднихъ помянутыхъ распоряженіяхъ см. циркуляры соотвѣтствующихъ годовъ по Варш. учебн. округу.

*** Цирк. по Варш. учеб. окр. 1871.

женіе между учрежденіями Имперіи и Царства получило дальнѣйшее развитіе въ реформѣ учебной. Та же идея сближенія замѣчается въ преобразованіяхъ совершившихся въ сферѣ чисто административной (уничтоженіе губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ), въ системѣ государственныхъ повинностей и особенно въ уничтоженіи таможенной линіи между Царствомъ и Имперіей, въ организаціи суда, даже въ преобразованіяхъ по духовному вѣдомству (назначеніе постояннаго содержанія священникамъ и монахамъ, изъятіе католическихъ монастырей изъ-подъ власти *генераловъ*). Эта идея сближенія выразилась наконецъ самымъ осязательнымъ образомъ въ уничтоженіи варшавскихъ министерствъ (главныхъ коммиссій) и званія намѣстника, послѣднимъ изъ коихъ былъ графъ Бергъ.

Многія изъ этихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ Царства Польскаго къ Имперіи, равно какъ нѣкоторыя распоряженія по учебной части вообще, а по предмету русскаго языка спеціально, совершены были уже послѣ удаленія отъ дѣлъ Н. А. Милютина. Поэтому рождается вопросъ: „слѣдуетъ ли причислять ихъ къ тому что̀ принято называть „Милютинскою системой“? Безаппелляціонный отвѣтъ на это можетъ дать только продолженіе той интимной переписки которою пользовался г. Леруа Больѣ. Но по словамъ людей бывшихъ близкими къ Милютину и къ Черкасскому, оба они еще въ самомъ началѣ своей реформаторской дѣятельности имѣли въ виду уничтоженіе отдѣльныхъ министерствъ въ Царствѣ Польскомъ; а если такъ, то ими были усвоены самыя крайнія заключительныя мѣры системы сближенія Царства съ Имперіей, слѣдовательно и всѣ вышеисчисленныя мѣры относительно сближенія Царства съ Имперіей, или включенія его въ составъ Имперіи, должны быть признаны развитіемъ все той же „Милютинской системы“.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

Варшава.
Октябрь 1882.

I.

Копія со всеподданнѣйшей докладной записки статсъ-секретаря Милютина отъ 22 мая 1864 года съ представленіемъ проектовъ по учебной части въ Царствѣ Польскомъ.

На подлинной собственною Государя Императора рукой написано: „Внести въ Польскій Комитетъ съ приглашеніемъ министра Народнаго Просвѣщенія".

Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное образованіе между тамошними крестьянами. Безъ этого они не могутъ воспользоваться благодѣяніями новаго устройства, и самая будущность общественнаго управленія, столь необходимаго для спокойствія края, представляется мало обезпеченною. Съ другой стороны, враждебныя Россіи партіи очень хорошо понимаютъ что отнынѣ является въ Польшѣ новый общественный дѣятель—многочисленный классъ земледѣльцевъ-собственниковъ, и что для поддержанія крамольныхъ замысловъ необходимо дать ему соотвѣтственное направленіе посредствомъ народныхъ школъ. Такимъ образомъ правительству предстоитъ, съ одной стороны, обезпечить сельскому населенію средства къ обученію а съ другой—отвратить по возможности послѣдствія готовящейся (и частію уже начатой) политической и религіозной пропаганды.

Это тѣмъ необходимѣе что уставъ объ общественномъ образованіи въ Польшѣ, изданный въ 1862 году и къ счастію не вполнѣ еще приведенный въ дѣйствіе, даетъ всѣ средства для означенной пропаганды.

Ближайшее изученіе этого устава и особенно объясненій сдѣланныхъ на него самими составителями, а также всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ административныхъ распоряженій, убѣждаетъ что реформа 1862 года не столько въ изданномъ законѣ, сколько въ исполненіи онаго проникнута была самымъ враждебнымъ противъ Россіи направленіемъ и очевиднымъ намѣреніемъ подчинить насильственно польскому элементу всѣ другія мѣстныя племена которыя составляютъ однакоже почти третью часть населенія Царства.* Въ этихъ видахъ между прочимъ сельскія школы отданы въ полное распоряженіе духовенства и мѣстной шляхты, съ устраненіемъ всякаго контроля и руководства со стороны правительства.

---

* На 4.800.000 жителей, считается Русскихъ (уніятовъ) 230.000, Нѣмцевъ 300.000, Литовцевъ 270.000 и Евреевъ 650.000, итого 1.450.000 человѣкъ не принадлежащихъ къ польской народности и которыхъ извѣстная партія старается всѣми силами *полонизировать*.

Сознавая высокое значеніе настоящаго предмета не только для возраждающагося крестьянскаго сословія въ Польшѣ, но и для будущности всей польской націи, я счелъ обязанностью во время моего послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, при содѣйствіи состоявшаго при мнѣ помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ коллежскаго совѣтника Гильфердинга, заняться подробнымъ разборомъ дѣйствующаго нынѣ въ Царствѣ законодательства по учебной части, прослѣдить исторически разныя системы коимъ слѣдовало въ этомъ отношеніи правительство съ 1815, и особенно съ 1831 года, вникнуть въ послѣдствія каждой системы, а затѣмъ, пользуясь указаніями опыта и изучивъ нынѣшнее положеніе означенной части въ Польшѣ, изложить предположенія о дальнѣйшемъ направленіи оной сообразно съ истинными пользами края и общими видами правительства.

Сущность этихъ предположеній заключается въ слѣдующемъ:

1) Отказавшись навсегда отъ мысли (по моему убѣжденію совершенно непрактической) вводить такъ-сказать силой русскій элементъ между Поляками, необходимо лишь устранить рѣшительно столько же насильственную полонизацію другихъ мѣстныхъ элементовъ, какъ-то: русскаго, нѣмецкаго, литовскаго, еврейскаго и др. Для этого надлежитъ не только пересмотрѣть и измѣнить въ чемъ нужно уставъ 1862 года и изданныя на основаніи онаго инструкціи, но принять также мѣры къ образованію по возможности отдѣльныхъ училищъ для разноплеменныхъ населеній Царства. Этимъ лишь средствомъ можно будетъ оградить элементы слабѣйшіе отъ посягательства польской національности, въ которой такъ несчастливо сочеталась политическая исключительность съ нетерпимостью религіозною.

2) Распространить сельскія и вообще элементарныя школы, устранивъ по возможности одностороннее вліяніе на нихъ ксендзовъ, монаховъ и шляхты и предоставивъ въ замѣнъ того опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ новому общественному управленію.

3) Обратить особенное вниманіе на женское воспитаніе, получившее издавна самое ложное направленіе въ Польшѣ. Уставъ 1862 года, закрывъ внезапно женскія гимназіи только-что возникшія подъ покровительствомъ Русскаго правительства, усилилъ тѣмъ монастырское воспитаніе, столь пагубно дѣйствующее на польскихъ женщинъ. Поэтому возстановленіе женскихъ открытыхъ училищъ, принявшихся весьма успѣшно въ 1860 и 1861 годахъ, должно быть, какъ мнѣ кажется, первымъ шагомъ въ этомъ важномъ вопросѣ.

4) Дабы предположенныя мѣры исполнялись на самомъ дѣлѣ и совершенно въ духѣ правительства,—образовать въ краѣ учебныя дирекціи, поручивъ ихъ людямъ совершенно благонадежнымъ, преимущественно Русскимъ и частію Нѣмцамъ, которые, какъ само собой разумѣется, должны относиться совершенно нейтрально ко всѣмъ водворившимся въ краѣ

національностямъ, устраняя лишь пропаганду исключительнаго полонизма.

5) Существующимъ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ общимъ такъ и спеціальнымъ, дать прочное устройство, не увлекаясь нисколько какими-либо политическими видами, несовмѣстными съ дѣломъ образованія, но заботясь лишь о развитіи самой науки и поощреніи серіозныхъ занятій въ польскомъ юношествѣ. Предшествующій опытъ обнаружилъ слишкомъ осязательно какой обширный просторъ открываетъ для революціонной пропаганды то поверхностное, энциклопедическое ученіе, которое къ несчастью преобладало въ нашихъ среднихъ и даже высшихъ училищахъ, а потому для упроченія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Польшѣ всего полезнѣе будетъ направить умственную дѣятельность молодаго поколѣнія къ плодотворному научному труду. Въ этихъ видахъ варшавскую Главную Школу желательно бы преобразовать въ настоящій университетъ, измѣнивъ при этомъ всѣ тѣ постановленія 1862 года которыя слишкомъ явно проникнуты стремленіями политики того времени.

Руководствуясь этими соображеніями, я счелъ долгомъ составить на первый разъ четыре проекта:

1) О начальныхъ училищахъ.
2) О женскихъ гимназіяхъ.
3) О нѣмецкомъ училищѣ въ Варшавѣ (по образцу с.-петербургской Петропавловской школы).
4) Объ учрежденіи учебныхъ дирекцій.

Сіи четыре проекта, вмѣстѣ съ объяснительною запиской и собранными по сему дѣлу матеріалами, имѣю счастіе повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

При этомъ считаю обязанностью всеподданнѣйше доложить что если уставъ 1862 года подвергнется существеннымъ измѣненіямъ не только въ частныхъ постановленіяхъ, но и въ самомъ духѣ и направленіи своемъ, то исполненіе сего въ Царствѣ встрѣтитъ неминуемо важныя затрудненія въ нынѣшнемъ личномъ составѣ Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія. Отъ ея настоящихъ дѣятелей нельзя ни ожидать, ни даже требовать столь коренаго измѣненія въ системѣ, во имя которой они возникли и нынѣ дѣйствуютъ. Подтвержденіе сего можно найти въ самыхъ документахъ мною представляемыхъ. Между тѣмъ личность исполнителей особенно важна въ дѣлѣ народнаго образованія, коего духъ и направленіе не столько зависятъ отъ законодательныхъ опредѣленій сколько отъ личныхъ вліяній.

Посему не могу не выразить глубокаго убѣжденія что успѣхъ новыхъ законодательныхъ мѣръ по учебной части тѣсно и неразрывно связанъ съ вопросомъ о личномъ составѣ какъ общаго въ Варшавѣ управленія этою частію, такъ и предполагаемыхъ учебныхъ дирекцій въ Царствѣ.

Подписалъ. *Ст.-Секр. Николай Милютинъ.*

II.

Объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ.

Общая объяснительная записка.

Общественное воспитаніе въ прежней Польской республикѣ находилось въ рукахъ духовенства и преимущественно іезуитовъ. Въ царствованіе послѣдняго короля Станислава-Августа нѣкоторые изъ патріотовъ, видя паденіе своего отечества, поняли что оно можетъ быть спасено только кореннымъ внутреннимъ обновленіемъ, и потому общественное воспитаніе сдѣлалось тогда одною изъ первенствующихъ заботъ польскихъ мыслителей и политическихъ дѣятелей. Но было уже слишкомъ поздно. Только подъ прусскою властью и затѣмъ подъ французскимъ управленіемъ стали учреждаться въ Польшѣ свѣтскія учебныя заведенія, хотя въ весьма недостаточномъ числѣ. Въ 1815 году блаженной памяти императоръ Александръ I нашелъ въ Польшѣ начало организаціи элементарныхъ школъ, нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ орденомъ піаровъ, и спеціальныя школы юридическихъ и административныхъ наукъ и медицинскую, основанныя подъ французскимъ вліяніемъ. Въ великодушной заботливости о благѣ Польши императоръ Александръ основалъ въ 1816 году въ Варшавѣ университетъ, состоявшій изъ пяти факультетовъ, въ томъ числѣ и богословскаго. Кромѣ того, въ періодъ съ 1815 по 1830 годъ значительно умножились какъ низшія, такъ и среднія училища. Среднія училища (такъ-называемыя воеводскія школы) поставлены были попрежнему подъ особымъ вліяніемъ ордена піаровъ; низшія — въ завѣдываніи учрежденныхъ въ 1808 году мѣстныхъ комитетовъ *(дозоровъ)*, состоявшихъ изъ приходскаго священника, помѣщика, войта или бургомистра и двухъ или трехъ мѣстныхъ жителей. Русское правительство въ этотъ періодъ нашего владычества въ Польшѣ не поставляло себѣ въ учебномъ дѣлѣ никакой особой политической цѣли, руководствуясь единственно безкорыстнымъ желаніемъ общаго блага. Оно очевидно думало только *о просвѣщеніи для просвѣщенія*; но какъ исполненіе мыслей правительства было поручено исключительно Полякамъ, безо всякаго дѣйствительнаго съ нашей стороны контроля, то они сдѣлали народное образованіе политическимъ для себя средствомъ и обратили его въ оружіе противъ насъ. Извѣстно участіе учебныхъ заведеній въ подготовленіи и поддержкѣ революціи 1830—1831 года.

Когда мятежъ былъ подавленъ, правительство, понявъ какую важную политическую силу враждебныя намъ партіи нашли для себя въ школахъ, рѣшилось взять это оружіе въ

свои руки и воспользоваться общественнымъ образованіемъ какъ средствомъ для упроченія въ Царствѣ законной власти и для возможнаго сліянія двухъ народностей, русской и польской. Такимъ образомъ въ принятой тогда системѣ самое просвѣщеніе сдѣлалось какъ бы предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ выступила цѣль политическая. Въ настоящее время можно уже судить объ этой системѣ какъ объ историческомъ явленіи прошлаго и отдать себѣ безпристрастный отчетъ въ ея результатахъ.

Сущность тогдашней системы правительства заключалась въ слѣдующемъ:

Распространеніе и развитіе высшаго образованія въ предѣлахъ Царства признавалось дѣломъ небезопаснымъ, ибо при мѣстномъ составѣ и настроеніи общества открывало бы доступъ революціоннымъ идеямъ враждебнымъ монархическому порядку.

Вслѣдствіе этихъ опасеній правительство, послѣ закрытія Варшавскаго университета въ 1831 году, въ продолженіе 25 лѣтъ не допускало въ Царствѣ Польскомъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни обще-образовательнаго, ни спеціальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно уменьшалось и число среднихъ обще-образовательныхъ заведеній.

Въ 1830 году было въ Царствѣ 15 гимназій (такъ-называемыхъ воеводскихъ школъ); послѣ преобразованія училищной части въ 1833 году сохранено 11, а въ исходѣ 40хъ годовъ осталось всего 7, со включеніемъ въ то число Варшавскаго благороднаго института.

Въ 1851 году право поступать въ гимназіи было предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ.

Въ первоначальномъ образованіи также не обнаружилось достаточнаго развитія. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ что въ теченіе 32 лѣтъ, съ 1828 по 1860 годъ, элементарныхъ школъ въ Царствѣ прибавилось только 359, въ томъ числѣ 250 евангелическихъ (для Нѣмцевъ). Въ 1828 году считалось въ Польшѣ казенныхъ элементарныхъ училищъ 714, въ 1860 году—1.074. Нельзя притомъ не замѣтить что половина этихъ школъ принадлежитъ городамъ. Сельскихъ училищъ было въ 1828 году только 340, въ 1870 году—557.

Учебнымъ заведеніямъ придавался преимущественно спеціальный, утилитарный характеръ. Направляя юношей съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ какому-либо ремеслу или спеціальному развитію, правительство надѣялось отвратить ихъ отъ политическихъ замысловъ.

Этотъ взглядъ сталъ преобладать въ особенности съ 1845 года. Значительная часть уѣздныхъ училищъ изъ общеобразовательныхъ классическихъ или, какъ они назывались въ Польшѣ, филологическихъ, обращены тогда въ реальныя, причемъ одни изъ нихъ получили коммерческую, другія техническую, третьи—агрономическую спеціальность. Въ филологическія школы дозволено было поступать только дѣтямъ высшихъ сословій и плата въ нихъ значительно повышена противъ

реальныхъ училищъ. Гимназіямъ придано тоже спеціальное направленіе, такъ что въ нихъ курсы въ высшихъ классахъ дѣлились на отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, причемъ нѣкоторыя гимназіи еще спеціально были предназначены для образованія чиновниковъ и юристовъ, другія—для образованія техниковъ, третьи—для спеціалистовъ по горной части и т. д.

Надѣясь устраненіемъ высшаго преподаванія наукъ и поощреніемъ спеціальнаго техническаго знанія, вмѣсто общаго образованія, ослабить въ мѣстномъ юношествѣ господство политическихъ утопій и идеальныхъ стремленій, правительство въ то же время старалось посредствомъ учебныхъ заведеній утвердить русское вліяніе. Мы не пошли такъ далеко какъ Прусское правительство, которое прямо и открыто дало исключительный германскій характеръ всѣмъ школамъ въ Познанскомъ герцогствѣ, и только послѣ потрясеній 1848 года дозволило возстановить въ немногихъ изъ нихъ преподаваніе на польскомъ языкѣ. Не отрицая правъ польской національности, не изгоняя польскаго языка изъ школъ, мы желали только посредствомъ училищъ сблизить Поляковъ съ русскою стихіей, внушить имъ сознаніе первенства Россіи между славянскими народами и искоренить въ нихъ незамѣтнымъ образомъ старыя ихъ понятія и предубѣжденія. * Подчинивъ въ 1839 году учебную часть въ Царствѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Имперіи, правительство стало направлять въ русскіе университеты молодыхъ Поляковъ желавшихъ получить высшее образованіе и установило для нихъ нѣсколько стипендій. Русскому языку дано было значительнѣйшее мѣсто между предметами преподаванія въ Царствѣ; усилены занятія русскою исторіей и преподаваніе исторіи вообще поручено Русскимъ; приняты разныя мѣры чтобы польское юношество выносило изъ среднихъ училищъ не только теоретическое, но и практическое знаніе русскаго языка.

—

Результаты всей этой тридцатилѣтней системы по общему сознанію не оправдали ожиданій.

Уровень образованія въ Польшѣ значительно упалъ; поколѣніе воспитанное послѣ 1830 года, по несомнѣнному свидѣтельству всѣхъ знающихъ Край, невѣжественнѣе прежняго поколѣнія и въ то же время гораздо хуже его въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе. Нельзя не сознаться что въ самомъ основаніи принятой системы общаго воспитанія въ Царствѣ лежала ошибка.

Затрудняя Полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ

* Такъ опредѣлилъ систему общаго образованія въ Царствѣ Польскомъ бывшій министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Уваровъ во всеподданнѣйшей запискѣ представленной имъ въ 1843 году.

серіозной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ. Въ Полякахъ вообще всего болѣе недостаетъ критическаго направленія ума и той самостоятельности мысли которая необходима чтобы противустоять фантастическимъ увлеченіямъ и одностороннему вліянію общественной среды. А тогдашняя система воспитанія отстраняла именно все то что способно направить молодаго человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ приготовилась почва на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

Съ другой стороны, явное предпочтеніе которое оказывалось русскому языку предъ польскимъ во всѣхъ училищахъ имѣло послѣдствіемъ что мы раздражали Поляковъ не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ.

Мѣры которыя принимались въ Царствѣ не могли быть доведены до того чтобы въ учащейся молодежи изглаживалась польская народность подобно тому какъ это дѣлалось въ прусскихъ школахъ; мы не обрусили ни одного Поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую національность. При этомъ мѣры которыя принимались имѣли въ виду исключительно высшія сословія польской націи: дворянство, чиновничество и горожанъ. Всѣ усилія были устремлены на то чтобы въ этихъ слояхъ молодыя поколѣнія испытали на себѣ нравственное вліяніе русской стихіи, сблизились или слились съ Россіей; тотъ же слой народа который мы дѣйствительно могли подчинить своему вліянію, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Польши (напримѣръ, въ Люблинской губерніи) даже совершенно обрусить, былъ оставленъ на произволъ самыхъ враждебныхъ намъ элементовъ. Въ этотъ періодъ времени не было обращено почти никакого вниманія на простонародныя школы. Закрывъ въ 1833 году прежніе мѣстные комитеты, или *дозоры*, завѣдывавшіе элементарными училищами, правительство постановило чтобы каждое изъ такихъ училищъ имѣло своего особаго опекуна и чтобы такимъ опекуномъ училища назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Въ основѣ этого распоряженія лежала мысль, безъ сомнѣнія справедливая, что первоначальное обученіе должно быть въ тѣсной связи съ религіей и церковью; но при исключительномъ направленіи духовенства въ Царствѣ Польскомъ примѣненіе здѣсь этого общаго начала вело очевидно къ результатамъ прямо противуположнымъ предстоявшей задачѣ. Послѣдствія дѣйствительно показали что въ двадцатилятилѣтіе послѣ 1830 года польская національность значительно усилилась даже въ ущербъ тому русскому элементу который сохранился отъ прежняго времени несмотря на вѣковыя притѣсненія и что власть като-

лическаго духовенства пустила еще болѣе глубокіе корни въ странѣ. *

Нельзя не замѣтить также нашего совершеннаго невниманія къ жалкому воспитанію въ Польшѣ. До 1857 года существовало на все Царство одно казенное учебное заведеніе для дѣвицъ и то закрытое, съ ограниченнымъ пріемомъ. Вслѣдствіе этого женское воспитаніе сосредоточивалось въ Польшѣ, по старому, въ монастырскихъ пансіонахъ.

Послѣ 1856 года приняты были мѣры, которыя, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, должны были устранить постепенно недостатки прежней системы. Доступъ въ обще-образовательныя или филологическія училища былъ открытъ всѣмъ сословіямъ. Учрежденіемъ въ Варшавѣ медико-хирургической академіи положено начало возстановленію въ Польшѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Открыты женскія училища въ Варшавѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ. Обнаружилось несомнѣнное стремленіе правительства улучшить систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и поднять въ немъ уровень преподаванія.

Къ несчастію, исполненіе этой реформы не было совершаемо мѣстными дѣятелями въ духѣ прямой, безкорыстной заботливости о просвѣщеніи. Въ преобразованіи учебной части въ Польшѣ, предпринятомъ по мысли и подъ вѣдѣніемъ бывшаго главнаго директора Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, маркиза Велёпольскаго, просвѣщеніе само по себѣ сдѣлалось, какъ и за 30 лѣтъ тому назадъ, предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ выдвинута политическая цѣль. Только цѣль взята была прямо противуположная той какая лежала въ основаніи системы 30хъ годовъ. Въ то время общественное образованіе служило средствомъ утвердить русское господство въ Польшѣ: маркизъ Велёпольскій, пользуясь тѣмъ же орудіемъ, направилъ общественное образованіе къ тому чтобъ устранить всякое вліяніе Россіи надъ Польшей.

Вся организація учебной части введенная въ 1862 году имѣетъ этотъ характеръ. Не входя здѣсь въ частности, достаточно указать на тѣ существенныя основанія новаго устава которыя отличаютъ его отъ прежняго устройства учебной

---

* Такимъ образомъ, несмотря на принятыя правительствомъ мѣры, народный элементъ постоянно былъ подавляемъ въ греко-уніятскихъ первоначальныхъ училищахъ совокупными усиліями помѣщиковъ и той части уніятскаго духовенства которая изъ честолюбія или другихъ видовъ подчинилась вполнѣ вліянію латинства. Любопытныя въ этомъ отношеніи указанія заключаются въ отношеніи намѣстника князя Варшавскаго отъ 25 января (6 февраля) 1849 года, № 47. Хотя затѣмъ приступлено было къ постепенному открытію отдѣльныхъ уніятскихъ училищъ, но число ихъ къ 1860 году едва ли доходило до 52 и при этомъ характеръ преподаванія въ нихъ оставался большею частію прежній, то-есть непріязненный народному русскому элементу.

части и придаютъ ему значеніе непріязненной намъ политической мѣры.

Въ прежней системѣ управленіе училищами было сильно централизовано посредствомъ директоровъ губернскихъ гимназій, которымъ непосредственно подчинены были всѣ училища въ губерніи, и инспекторовъ, состоявшихъ при каждой гимназіи и каждомъ уѣздномъ училищѣ. Въ новомъ уставѣ, напротивъ того, децентрализація доведена до крайности невиданной ни въ какомъ государствѣ гдѣ народное образованіе находится въ завѣдываніи правительства; прежнія должности инспекторовъ уничтожены; не только каждая гимназія, но и каждое уѣздное училище составляетъ самостоятельное учрежденіе подъ управленіемъ ректора назначаемаго изъ учителей, съ обязанностью продолжать преподаваніе своего предмета. Его обязанности въ сущности ограничиваются частью хозяйственною. Часть дисциплинарная въ гимназіяхъ поручена почти исключительно католическимъ законоучителямъ съ титуломъ префекта. Преподаваніе поставлено внѣ всякаго правительственнаго контроля, ибо визитаторы училищъ, коихъ полагается только двое на все Царство Польское, — оба имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ Варшавѣ,—не могутъ дѣйствительно слѣдить за ходомъ ученія, тѣмъ болѣе что по ст. 65 учрежденія Коммиссіи Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, эти два визитатора обязаны разсматривать и обрабатывать дѣла для Совѣта Народнаго Просвѣщенія и въ сущности только эта обязанность ими исполняется.

При господствующемъ въ Полякахъ настроеніи можно понять все политическое значеніе такой системы. Чтобъ она могла скорѣй получить свое дѣйствіе правительственная Коммиссія Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ 1862 году уволила 49 учителей и рѣшилась перемѣстить всѣхъ остальныхъ, дабы порвать прежнія ихъ связи и привычки, какъ объяснено въ отчетѣ Коммиссіи за тотъ годъ. Это было очевидно вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать учителей послушными орудіями той общественной среды въ которую они попадали, и однимъ разомъ уничтожить преданія установившіяся въ школахъ въ продолженіе прежнихъ 30 лѣтъ. Несмотря на значительныя издержки, потребовавшіяся для этого общаго передвиженія учителей, означенная мѣра, какъ видно изъ того же отчета, была примѣнена во всей строгости.

При этомъ перемѣщеніи многіе изъ русскихъ учителей лишилась своихъ мѣстъ, а другимъ поручено преподаваніе предметовъ совершенно имъ чуждыхъ; такимъ образомъ есть примѣры училищъ гдѣ на человѣка преподававшаго всю жизнь свою русскій языкъ теперь возложены уроки латинскаго языка, а русскій не преподается подъ предлогомъ неимѣнія учителя.

Вмѣстѣ съ этимъ всеобщимъ передвиженіемъ учителей, предпринято было въ огромныхъ размѣрахъ перемѣщеніе

училищъ, несмотря на явныя неудовольствія и значительныя издержки, съ тою лишь цѣлію чтобы прервать всякую связь съ понятіями и преданіями прежняго времени; такъ, между прочимъ, уставъ 1862 года постановилъ закрыть Варшавскій благородный институтъ, изъ котораго, по мнѣнію распространенному въ польскомъ обществѣ, выносили направленіе мало благопріятствовавшее польскимъ тенденціямъ, и основать новый институтъ въ Люблинѣ, подъ именемъ лицея. Въ зданіе Варшавскаго благороднаго института перемѣщенъ изъ Новой Александріи существовавшій тамъ дѣвичій институтъ, который соединенъ съ Варшавскимъ Маріинскимъ пансіономъ, а на мѣсто дѣвичьяго института переведенъ въ Новую Александрію (Пулавы) изъ Маримонта, что подъ Варшавой, Земледѣльческій институтъ въ соединеніи съ Варшавскою реальною гимназіей, причемъ эти два учебныя заведенія возведены на степень высшей спеціальной школы подъ названіемъ Политехническаго и Земледѣльческаго Лѣснаго института. Въ зданіи Варшавской реальной гимназіи опредѣлено учредить новое училище каменьщичьихъ и плотничьихъ мастеровъ. Словомъ, въ размѣщеніи училищъ произведена огромная ломка, для которой трудно найти другую причину, какъ только вышеуломянутое желаніе уничтожить однимъ разомъ связь съ прошлымъ.

Между прочимъ, особенно неудобнымъ кажется учрежденіе въ Новой Александріи Политехническаго Института и соединеніе его съ институтомъ Земледѣльческимъ. Такимъ образомъ будущіе техники, машинисты и инженеры получали бы образованіе въ глуши, отдаленной отъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и какихъ бы то ни было промышленныхъ заведеній. Въ то же время нельзя не признать вреднымъ, при современномъ положеніи Края, соединенія въ одномъ закрытомъ училищѣ людей готовящихся къ земледѣльческимъ занятіямъ съ молодыми ремесленниками, фабричными и пр.

При децентрализаціи въ учебномъ управленіи, столь невыгодной для правительства, при существующихъ въ Польшѣ отношеніяхъ, введенная въ 1862 году система, съ другой стороны, совершенно противорѣчитъ этому принципу и впадаетъ въ противуположную крайность когда дѣло идетъ о томъ чтобы распространить господство польской національности. Главная цѣль нашего училища въ Царствѣ—образовать хорошаго, достойнаго польскаго *обывателя*, * такъ объяснялась мысль законодателя въ статьяхъ которыя печатались во *Всеобщемъ Дневникѣ* во время приготовленія реформы 1862 года. Въ одной изъ этихъ статей прежнее постановленіе нашего правительства, дозволявшее нѣмецкимъ обществамъ въ Царствѣ содержать свои особыя нѣмецкія

---

* То-есть гражданина, citoyen: въ Польшѣ это званіе придается только шляхтичу или человѣку который примыкаетъ къ шляхетству (духовному, купцу, вообще горожанину); крестьянинъ же не признается „обывателемъ“.

училища, представлено какъ особенно вредное злоухищреніе. *

Замѣчательно что даже въ мелкихъ внѣшнихъ подробностяхъ приняты были мѣры чтобъ изгладить въ польскихъ училищахъ слѣды русскаго вліянія и возобновить воспоминаніе объ устройствѣ школъ бывшемъ во время Варшавскаго герцогства и владычества ордена піаровъ надъ учебною частью. Начальники училищъ изъ директоровъ переименованы въ ректоровъ, ибо таковъ былъ въ то время ихъ титулъ. Училищные аттестаты и выпускные экзамены названы свидѣтельствами зрѣлости (maturitatis) и экзаменами зрѣлости, по образцу училищнаго устава варшавскаго гражданства. Созданный въ Варшавѣ университетъ названъ Главною Школой по примѣру Главной Школы существовавшей въ Краковѣ и преобразованной въ духѣ національной исключительности распоряженіемъ князя Іосифа Понятовскаго въ 1810 году. Вакаціи, вмѣсто лѣтнихъ мѣсяцевъ, назначены въ осенніе (вторая половина августа и сентябрь) несмотря на крайнее неудобство ученія въ каникулярное время. Осенніе мѣсяцы составляютъ вакаціонное время въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы по старинному обычаю восходящему къ эпохѣ господства католической церкви надъ училищами. Возстановленіе осеннихъ вакацій въ Польшѣ объясняется желаніемъ возвратиться къ преданіямъ польской старины, когда учебною частью также завѣдывали іезуиты и піары, считавшіе нужнымъ держать учениковъ въ сборѣ во время каникулъ для участія въ процессіяхъ и другихъ празднествахъ по случаю праздниковъ Божьяго Тѣла (fête Dieu) и основателей означенныхъ орденовъ (Игнатія Лойолы и Іосифа Каласанти),—праздниковъ имѣющихъ мѣсто въ срединѣ лѣта. Но всего яснѣе обличается политическая тенденція устава 1862 года въ закрытіи женскихъ гимназій и устройствѣ *дозоровъ* для управленія народными школами.

Женское воспитаніе въ Польшѣ, какъ упомянуто выше, мало обращало на себя вниманіе правительства. Только въ настоящее царствованіе оно сдѣлалось предметомъ его заботы. Необыкновенный успѣхъ учрежденнаго въ 1858 году казеннаго училища для приходящихъ дѣвицъ въ Варшавѣ, которое въ первый же годъ своего существованія не могло помѣстить всѣхъ устремившихся туда ученицъ, побудилъ бывшаго намѣстника, князя Горчакова, ходатайствовать объ открытіи въ Варшавѣ другаго отдѣленія этой школы и объ устройствѣ такихъ же училищъ въ Калишѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Сувалкахъ. Мысль эта была утверждена Высочайшимъ указомъ 3 мая 1860 года. По свидѣтельству чиновника которому было поручено открытіе означенныхъ училищъ и который печатно изложилъ свои дѣйствія во *Всеобщемъ Дневникѣ*, вездѣ женскія гимназіи привѣтствовались жителями какъ

* Евангелическихъ нѣмецкихъ школъ считалось какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ 564.

истинное благодѣяніе и уже при самомъ началѣ въ гимназіи эти записалось болѣе тысячи воспитанницъ. Между тѣмъ уставъ 1862 года чрезъ годъ или два закрываетъ всѣ эти заведенія, не замѣняя ихъ ни чѣмъ другимъ. Можно бы было затрудниться въ пріисканіи разумной причины такого распоряженія еслибъ она не была выражена въ печатной статьѣ помѣщенной во *Всеобщемъ Дневникѣ* въ видѣ поясненія къ проекту училищнаго устава, который, какъ извѣстно, былъ доведенъ безъ вѣдома высшаго правительства до всеобщаго свѣдѣнія прежде представленія на разсмотрѣніе законодательной власти. Въ этой статьѣ сказано о женскихъ гимназіяхъ открытыхъ въ 1860 году: „Дешевизна училищной платы, болѣе пространный объемъ преподаванія и возможность имѣть дочь въ своемъ семействѣ бо́льшую половину дня, наконецъ возникновеніе частныхъ квартиръ, гдѣ загородныя дѣвицы принимались на жительство гораздо дешевле чѣмъ могли это сдѣлать существовавшіе доселѣ пансіоны, притягивали всю учащуюся женскую молодежь въ казенныя училища, и пансіоны почти всѣ, съ немногими исключеніями, должны были пасть. А какъ училищное начальство считаетъ частные женскіе пансіоны какъ свѣтскіе, такъ и монастырскіе, необходимыми и болѣе соотвѣтствующими домашне-общественному воспитанію женскаго пола, то статьей 160 * проекта предположено закрыть всѣ казенныя женскія училища, кромѣ одного существующаго въ Варшавѣ. ** Итакъ польскій законодатель признавалъ за казенными женскими гимназіями преимущество дешевизны, болѣе обширнаго образованія и бо́льшаго удобства для семействъ, но ему, для цѣлей очевидно постороннихъ дѣлу просвѣщенія, нужно было чтобы воспитаніе польской женщины находилось въ частныхъ рукахъ и въ особенности въ рукахъ монашескихъ орденовъ.

Покровительствуя во всемъ вліянію духовенства на образованіе, передавая ему дисциплинарную власть въ гимназіяхъ, уставъ 1862 года въ одномъ только случаѣ менѣе благопріятенъ ему нежели прежняя наша система, а именно въ отношеніи къ управленію первоначальными сельскими училищами. Управленіе это, какъ уже замѣчено, было съ 1833 года поручено *опекунамъ*, причемъ въ должность опекуна училища назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Уставъ 1862 года возстановляетъ существовавшіе прежде, на основаніи постановленій 1808 года, мѣстные училищные дозоры составленные изъ помѣщика или, заступающаго его мѣсто, приходскаго священника и двухъ членовъ по выбору отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ гминѣ. Разница между прежнимъ и новымъ уставомъ та что по учрежденію 1808 года, вездѣ гдѣ имѣлся евангелическій пасторъ, онъ былъ, какъ и католическій приходскій священникъ, непремѣннымъ членомъ училищнаго дозора, а въ уставѣ

---

* Въ утвержденномъ уставѣ, статья 158.
** *Dziennik Powszechny* 1861 года, № 28.

1862 года нѣтъ этого постановленія въ пользу протестантскаго духовенства. Замѣна единоличнаго надзора ксендза надъ мѣстною школой особымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ объясняется въ мысли законодателя политическимъ соображеніемъ, изложеннымъ печатно въ статьѣ бывшаго воронежскаго гражданскаго губернатора Лащинскаго, который подъ руководствомъ маркиза Велёпольскаго проектировалъ отдѣлъ устава относящійся къ элементарному образованію. Уничтоженіе въ 1833 году училищныхъ дозоровъ имѣло прямымъ послѣдствіемъ что назначеніе учителей стало производиться независимо отъ помѣщиковъ и безъ ихъ вѣдома. При такомъ порядкѣ вещей, говоритъ г. Лащинскій, „учителя эти, желая для собственныхъ своихъ выгодъ пріобрѣсти расположеніе крестьянъ, не ограничивались исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, но старались улучшить свое положеніе тѣмъ что давали поселянамъ совѣты въ разныхъ дѣлахъ, писали имъ жалобы на помѣщиковъ, распространяя такимъ образомъ несогласіе и нерасположеніе между дворомъ (то-есть помѣщичьею усадьбой) и деревней. Въ такомъ положеніи дѣла, помѣщики, видя въ сельскихъ учителяхъ главный источникъ столь пагубно распространеннаго въ настоящее время тайнаго подстрекательства, не колебались, изъ личныхъ видовъ, употреблять всѣ средства для закрытія училищъ.“ *

Изъ этого любопытнаго показанія видно до какой степени при преобразованіи управленія элементарными школами принимались въ разчетъ цѣли политическія, и между прочимъ цѣль усилить вліяніе помѣстной шляхты надъ простымъ народомъ. Эта цѣль обличается также въ статьяхъ устава, касающихся земледѣльческихъ училищъ. Изъ пяти существовавшихъ въ Царствѣ заведеній сего рода, сохранены только три, съ передачей ихъ, подъ наименованіемъ школъ низшихъ сельскихъ офиціалистовъ, въ завѣдываніе мѣстныхъ помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено открывать вновь училища сельскихъ офиціалистовъ, какъ скоро помѣщикъ предоставитъ въ пользу такой школы помѣщеніе съ отопленіемъ и четыре морга ** земли. Въ случаѣ подобной жертвы со стороны помѣщика, прочія издержки учреждаемой школы принимаетъ на себя казна. Ученики не платятъ за ученіе, но обязаны въ опредѣленное время производить работы въ училищномъ саду и на фольваркѣ помѣщика, который платитъ за эту работу, производимую урочно, половину или три четверти подённой платы по мѣстнымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ училища сельскихъ офиціалистовъ, предположенныя уставомъ 1862 года, могли сдѣлаться не только орудіемъ для распространенія вліянія помѣстнаго сословія на народъ, но и выгоднымъ для помѣщиковъ средствомъ пріобрѣтать за уменьшенную цѣну рабочія силы на своихъ фольваркахъ.

---

* *Dziennik Powszechny* 1861 года, № 4.

** Моргъ—$^1/_2$ десятины.

При настоящихъ обстоятельствахъ было бы неудобно отмѣнить цѣлый уставъ 1862 года, такъ-какъ это дало бы конечно поводъ ко враждебнымъ правительству толкамъ. Остается лишь устранить въ означенномъ уставѣ тѣ начала которыя отличаются самымъ непріязненнымъ политическимъ направленіемъ.

Въ этихъ видахъ нельзя не указать на слѣдующія главнѣйшія мѣры:

1) Преобразованіе устройства начальныхъ (элементарныхъ) училищъ на началахъ гминнаго самоуправленія, установленнаго указомъ 19 февраля, и равноправности всѣхъ народностей въ Царствѣ.

2) Подчиненіе учебныхъ заведеній надзору и контролю правительства, учрежденіемъ учебныхъ дирекцій.

3) Возстановленіе женскихъ гимназій.

4) Перенесеніе въ Варшаву Политехническаго института, съ отдѣленіемъ его отъ Земледѣльческаго (что въ Новой Александріи) и преобразованіе устройства и управленія низшихъ земледѣльческихъ школъ.

5) Учрежденіе педагогическихъ школъ, между прочимъ одной русско-уніятской, другой литовской и третьей нѣмецкой, съ тѣмъ чтобы сія послѣдняя была вмѣстѣ съ тѣмъ общеобразовательнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, по образцу Петропавловской нѣмецкой школы въ С.-Петербургѣ.

6) Преобразованіе Главной Школы въ Александровскій университетъ, съ присоединеніемъ къ нему богословскаго факультета взамѣнъ существующей нынѣ отдѣльно и закрытой духовной Римско-Католической академіи.

Независимо ото всего этого, ст. 385 устава 1862 года дастъ возможность устранить административнымъ путемъ всѣ частности въ коихъ оказывается враждебная намъ мысль какъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія, такъ и въ учебныхъ программахъ и т. п.

Не приступая къ этимъ мѣрамъ, совокупность которыхъ произведетъ совершенный переворотъ въ нынѣшнемъ устройствѣ и направленіи учебной части въ Царствѣ Польскомъ, надлежитъ заранѣе опредѣлить и установить положительно общія коренныя начала той системы которая принимается на будущее время.

I. Прежде всего требуетъ категорическаго разрѣшенія самый существенный вопросъ: должно ли, и въ какой мѣрѣ, Русское правительство употреблять общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ какъ политическое орудіе?

Общественное образованіе было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 году оно обратилось, какъ политическое же орудіе, противъ насъ. Можемъ ли и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно сказать себѣ рѣшительно что нѣтъ.

Было бъ излишнимъ распространяться здѣсь о нравственной сторонѣ вопроса. Достаточно сказать что всѣ усилія наши въ этомъ смыслѣ были бы безполезны. Мы никогда не

успѣемъ посредствомъ обученія привязать къ себѣ Поляковъ, слить ихъ съ Россіей, перемѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ стремленій. Опытъ доказалъ это. Тридцать лѣтъ мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силой и славой нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи, общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго на урокахъ и являющагося на экзаменахъ. Но мы только располагаемъ уроками и экзаменами; и чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи нами установленномъ, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣріе, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы.

Итакъ, отказываясь отъ мысли приспособить преподаваніе наукъ въ Польшѣ къ какимъ-либо положительнымъ политическимъ цѣлямъ и поставляя цѣлью общественнаго образованія въ этой странѣ прямое дѣло просвѣщенія, мы съ тѣмъ вмѣстѣ не только имѣемъ право, но и обязаны строго наблюдать чтобы никто другой не нарушалъ этого принципа; чтобы преподаваніе никѣмъ другимъ не было обращаемо въ средство политической и религіозной пропаганды; чтобъ элементы слабѣйшіе не дѣлались жертвой сильнѣйшаго. Нѣтъ, какъ извѣстно, національности болѣе исключительной чѣмъ польская (разумѣя тутъ собственно шляхту), такъ какъ въ ней народная гордость, врожденная или воспитанная историческимъ прошлымъ, сочеталась съ религіозною нетерпимостью. Такимъ образомъ въ Царствѣ Польскомъ, несмотря на внѣшнее господство Россіи, польская стихія подчиняетъ себѣ частью насильственно, частью нравственнымъ вліяніемъ, всѣ другіе мѣстные элементы,—русскій, нѣмецкій, литовскій и ту часть Евреевъ которые стараются выйти изъ своей замкнутости и сдѣлаться людьми образованными. Эта полонизація совершается болѣе всего именно въ училищахъ и не только искусственными мѣрами, придуманными въ уставѣ 1862 года, но еще больше нравственными путями, вліяніемъ товарищей - Поляковъ, ихъ убѣжденіями, ихъ насмѣшками. Старожилы замѣчаютъ что такимъ образомъ дѣти Русскихъ, Нѣмцевъ, Евреевъ, поступающія въ училища Царства, выходятъ изъ нихъ Поляками и даже самыми ярыми, стыдящимися національности своихъ родителей. Само собою разумѣется что мы обязаны немедленно устранить изъ дѣйствующихъ правилъ по учебной части всѣ тѣ постановленія которыя разсчитаны для искусственной полонизаціи и принять за основной принципъ нашъ въ этомъ отношеніи полную равноправность всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ. Но этого мало; чтобы признаваемая нами равноправность не была только мнимою, чтобы полонизація въ дѣйствительности не продолжалась, благодаря нравственному давленію польскаго большинства въ училищахъ, необходимо поощрять

насколько возможно учрежденіе отдѣльныхъ училищъ для нелольскихъ жителей края. Это будетъ самымъ вѣрнымъ и едва ли не единственнымъ средствомъ оградить отъ польской пропаганды всѣ инородные элементы, сохраненіе которыхъ столь важно для насъ. Русское общество поняло настолтельную необходимость такого дѣла для защиты дѣтей Русскихъ живущихъ въ Царствѣ отъ быстраго ополяченія; частная инціатива создала въ Варшавѣ Русскую Школу. Желательно при первой возможности и сколь можно скорѣе дать этой Русской Школѣ средства развиться въ русскую гимназію и, держась того же начала въ отношеніи къ другимъ національностямъ, послѣшить учрежденіемъ на первый разъ еще нѣмецкой школы въ Варшавѣ, по образцу существующаго въ С.-Петербургѣ Петропавловскаго училища. Но еще несравненно важнѣе для насъ предохранить элементарное образованіе, особенно въ сельскихъ школахъ, отъ враждебной намъ политической пропаганды. Нѣтъ никакого сомнѣнія что крестьяне Царства Польскаго, получивъ нынѣ свободу, самоуправленіе и матеріальное улучшеніе быта, устремятся къ просвѣщенію, подобно тому какъ это представилось въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Въ Польшѣ этотъ первый шагъ крестьянства къ просвѣщенію будетъ имѣть огромную политическую важность; отъ него можетъ зависѣть все будущее направленіе польской націи. До сихъ поръ грамотность составляла рѣзкую грань раздѣлявшую крестьянство, съ его консервативнымъ характеромъ, отъ людей примыкающихъ къ шляхетскому элементу и воодушевленныхъ преданіями и стремленіями польской политической исключительности. Грамотный крестьянинъ былъ уже большею частію человѣкъ потерянный для крестьянства; онъ приближался къ рядамъ партіи во главѣ которой стоятъ дворяне, чиновники и ксендзы и масса которой заключается въ офиціалистахъ, мѣщанахъ и мелкой шляхтѣ. Вотъ причина почему во всѣхъ распоряженіяхъ послѣдняго времени, внушенныхъ мыслью объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, грамотность нарочно поставлялась существеннымъ условіемъ допущенія къ выборамъ и другимъ политическимъ правамъ, не взирая на то что даже въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы знаніе грамоты не признается необходимымъ для того чтобы человѣкъ могъ участвовать въ первоначальныхъ выборахъ (élections primaires). Если образованіе должно и впредь отрывать крестьянина отъ народа и вводить его въ кругъ шляхетскихъ стремленій, то чрезъ два или три поколѣнія вся польская нація придетъ въ то безобразное нравственное состояніе какое представляютъ теперь ея высшіе слои, и правительство въ этой странѣ лишится единственной точки опоры. Въ то же время Русское правительство не можетъ принять на себя неблаговидную задачу препятствовать народу въ его стремленіи къ ученію. Этимъ мы дали бы оружіе противъ себя и не только не достигли бы цѣли, но

лоощрили бы въ деревняхъ распространеніе тайнаго и прямо враждебнаго намъ обученія.

Лучшее что можно и слѣдуетъ сдѣлать состоитъ въ томъ чтобы предоставить первоначальное образованіе, особенно въ селахъ, наибольшему по возможности вліянію самихъ обществъ, устранивъ въ этомъ дѣлѣ всякое искусственное понужденіе или препятствіе, и затѣмъ позаботиться чтобы первоначальныя сельскія училища и преподаваніе въ нихъ были ограждены отъ вліянія шляхты и ксендзовъ. Въ настоящее время сельскою школой управляетъ приходскій священникъ или ломѣщикъ, отъ учителя требуются такія условія (квалификаціи) вслѣдствіе которыхъ ни одинъ человѣкъ принадлежащій самъ къ простому народу не можетъ сдѣлаться наставникомъ въ селѣ.

Все это необходимо устранить чтобы крестьянскій мальчикъ вступившій въ школу находилъ въ ней духъ крестьянства и не переставалъ принадлежать къ той общественной средѣ въ которой призванъ жить.

Вотъ главныя мысли руководившія при составленіи представляемаго проекта новаго устава начальныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ.

II. Но надлежитъ еще обезпечить приведеніе въ дѣйствіе новаго устава, дать соотвѣтственное направленіе сельскимъ училищамъ, получающимъ теперь столь важное значеніе въ Польшѣ, и вообще устроить дѣйствительный надзоръ за преподаваніемъ во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя законоположеніемъ 1862 года поставлены внѣ всякаго правительственнаго контроля. Для достиженія этихъ цѣлей необходимо учрежденіе въ Польшѣ учебныхъ дирекцій. Разумѣется, для того чтобы такое учрежденіе могло получить дѣйствительное значеніе и принести пользу, директоры училищъ должны быть обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и получить достаточную власть, да сверхъ того существенно необходимо чтобы правительство поставило себѣ неизмѣннымъ правиломъ (не заявляя этого гласно) назначать въ должность директоровъ только Русскихъ или особенно благонадежныхъ Нѣмцевъ. Такихъ директоровъ казалось бы нужнымъ имѣть до десяти и, кромѣ того, особаго инспектора частныхъ учебныхъ заведеній собственно для Варшавы. Чтобы придать бо́льшую дѣйствительность учрежденію учебныхъ дирекцій и тѣснѣе связать его съ училищнымъ управленіемъ, проектировано также, взамѣнъ префектовъ, которые по уставу 1862 года должны быть назначаемы преимущественно изъ ксендзовъ для наблюденія за порядкомъ въ гимназіяхъ, возстановить въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ прежнюю должность инспекторовъ и сдѣлать этихъ послѣднихъ ближайшими помощниками начальниковъ учебныхъ дирекцій.

Въ практическомъ исполненіи этой мѣры окажется вѣроятно возможнымъ поручать должность инспекторовъ гимназій благонадежнѣйшимъ изъ учителей русскаго или нѣмецкаго происхожденія.

III. Остается затѣмъ рѣшить еще слѣдующіе три основные вопроса, возбуждаемые всею прежнею исторіей учебной части въ Царствѣ Польскомъ:

Желательно ли для правительства развитіе въ Польшѣ высшаго образованія, или возвратиться къ прежней системѣ стѣснявшей это развитіе?

Слѣдуетъ ли сохранить введенную въ 1862 года систему общаго классическаго образованія, или возвратиться къ прежней системѣ, поощрявшей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ техническую спеціализацію преподаванія?

Наконецъ, какія права должны принадлежать русскому языку въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Въ отношеніи къ первымъ двумъ вопросамъ предстоитъ, какъ кажется, отказаться безусловно отъ старой системы 30хъ и 40хъ годовъ и, принявъ за исходную точку уставъ 1862 года, приводить въ исполненіе и по возможности развивать далѣе всѣ тѣ его постановленія которыя клонятся къ тому чтобы поднять уровень образованія въ Польшѣ. Уже выше было замѣчено что полупросвѣщеніе которое водворялось въ Польшѣ при прежней системѣ, недопускавшей высшаго преподаванія наукъ и дававшей ученію съ IV или V класса гимназіи одностороннее техническое направленіе,—что это полупросвѣщеніе составляетъ самую воспріимчивую почву для революціонныхъ стремленій и ложныхъ увлеченій.

Тридцатилѣтній опытъ въ этомъ отношеніи привелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Развитію фантастическихъ польскихъ идей въ новыхъ поколѣніяхъ можно противодѣйствовать единственно распространеніемъ серіознаго образованія, поощреніемъ къ мыслительному труду. Отказавшись отъ непримѣнимой на практикѣ мысли что казенное ученіе можетъ быть сдѣлано въ Польшѣ проводникомъ политическихъ убѣжденій, правительству остается всемѣрно заботиться о процвѣтаніи Варшавскаго университета и другихъ училищъ края, и должно надѣяться что такое безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системой въ политическихъ интересахъ Россіи. Нельзя въ этомъ отношеніи не обратить вниманія на Главную Школу (Варшавскій университетъ). Несмотря на то что она была открыта въ самое бурное время, въ 1862, и что въ ней не могли еще установиться тѣ преданія которыя служатъ противодѣйствіемъ увлеченіямъ молодежи, изъ числа студентовъ этой школы, которые записались на 1862—63 годахъ,—728,—не болѣе 13 въ самомъ началѣ возстанія ушли въ банды, а на 1863—64 годахъ изъ общаго числа 649 студентовъ 72 человѣка оказались по какимъ бы то ни было причинамъ прикосновенными къ политическимъ дѣламъ, или вообще выбыли изъ школы съ 1 января по конецъ апрѣля 1864 года.

Эти цифры, извлеченныя изъ именныхъ списковъ составленныхъ управленіемъ Генералъ-Полицеймейстера въ Царствѣ, должны быть признаны довольно благопріятными при

общемъ состояніи Края и свидѣтельствуютъ о томъ въ какой мѣрѣ, даже во время разгара революціоннаго движенія, занятія наукой могутъ отвлечь большинство польскихъ юношей отъ политическихъ предпріятій. Во всякомъ случаѣ, сколько бы воспитанниковъ ни было замѣшано въ безпорядкахъ или преступныхъ замыслахъ, должно, подвергая виновныхъ заслуженной карѣ, хотя бы даже если нужно съ крайнею строгостью, всячески избѣгать закрытія самаго училища, такъ какъ этимъ мы же сами, прерывая занятія всѣхъ остальныхъ учащихся въ школѣ, предоставляли бы ихъ въ жертву революціонной пропагандѣ. Существованіе въ Варшавѣ высшаго учебнаго заведенія, которое предлагало бы молодежи польской университетское образованіе, принесетъ несомнѣнную пользу и тѣмъ что оно неминуемо отвлечетъ изъ русскихъ университетовъ значительную часть польской молодежи, нынѣ туда стекающейся. Въ прежнее время правительство считало нужнымъ направлять молодыхъ Поляковъ въ наши университеты, въ надеждѣ что они тамъ будутъ освобождаться отъ своей чрезмѣрной національной исключительности. На дѣлѣ однако оказались результаты прямо противоположные. Студенты изъ Поляковъ, живя постоянно въ замкнутыхъ кружкахъ, нисколько не выходили изъ своей національной исключительности, а скорѣе въ ней утверждались еще болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли большею частію вредное вліяніе на своихъ русскихъ товарищей. Посему должно, кажется, признать болѣе желательнымъ чтобы Поляки учились въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ нежели чтобъ они наполняли собою русскія.

Что касается наконецъ вопроса о русскомъ языкѣ, то очевидная необходимость заставляетъ рѣшительно отказаться отъ мысли обрусить Поляковъ въ Царствѣ искусственными мѣрами. Для этого у насъ нѣтъ достаточно средствъ. Притомъ опытъ доказалъ что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже полнымъ наружнымъ обрусѣніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи. Надобно повторить: никакое внѣшнее знаніе искусственно прививаемое не сблизитъ съ Россіей Поляковъ высшихъ сословій, ибо они могутъ сблизиться съ нею только тогда когда, при значительномъ ослабленіи польскаго элемента въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, нельзя будетъ мечтать о возстановленіи Польши въ ея прежнемъ значеніи и когда, съ уничтоженіемъ или по крайней мѣрѣ съ закрытіемъ вреднѣйшихъ католическихъ монастырей, какъ мужскихъ такъ и женскихъ, изсякнетъ главный источникъ религіознаго фанатизма и ослабѣетъ нить управляющая польскими умами изъ Рима. Какъ бы то ни было, но для устройства учебной части въ Царствѣ необходимо самыми рѣшительными мѣрами оградить въ немъ училища отъ религіозной пропаганды монашескихъ орденовъ. Нынѣ уже замѣчается что члены ордена

миссіонеровъ и общины фелиціанокъ стали съ особенною ревностью заниматься обученіемъ дѣтей въ деревняхъ *.

Даже въ уніятскихъ селеніяхъ Холмской епархіи фелиціанки обучаютъ грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ, выходя изъ предѣловъ настоящей записки, составляетъ по самой важности своей предметъ особыхъ изслѣдованій. Что же касается спеціальнаго вопроса о русскомъ языкѣ, то безполезно было бы водворять его въ польскихъ училищахъ собственно съ цѣлью развить въ нихъ русскій духъ. Достаточно если Поляки будутъ учиться русскому языку какъ одному изъ необходимыхъ для нихъ предметовъ общаго образованія. Въ этомъ смыслѣ уставъ 1862 года даетъ русскому языку должное значеніе, но къ сожалѣнію, въ примѣненіи на практикѣ, правительственная коммиссія низвела русскій языкъ на послѣднее мѣсто и дозволила училищнымъ начальствамъ и ученикамъ выказывать къ нему такое оскорбительное пренебреженіе что почти всѣ русскіе учителя принуждены были оставить свою должность. Необходимо въ этомъ дѣлѣ взяться за строгое, буквальное исполненіе постановленій устава 1862 года и въ такомъ случаѣ, при вліяніи новаго учрежденія учебныхъ дирекцій, языкъ нашъ выведенъ будетъ изъ унизительнаго положенія въ какое онъ теперь поставленъ по злоупотребленію мѣстныхъ властей.

Повторяя въ заключеніе выводы всего изложеннаго выше, можно сказать что основныя начала общественнаго образованія которыя казалось бы всего полезнѣе принять въ Царствѣ Польскомъ, должны состоять въ слѣдующемъ:

1) Не примѣшивать къ преподаванію въ школахъ никакихъ прямыхъ политическихъ цѣлей.

2) Принять начало полной равноправности всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ, и для охраненія иноплеменныхъ стихій отъ польской пропаганды покровительствовать учрежденію отдѣльныхъ училищъ русскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ.

---

* Замѣчательно что учрежденіе конгрегацій фелиціанокъ есть въ Польшѣ явленіе послѣднихъ лѣтъ и что онѣ основаны преимущественно на юго-востокѣ Края, гдѣ предстоитъ самое обширное поприще латинской пропагандѣ,—въ епархіяхъ Подлясской и Сандомірской. Изъ печатныхъ списковъ римско-католическаго духовенства въ Польшѣ за 1864 годъ видно что въ Царствѣ существуютъ 8 такихъ конгрегацій; изъ нихъ 6 въ Подлясской епархіи (гдѣ значительная часть населенія Русскіе и уніяты), а двѣ въ Сандомірской. Въ первой изъ сихъ епархій конгрегаціи фелиціанокъ учреждены: въ деревнѣ Цераковѣ въ 1859 году г. Гурскимъ; въ деревнѣ Ружанкѣ въ 1860 году гр. Августомъ Замойскимъ; въ деревнѣ Колянѣ и деревнѣ Гепсѣ, обѣ въ томъ же году, гр. Лубенскою; въ деревнѣ Броницѣ, въ 1862 году, г. Шмобовскимъ и въ городѣ Сѣдльцахъ въ 1862 году на счетъ частныхъ сборовъ; въ Сандомірской епархіи, въ деревнѣ Чижовѣ, г. Прендовскимъ и въ деревнѣ Гуркахъ гр. Ледоховскою, обѣ въ 1861 году.

3) Обратить особенное вниманіе на сельскія и вообще начальныя (элементарныя) училища, оградивъ ихъ, по возможности, отъ вліянія ксендзовъ, монаховъ и шляхты, и предоставивъ взамѣнъ того опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ общественнымъ сходамъ и ихъ выборнымъ.

4) Возстановить закрытыя въ 1862 году женскія училища и по возможности развивать и умножать ихъ число.

5) Имѣть за всѣми учебными заведеніями дѣйствительный и постоянный надзоръ, посредствомъ твердо организованной дирекціи училищъ, порученной преимущественно Русскимъ или особенно благонадежнымъ Нѣмцамъ.

6) Покровительствовать всѣми мѣрами развитію высшаго научнаго образованія и вообще серіозному знанію, и для этого удержать, между прочимъ, данное уставомъ 1862 года классическое направленіе среднимъ учебнымъ заведеніямъ и, насколько можно, содѣйствовать преуспѣянію Варшавскаго университета. *

7) Дать русскому языку почетное мѣсто между предметами преподаванія, устраняя однако мысль объ усиленномъ обрусѣніи польскаго юношества.

На сихъ началахъ составлены и при семъ представляются проекты указовъ:

I. О начальныхъ училищахъ въ Царствѣ.

II. О женскихъ училищахъ.

III. О нѣмецкихъ училищахъ въ Варшавѣ.

IV. Объ учебныхъ дирекціяхъ.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи къ сей запискѣ заключаются матеріалы необходимые для обсужденія настоящаго дѣла.

За симъ, если изложенныя выше соображенія удостоятся Высочайшаго одобренія и Его Императорское Величество соизволитъ утвердить проекты означенныхъ указовъ, то необходимо будетъ, одновременно со введеніемъ оныхъ въ дѣйствіе, приступить къ составленію проектовъ: 1) объ учрежденіи въ Варшавѣ русской гимназіи въ связи съ существующею тамъ русскою школой; 2) о преобразованіи на изложенныхъ выше основаніяхъ управленія земледѣльческими училищами; 3) объ учрежденіи педагогическихъ школъ русско-уніятской и литовской; 4) о преобразованіи Главной Школы въ Варшавскій университетъ, съ возстановленіемъ въ немъ богословскаго факультета римско-католическаго, а равно и о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

---

* Милютинъ предполагалъ образовать при этомъ университетѣ богословскій факультетъ взамѣнъ закрытой Варшавской Духовной Академіи, но это предположеніе не осуществилось. *П. Щ.*

2007055022